

XX
ВЕК

В документах
и исследованиях

**Революции 1989 года
в странах
Центральной (Восточной)
Европы**

*Взгляд
через десятилетие*

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
ПО ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ,
ДВИЖЕНИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES
SCIENTIFIC COUNCIL
FOR SOCIAL REFORMS,
MOVEMENTS AND REVOLUTIONS

XX *Century in the Documents and Researches*

Revolutions of 1989 in the Countries of Central (Eastern) Europe

View a Decade After

Editor-in-Chief
Academician G. N. SEVOSTYANOV

MOSCOW «NAUKA» 2001

XX век в документах и исследованиях

Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы

Взгляд через десятилетие

Ответственный редактор
академик Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ

МОСКВА «НАУКА» 2001

УДК 63.3(0)64
УДК 94(100–87)
Р 32

*Серия “XX век в документах и исследованиях”
основана в 2001 году*

Редколлегия:

доктор исторических наук *Э.Г. Задорожнюк*,
доктор философских наук *Ю.С. Новопашин*

Рецензенты:

доктор экономических наук *Ю.К. Князев*,
доктор исторических наук *К.В. Никифоров*

Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы:
Взгляд через десятилетие. – М.: Наука, 2001. – 204 с.
ISBN 5-02-008748-3

Сборник подготовлен по материалам международной конференции, состоявшейся в Москве и приуроченной к 10-летию событий в странах Центральной (Восточной) Европы, которые на рубеже 1989–1990-х годов привели здесь к крушению прежних государственных систем. В нем впервые в отечественной и зарубежной историографии предпринята попытка проанализировать комплекс внутренних и внешних причин краха “реального социализма” в регионе. Авторы рассматривают историю “бархатных” революций, чехословацкую, болгарскую, венгерскую, польскую модели перехода к демократии на основе богатых источников, включая впервые вводимые в научный оборот архивные материалы, документы основных оппозиционных сил и прессу стран региона, а также новейшую зарубежную литературу.

Для историков и широкого круга читателей.

ТПП-2001-П-№ 30

ISBN 5-02-008748-3

© Издательство “Наука”, 2001

© Российская академия наук и издательство
“Наука”, серия “XX век в документах и исследованиях” (разработка, оформление),
2001 (год основания), 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Новопашин Ю.С.</i> (Москва) Восточноевропейские революции 1989 г.: проблемы изучения	11
<i>Пречан В.</i> (Прага) Чехословакия на пути к демократической революции	26
<i>Парадовски Р.</i> (Торунь) Революция 1989 г. в Польше: попытка философского обоснования	35
<i>Коровицына Н.В.</i> (Москва) “Бархатные” революции как феномен массового сознания восточноевропейцев	43
<i>Фельдман Д.М.</i> (Москва) Россия и Восточная Европа: от “холодной войны” к новому мировому порядку	56
<i>Задорожнюк Э.Г.</i> (Москва) Революции 1989 г. и процессы становления новой региональной идентичности Центральной Европы (по архивным материалам)	64
<i>Субботин А.А.</i> (Москва) Строительство единой Европы как импульс к падению “коммунистических” режимов.....	82
<i>Желицки Б.Й.</i> (Москва) Общая эрозия “реального социализма” и Венгрия конца 80-х годов. Предпосылки и причины революционной ломки	89
<i>Майорова О.Н.</i> (Москва) Польша 80-х годов: поиск пути к компромиссу	99
<i>Лыкошина Л.С.</i> (Москва) Специфика состояния польского общественного сознания и революция 1989 г.	113
<i>Бухарин Н.И.</i> (Москва) Внутренние факторы польской революции 1989 г.	119
<i>Бакер Р.</i> (Торунь) К вопросу о роли “круглого стола” в процессе трансформации польской политической системы	131

<i>Милякова Л.Б.</i> (Москва)	
Внешнеполитические концепции польской оппозиции (1980–1989 гг.)	139
<i>Марьина В.В.</i> (Москва)	
Чехословацкая историография: перипетии движения к “бархатной” революции (1945–1989 гг.)	147
<i>Щербакова Ю.А.</i> (Москва)	
Политические силы в чехословацкой революции	169
<i>Бартушка В.</i> (Прага)	
Советское влияние на смену режима в Чехословакии в 1989 г.	176
<i>Валева Е.Л., Зудинов Ю.Ф.</i> (Москва)	
Болгарский вариант “нежной революции”	182
<i>Яжборовская И.С.</i> (Москва)	
Политологические подходы к проблематике трансформации общественного устройства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	192
Сведения об авторах	203

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ноябре 1999 г. исполнилось десять лет с начала революций и реформ в Центральной Европе. Под последней здесь понимается пояс из двенадцати государств между Балтикой и Адриатикой (Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Македония, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия и Союзная Республика Югославия), составлявших ранее регион Центральной и Юго-Восточной Европы, т.е. ту часть континента, которая находилась под управлением коммунистов и именовалась “социалистическим лагерем”, странами “реального социализма”, их “содружеством” и т.п. Революционно-демократические преобразования в этих странах, а также отстранение от власти КПСС и распад СССР в конце 1991 г. – события всемирно-исторической важности. По своим последствиям (геополитическим, социально-экономическим, идеологическим и пр.) они, как полагают западные ученые и публицисты, оказали большее влияние на международную ситуацию, чем поражение нацистского рейха во второй мировой войне, ибо повлекли за собой коренное изменение прежнего равновесия сил. Однако в российском общественном сознании упомянутые радикальные перемены в центрально-европейском регионе еще не стали объектом комплексного и систематического исследования.

Причины такого положения многообразны, и, быть может, прежде всего заслуживает упоминания отсутствие прямой государственной заинтересованности, поскольку с точки зрения правительственно-дипломатических и торгово-экономических приоритетов центрально-европейский регион занимает у отечественной политической элиты далеко не первое место. Между тем за пределами России демократические революции 1989 г. и процесс реформирования посткоммунистического общества – объект весьма пристального внимания. Денег на научный анализ этого процесса не жалеют, а выводы из него делаются нередко такие, что лишь подпитывают русофобские настроения, негативизм в отношении истории СССР и действий его сегодняшних кремлевских наследников и правопреемников.

Разумеется, для критического отношения к восточноевропейской политике советского (а затем и российского) руководства оснований было более чем достаточно. Творцы этой политики до самого крушения в регионе коммунистических режимов делали ставку исключительно на номенклатурный слой, полагая, что “братские партии” могут поправить дела в своих странах с помощью перестановок в правящей “обойме”, освобождения от занимаемых постов консервативно настроенных деятелей типа Т. Живкова, Э. Хонеккера и др. Понимания же того, что проблема не в соотношении “консерваторов” и “прогрессистов”

(перестройщиков) внутри компартии, а в ее исторической реакционности как таковой, в принципе не восприимчивой к демократическим методам политической жизни и государственного управления, у “кремлевских мечтателей” не было по определению. Потому-то они и оказались неспособны выйти за номенклатурные пределы, учесть при формировании во второй половине 80-х годов принципов “нового политического мышления” реальную ситуацию в восточноевропейских странах, характеризовавшуюся повсеместным падением доверия к коммунистам и массовым ростом авторитета оппозиционных к ним организаций и движений, таких, к примеру, как польская “Солидарность”, чехословацкая “Хартия-77” и др. Иными словами, отождествление своего отношения к упомянутым странам главным образом с деятельностью компартий привело советское руководство после революционных преобразований 1989–1990 гг. к немалому замешательству, а следовательно, к умножению во внешней политике элементов медлительности, невнимания и откровенного пренебрежения к этим странам.

Но это, конечно, лишь одна сторона проблемы. Другая же заключается в том, что подобное отождествление поставило советское руководство в глазах народов новых центральноевропейских демократических государств отнюдь не в ряды доброжелателей этих государств и послужило, кстати, одной из очевидных причин для действий последних по ограничению связей с Советским Союзом (Российской Федерацией). И здесь никак нельзя согласиться с той, прямо скажем, односторонней аргументацией, с помощью которой теперешние власти центральноевропейских стран склонны в оправдание этих своих действий все валить на советскую (российскую) сторону. Заметим, что, в частности, и отсюда произрастают упомянутые выше русофобские настроения, негативизм в отношении истории СССР и действий российского руководства¹. Автору этих строк уже приходилось определять в печати свою позицию по данному поводу. Можно еще раз подчеркнуть, что, не отрицая элементов медлительности, невнимания к центральноевропейским странам в политике РФ, следует все же иметь в виду, что в свертывании в первое посткоммунистическое пятилетие их взаимных связей и сотрудничества с Россией в не меньшей, а даже, наверное, в значительно большей степени виноваты они сами, поспешно и весьма недальновидно расценив весь комплекс этих связей как лишь навязанный прежней системой и потому неперспективный, а то и просто подлежащий ликвидации.

О чем это свидетельствует? О том, главным образом, что революционно-преобразовательная деятельность никогда не дает в результате чистый позитив, что немало в революциях, даже свершающихся в реформистских, “бархатных” формах, импульсивного, непродуманного, ошибочного. Только аргументированный научный разбор всей совокупности революционных событий в состоянии, что называется, отделить зерна от плевел, понять механизм внутреннего сцепления внешне, казалось бы, совершенно различных общественных явлений, прийти к обобщениям, основанным не на одной исследовательской интуиции, но прежде всего на знании страновой и региональной конкретики.

Нельзя сказать, что отечественное обществознание, академическая наука не начали движения в этом направлении. Допустим, журнал “Славяноведение” еще в 1997 г. открыл рубрику “К десятилетию восточно-европейских революций”, в рамках которой опубликовано с десяток статей, затрагивающих самые различные стороны указанной проблематики. Сюда же следует отнести и настоящий сборник. В него вошли 18 материалов российских и зарубежных исследователей, по преимуществу историков (им принадлежит 13 из 18 статей), в которых затрагиваются общетеоретические аспекты избранной темы: от вычленения актуальных проблем изучения этой темы, в том числе дискуссионных, через анализ революций 1989 г. в ракурсе общей эрозии в регионе “реального социализма”, сдвигов в массовом сознании восточноевропейцев, включая влияние настроений и взглядов коммунистов, оппозиционных власти, к рассмотрению соотношения внутренних и внешних факторов в качестве исторических предпосылок и конкретных причин политико-государственной ломки конца 80 – начала 90-х годов XX в., особенно фактора советского влияния.

Страновой характер имеют 11 из 18 статей, т.е. они посвящены разбору событий 80-х годов в отдельно взятых тогдашних социалистических государствах. Эти статьи, написанные историками-страноведами, содержат немало нового материала, вряд ли до сих пор известного российскому читателю. Так, если коснуться Болгарии, затрагивается весьма щекотливый вопрос об активной антижизковской деятельности летом и осенью 1989 г. Чрезвычайного и Полномочного посла Советского Союза в НРБ В.В.Шарапова и советника-посланника В.Ф.Терехова. Эта “подпольная” деятельность по уламыванию членов и кандидатов в члены политбюро и секретариата ЦК БКП занять позицию отстранения генсека, проводившаяся при посредничестве А.Луканова, сыграла, как считает софийская пресса, важную роль в поведенческой радикализации многих партийных деятелей и принятии ими в ноябре 1989 г. соответствующего решения. Подобные сведения, конечно, окажут воздействие на сложившееся в нашей общественной науке представление о невмешательстве каких бы то ни было органов КПСС и СССР в восточноевропейские дела в предреволюционное время и в период эпохальных преобразований конца 1989–1990 гг.

Разумеется, данный сборник в чем-то фрагментарен, не охватывает всех стран региона. Его авторы абстрагируются от событий тех лет на землях бывшей СФРЮ, в результате которых возник ряд независимых югославянских государств. Они считают, что определение характера указанных событий, включая кровопролитные военные действия (Хорватия, Босния и Герцеговина, Косово), – особая тема, ибо там превалировали этнополитические предпосылки и причины этих событий, по отношению к которым вопросы антитоталитарных революционных преобразований, демократизации государственной и всей общественной жизни занимают сугубо подчиненное место. Понятно и то, что истекшее десятилетие со времени революций 1989 г. – это для историка весьма небольшая исследовательская ретроспектива, а значит, “источниковый голод”, почти полное отсутствие фундаментальных работ по

интересующему предмету суть неизбежные, хотя и нежелательные, спутники ученого, решившего заниматься подобными сюжетами.

И все же такого рода издания безусловно полезны, во-первых, с точки зрения пополнения знаний читающей публики об антикоммунистических революциях, ставших отличительной чертой прошедшего столетия. Истории уже хорошо известны антифеодальные, буржуазно-демократические, национально-освободительные и так называемые социалистические революции. О необратимости последних, якобы кладущих предел насильственному разрешению непримиримых классовых противоречий и переводящих социальную энергию в разумное русло построения нового, бесклассового мира, немало было сказано за XX век всяческих высоких слов приверженцами и глашатаями марксизма-ленинизма. Хотя еще в XIX в. А.И. Герцен решительно отказался ставить точку и на этой предполагаемой благодной для человечества ступени общественного прогресса. “Социализм, – замечал он, – разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. И тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отчаяния, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущею, неизвестною нам революцией”².

Эти антисоциалистические (антикоммунистические) революции дали о себе знать лишь на рубеже 80–90-х годов XX в., так сказать, в наше время; и нам как современникам новых общественных катаклизмов, давно, кстати, предсказанных, но все равно разразившихся во многом для всех неожиданно, еще трудно охватить их своей мыслью, непросто разобраться в подлинной сущности подобных радикальных трансформаций и сделать обоснованные выводы о значении их для начавшегося XXI века. Поэтому чрезвычайно актуально дальнейшее приращение знаний о революциях 1989 г. – будь то в виде статей в научных журналах, материалов коллективного обсуждения проблемы, подобных настоящему сборнику, или же в форме фундаментальных монографических исследований, публикаций документальных собраний и т.д.

Во-вторых, выход в свет этого сборника (как и любой из других разновидностей научных трудов) будет способствовать непростому процессу налаживания диалога культур, преодоления во многом искусственно созданной идеологической конфронтации между Российским государством и центральноевропейскими странами, т.е. выступит в качестве элемента ослабления русофобских настроений, опирающихся на уже устаревшую парадигму антисоветизма.

Ю.Новопашин

¹ Этим негативизмом буквально проникнута, например, статья бывшего Чрезвычайного и Полномочного посла Чехии в Москве Лубоша Добровского, опубликованная в российской печати. См.: *Добровский Л.* Как желают демократы... // Независимая газета. 2001. 15.02. С. 11.

² *Герцен А.И.* Собрание сочинений. В 8-ми томах. М., 1975. Т. 3. С. 323.

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1989 г.: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

На протяжении истекших десяти лет (1989–1999) Отдел современной истории Института славяноведения РАН постоянно держал в поле зрения проблемы изучения восточноевропейских революций. Только за 1991–1997 гг. издано девять коллективных работ, прямо или косвенно касавшихся упомянутых проблем¹. Однако монографических исследований этих революций нашими специалистами-страноведами, как, впрочем, и представителями других академических учреждений, пока еще не осуществлено. Исключение составляет, насколько можно судить, лишь книга И.Н. Кузьмина “Крушение ГДР. История. Последствия” (М., 1996).

Представляется, что в дальнейшем осмыслении нуждается прежде всего проблема предпосылок и конкретно-исторических причин краха в восточноевропейских странах “большевистской” системы. Ясно, что предпосылки и причины в этом контексте – не одно и то же. Возьмем, например, длительное пребывание в Восточной Европе вооруженных группировок Советского Союза, которое, как мне доводилось писать ранее, “сыграло роль своеобразного негативного психологического раздражителя для народов этого региона, явилось немаловажной предпосылкой антикоммунистических революционных событий 1989–1990 гг.”² Но к непосредственным конкретно-историческим причинам указанных событий факт пребывания в 1989 г. советских войск в Венгрии, ГДР, Польше и ЧССР отнести нельзя. Они находились в местах постоянной дислокации и не запятнали себя на этот раз акциями силового подавления народных выступлений против коммунистических властей, хотя опосредованно подобное “невмешательство” воздействие на рассматриваемые события оказало. М.С. Горбачев, отмечая в своих мемуарах, что “у пришедших к руководству в СЕПГ (после ухода Э.Хонеккера. – Ю.Н.) людей хватило разума и мужества не пытаться потопить в крови народное недовольство”, вполне резонно добавляет: “Думаю, определенную роль в этом сыграла и наша позиция. Тогдашним руководителям ГДР было ясно, что советские войска при всех обстоятельствах останутся в казармах”³.

По прошествии постреволюционного десятилетия в тех европейских странах, которые создавали в прошлом социализм по марксистско-ленинским рецептам, изменились не только форма, но и содержание политико-государственной системы (а во многом и социально-экономической), включая почти полное обновление реальных фигурантов отправления властных и управленческих функций. Это обновление оказалось возможным, поскольку поколенческая ситуация в Восточной Европе за 40 лет “социалистического строительства” осталась все же более благоприятной для демократических преобразований, нежели в России, в частности сохранились остатки альтернативных коммунистам горизон-

тальных структур гражданского общества, чего в СССР (Российской Федерации) за семь десятилетий поистине инквизиторской нетерпимости большевиков не могло быть уже по сугубо демографическим причинам. Следовательно, здесь сыграли свою позитивную для демократических преобразований роль такие предпосылки, о которых применительно к постсоветским просторам говорить по большей части просто не приходится.

Анализируя причины “ноябрьской революции” 1989 г. в ГДР, автор вышеназванной монографии о крушении этого “форпоста социализма” в Европе выделяет в качестве важнейших следующие: воля народа к единству; угроза финансового краха республики; рост негативного потенциала (т.е. недовольства населения); “склероз” коммунистической власти; внешние факторы, ограничивавшие свободу маневрирования руководства, в первую очередь утрата поддержки со стороны бывших союзников как следствие распада социалистического содружества и Организации Варшавского договора⁴.

Можно с ним в чем-то соглашаться или не соглашаться, но ясно, что по отношению к другим странам будут свои модификации важнейших конкретно-исторических причин революционных событий. Так, применительно к Венгрии и Польше вряд ли уместно говорить о “склерозе” коммунистической власти, которая в целом не отличалась все же катастрофической для того времени марксистско-ленинской “железобетонностью”, пошла на обсуждение проблем демократизации государственной и всей политической системы за “круглым столом” с представителями некоммунистических сил и добровольно, без эксцессов передала последним бразды правления, проиграв на общенародных выборах.

Осмысление примера венгерских и польских событий 1989–1990 гг. ведет, думается, вообще к известному уточнению научного понимания феномена революции, соотношения последней с преобразованиями в обществе путем реформ. В нашем сознании, сформированном марксистско-ленинским образованием, коренится известное противопоставление реформ и революции: дескать, реформы общественного строя не меняют, даже самые радикальные, в то время как революция, пусть и совершенная бескровно, обязательно меняет. Опыт демократических преобразований 1989–1990 гг. в Венгрии и Польше говорит об ином: ни в той, ни в другой стране не было в 1989 г. массовых демонстраций недовольства властями, как в ГДР, ЧССР, Болгарии и Румынии, путь государственно-политических преобразований являлся здесь чисто реформистским, но дал классический радикально-революционный результат. Справедливо, видимо, и обратное заключение: радикально-кровавые меры по принципу “весь мир насилья мы разрушим, а затем...” не всегда могут обеспечить подлинно революционный результат, т.е. смену старой тоталитарной государственно-политической системы, а не только внешней формы этой системы.

В наборе важнейших причин “ноябрьской революции” в ГДР И.Н. Кузьмин не упомянул о резком ухудшении положения трудящихся масс, которое мы нередко еще называем важнейшей причиной возникновения в той или иной стране революционной ситуации. Опять

сошлюсь на каноны исходного нашего советского образования, согласно которым, говоря ленинскими словами, “только когда настает безысходная нужда, когда народ попал в положение невозможное”, усилия революционного класса падают на благодатную почву, т.е. он может “претворить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания”⁵. И.Н. Кузьмин этими “канонами” пренебрег, и не случайно. Ибо ни в ГДР, ни в других тогдашних социалистических странах не было резкого ухудшения материальных характеристик жизни населения, не наблюдалось его бедственного положения. Дело больше заключалось в высокой степени несостоятельности властного начала в глазах народа, чем в недовольстве снижением социально-экономического уровня жизни, хотя оно, конечно, имело место и восторга населения не вызывало. Не случайно также автор приводит в этой связи мнение Йенса Райха, одного из руководителей наиболее активного и многочисленного в ГДР гражданского движения “Новый форум”, подчеркнувшего, что “катализатором переворота осенью 1989 г. было не столько отсутствие гражданских прав и демократических свобод, сколько протест против привилегий господствовавшей верхушки. Режим рухнул под напором народного гнева... когда были подвергнуты штурму скрытые от людей дачи и охотничьи дома Тиша, Миттага и Шалька”⁶.

Разумеется, вопрос об исторических предпосылках и конкретных причинах революций 1989 г. весьма обширен, самонадеянно было бы пытаться охватить в статье все возможные его аспекты. Но если ясно, что события той поздней осени стали результатом достаточно продолжительного по времени кризиса, то разобраться в том, как этот кризис назревал, – значит во многом ответить на поставленный вопрос о предпосылках и причинах. В принципиальном плане можно выделить несколько “уровней” (компонентов) кризиса: этический, идеологический, политический, организационный, социальный, оклократический, рекреационный.

Этический уровень кризиса – это процесс “десакрализации” власти, завершившийся к концу 80-х годов полной ее дискредитацией в глазах народа. Идеологический компонент связан не столько с осознанием утопичности марксистско-ленинского учения как такового (теоретическими построениями мало кто интересовался), сколько со становившейся год от года все более очевидной для населения нефункциональностью основанной на упомянутом учении “модели” хозяйствования и с попытками номенклатуры замаскировать несостоятельность этой модели назойливой и лживой “пропагандой успехов”.

Политический уровень кризиса – процесс неизбежного в условиях коммунистической диктатуры снижения “качества” властных решений, когда борьба номенклатуры за свои привилегии, самосохранение выдвигается на первый план и все принципиальные проблемы внутренней политики – будь то в области экономики, национальных отношений или культурного строительства – оказываются подчинены полицейским проблемам. В свое время Л.Д. Троцкий, имея в виду сталинский Советский Союз, назвал подобный процесс “тоталитарным идиотизмом”⁷. Если такого рода идиотизм становится неотъемлемой чертой того или

ино государства, значит антинародное перерождение последнего зашло настолько далеко, что для подданных этого государства остается лишь путь его революционного низвержения.

Организационный компонент кризиса переплетен с политическим и выражает растущую степень неуправляемости государственной и всей общественной жизнью. Еще в XIX в. Макс Вебер, характеризуя европейский тип цивилизации, указал на такую ее закономерность, как “подчинение всего человеческого существования технически, коммерчески и прежде всего *юридически* образованным государственным чиновникам, которые являются носителями основных повседневных функций социальной жизни”⁸. В наше время эта социологическая закономерность только усилила свое воздействие на человеческое существование. Явления же разбалансированности в предреволюционных условиях механизмов управления восточноевропейскими обществами объясняются и вышеназванным снижением качества властных решений; и неспособностью или нежеланием чиновничества, озабоченного поддержанием собственного благополучия, проводить эти решения в жизнь; и частичным параличом управленческих структур, связанным с их непродуманным реформированием, недофинансированием и т.п.

Социальный уровень кризиса указывает в первую очередь на материальные характеристики жизни людей, т.е. на обеспеченность трудоспособного населения работой и возможности повышения каждым своей производственной квалификации; на размер оплаты труда и приемлемый для этих размеров масштаб розничных цен на продукты питания и товары длительного пользования; на положение в обществе пенсионеров и нетрудоспособных; на объем государственной поддержки малообеспеченных граждан, многодетных семей, студенчества и учащейся молодежи. Если все эти показатели в своем стоимостном выражении стагнируют и относительно обесцениваются или же, более того, имеют тенденцию к абсолютному сокращению, – растет народное недовольство, без которого не бывает ни одной революции.

Конечно, нельзя понимать процесс роста социального недовольства как составляющей любого серьезного общественно-политического кризиса упрощенно, наподобие, например, иерусалимскому профессору Рафаэлю Шапиро. Он считает народное недовольство большевистским правлением в послеоктябрьской России бесспорной истиной. “Сейчас нет надобности, – писал Шапиро десятилетие назад, – доказывать эту истину, факты общеизвестны. К началу нэпа страна давала 2% довоенного производства чугуна, 3% сахара, 5–6% хлопчатобумажных тканей и т.д. Если называть вещи своими именами, уже к тому времени результаты великого эксперимента в глазах народа полностью определились: он провалился”⁹.

Недовольство какой-то части российского населения большевистским правлением существовало всегда, но еще вопрос: какой именно части и в какое время? Без известной социальной и достаточно широкой опоры коммунистический режим в России не продержался бы 70 лет, начиная с 1921 г. – времени провозглашения на X съезде РКП(б) новой экономической политики. Следовательно, недовольство недо-

вольству рознь. Не всегда социальное недовольство, как уже отмечалось выше, занимает главенствующее место среди характеристик общественного кризиса в той или иной стране, не всегда прежде всего оно детерминирует революционную ситуацию, развитие которой может привести к социальному взрыву. Касаясь же конкретно российских дел, следует сказать – парадокс-то как раз заключается в том, что постоянно присутствовавшие в обществе элементы недовольства большевиками каким-то образом весьма долго уживались с элементами народной веры в успех социалистического эксперимента. В этом, видимо, и заключалась иррациональная сторона советской действительности, которую невозможно представить одноцветной – или сплошь черной, или только белой.

Теперь об охлократическом компоненте кризиса. Власть толпы не может быть созидательной, по большей части она слепа и разрушительна. Усиление этой власти является, как правило, следствием стечения сугубо неблагоприятных для любой страны обстоятельств: поражение в войне и развал армии; послевоенная разруха и бедственное положение населения; слабость революционных политических партий и движений, раздираемых взаимными противоречиями и не могущих направить народное недовольство в конструктивное русло; государственно-управленческий паралич, который, как подчеркивает российский историк В.П. Булдаков, “уместно связать с блокированием обратной связи народа и власти вездесущей в своем запретительстве или крючкотворстве бюрократией”¹⁰.

Надо сказать, что значение этого компонента, если он и присутствовал в восточноевропейских революциях, например в албанской и румынской, было по историческим меркам все же небольшим. Стечения сугубо неблагоприятных обстоятельств, перечисленных выше, не наблюдалось в конце 80-х годов ни в одной из стран Центральной и Юго-Восточной Европы, и не случайно поэтому демократические преобразования в них носили организованный и по преимуществу мирный, парламентский характер, заслужив тем самым название “нежных” или “бархатных” революций*.

Наконец, несколько слов о рекреационном уровне кризиса. Способность к восстановлению сил после тех или иных жизненных пертурбаций (длительный кризис, революционные перемены и т.п.) свойственна не только отдельным людям, но и народам, государственным образованиям. На эту способность в ту или иную сторону влияют весьма многие факторы, в детальный анализ которых здесь нет необходимости

* В данном случае мы абстрагируемся от событий первой половины 90-х годов на землях бывшей СФРЮ, в результате которых возник ряд новых независимых югославянских государств. Определение характера указанных событий, включая военные действия, – особая тема, ибо там превалировали этнополитические предпосылки и причины этих событий, по отношению к которым вопросы антитоталитарных революционных преобразований, демократизации государственной и всей общественной жизни занимали сугубо подчиненное место.

углубляться. Важно только отметить, что если Венгрии, Польше, Словакии, Словении и Чехии постреволюционного десятилетия в общем рекреационных способностей хватило, чтобы восстановиться до устойчивого ежегодного роста ВВП и, следовательно, жизненного уровня населения, то у Албании, Болгарии, Румынии и Хорватии они оказались куда более скромными.

Оставим специалистам-страноведам разработку подробной характеристики всех перечисленных компонентов кризиса, поскольку их реальный набор, конфигурация на конкретном национально-государственном материале обнаружат, несомненно, немалое своеобразие. Точно так же как будут свои отличия у каждой страны и в соотношении внутренних причин революционных событий, о которых шла выше речь, и внешних (многообразные импульсы политики СССР, западноевропейское, американское влияние и пр.).

В принципиальном плане в науке существуют два понимания такого соотношения. Сторонники одного придерживаются традиционной точки зрения, т.е. считают определяющими внутренние факторы. Приверженцы другого толкования указывают на своеобразие бывшего социалистического содружества в качестве системы межпартийного, межгосударственного и в целом международного взаимодействия – своеобразие, которое определялось исключительной дирижистской ролью КПСС и Советского государства, не характерной больше ни для каких содружеств политических партий и государств. Из этого делается оппортунистический для традиционалистов вывод о примате в указанном соотношении внешнего, советского фактора – вывод, имеющий свою логику и аргументацию.

Я склоняюсь ко второму пониманию соотношения внутренних и внешних факторов в то переломное время, а потому хотел бы поделиться соображениями о политике СССР, стремясь определить объективный вектор ее воздействия на страны восточноевропейского региона. Приведу весьма уместные в данном контексте суждения двух наших обществоведов. А.Г. Арбатов в своей монографии “Безопасность: российский выбор” считает, что “окончательное освобождение Центральной Европы было начато в конце 80-х годов Горбачевым в ходе его перестройки и “нового мышления”, и это затем всецело поддержал Ельцин как лидер демократической России. Таким образом, свобода оккупированным народам была мирно возвращена Россией, а точнее сказать, российскими демократами и мирно принята Центральной Европой”¹¹. В том же духе высказывается А.С. Ципко, который в предисловии к одной из книг бывшего члена горбачевской “команды” А.Н. Яковлева заявляет, что последний когда-нибудь расскажет, “как он с М. Горбачевым освободил от коммунизма Восточную Европу”¹². Ну если Горбачев с Яковлевым выступают в роли главных фигур антикоммунистических революций 1989–1990 гг., именно их активная перестроенная политика по отношению к восточноевропейскому региону решила все дело, то и проблема определения объективного вектора воздействия этой политики проста до тривиальности: данное воздействие имело, конечно же, сугубо положительный характер.

Однако, думается, не все так прозрачно и однолинейно, как кажется на первый взгляд, или как настойчиво пытаются представить иные российские “герои вчерашних дней”. Активной политики по отношению к восточноевропейскому региону в перестроечные годы у Советского Союза как раз и не было. Правда, отказ от “доктрины Брежнева” М.С. Горбачев продекларировал еще на встрече генеральных и первых секретарей ЦК соответствующих партий в дни похорон К.У. Черненко. Но это было сделано скороговоркой, в одну фразу, а подробнее новый лидер КПСС высказался на тему взаимоотношений с “братскими странами” в специальной записке, датированной 25 июня 1986 г. и предназначенной для обсуждения на Политбюро. В ней М.С. Горбачев в числе нетерпимых недостатков назвал и тот, что “Москву порой рассматривают как некую консервативную силу, мешающую назревшим преобразованиям. Внося те или иные коррективы в практику социалистического строительства, некоторые наши союзники делали это с оглядкой, опасаясь услышать своего рода начальственный окрик. Вместо того, чтобы сообща обсуждать актуальные проблемы развития социализма, – сетовал генсек собратьям по партийному ареопагу, – мы нередко брали на себя функцию единственных хранителей и защитников марксистско-ленинского учения, при этом судили обо всем со своих позиций, недостаточно учитывая новизну проблем и специфику братских стран, не присматриваясь по-настоящему серьезно и уважительно к их поискам”¹³.

Эта довольно самокритичная позиция нового советского лидера нашла отражение в постановлении ЦК КПСС от 28 августа 1986 г., в котором отмечалось, что “формы отношений между социалистическими странами пришли в противоречие с потребностями жизни” и что надо “в случаях расхождений внимательно изучать причины их возникновения, настоятельно искать взаимоприемлемые решения, опираясь на методы идейно-политического влияния и избегая директивности, нажима, назидательности”¹⁴. Наконец, в речи на “социалистическом саммите” по проблемам экономического сотрудничества в ноябре 1986 г. Горбачев вновь подчеркнул, как бы окончательно развенчивая тезис об “ограниченном суверенитете” в пределах содружества стран социализма, что всю систему отношений между этими странами следует “строить неукоснительно на основе равноправия и взаимной ответственности. Самостоятельность каждой партии, ее право суверенно решать вопросы развития страны, ответственность перед своим народом – это для нас безусловные принципы. Никто в содружестве не может претендовать на особое положение”¹⁵.

Разумеется, не из любви к цитированию я остановился на этих документах, а потому, что они до сих пор не опубликованы, а лишь рассылались в свое время для ознакомления узкого круга парт- и госэлиты, будучи представленными в одном из “закрытых” изданий ЦК КПСС. Но дело даже не в этом, а в том прежде всего, что за самокритичными и правильными словами о назревших (и перезревших!) принципиальных переменах в сфере отношений Советского Союза с тогдашними социалистическими странами, практических мер так и не последовало.

Можно, конечно, понять, почему М.С. Горбачев, Э.А. Шеварднадзе, ближайшие помощники генсека по проблемам взаимоотношений со странами социализма В.А. Медведев, Г.Х. Шахназаров и др. сделали главный упор при формулировании новой внешнеполитической линии в отношении восточноевропейского региона на принцип невмешательства в их внутренние, да и во внешние, дела. Над ними довлел негативный груз сорокалетнего послевоенного прошлого, когда именно “отеческое” вмешательство было главной и ревниво оберегаемой прерогативой КПСС, стремившейся к всестороннему контролю за странами своей восточноевропейской сферы влияния. Когда же, например, Чехословакия попыталась в 1968 г. поставить вопрос об известном видоизменении форм социалистической жизни и отношений с СССР, были введены на ее территорию советские войска, дабы обеспечить за внутренней обстановкой военный контроль, который необходимо дополнить, как гласил один в ту пору секретный документ, “политическим и административным контролем. Речь идет, – разъясняясь в нем, – о самом решительном вмешательстве в дела Чехословакии, об осуществлении нажима по всем линиям вплоть до предъявления ультимативных требований”¹⁶.

И если горбачевское руководство не на словах, а на деле отказалось от “решительного вмешательства” в дела своих социалистических союзников, если оно сумело пусть не совсем остановить громоздкий маховик политического и административного контроля за ними, но все же существенно затормозить отлаженное за десятилетия вращение этого маховика, подобное принципиальное изменение советского поведения в Восточной Европе почти повсюду в мире было оценено с огромным знаком плюс.

Однако, было, к сожалению, и многое другое. Приходилось считать с громадной инерцией прежней патерналистской модели отношений, которую команда Горбачева так и не преодолела. Буквально до конца своих полномочий для всех членов этой команды оставалось доминирующим такое понимание равенства в межгосударственном взаимодействии, согласно которому все-таки СССР – *primus inter pares*, т.е. первый среди равных. «Ведь мы сложили полномочия “старшего брата” в социалистическом мире, но не можем отказаться от роли лидера, которая объективно всегда будет принадлежать Советскому Союзу как самой мощной стране социализма, родине Октября», – подчеркивал Г.Х. Шахназаров в записке своему патрону от 10 октября 1988 г.¹⁷

Эти политические и идеологические претензии на лидерство, быть может, и могли бы в то время еще кем-то восприниматься, если бы горбачевская команда оказалась способной на быстрые, неординарные, действительно лидерские шаги: во-первых, касавшиеся намерений вывести советские войска из Восточной Европы; во-вторых, решительно переоценить существо событий в ГДР в июне 1953 г., венгерских 1956 г., чехословацких 1968 г.; в-третьих, войти в контакт с представителями наиболее влиятельных неформальных общественных объединений типа “Хартии-77” в ЧССР, движения “Солидарность” в Польше, других диссидентских организаций тех или иных стран и т.д. Но ничего этого

сделано не было, в том числе и по причине, о которой министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе на февральском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС сказал с сожалением, что “легче изменить политику, чем людей”. Поясняя свою мысль, он заметил: “Монополия на власть сыграла с нами скверную шутку. Она уничтожила политическую жизнь как сферу взаимодействия различных политических сил. И когда перестройка вызвала их к жизни, то оказалось, что синдром директивной власти лишил нас воли к общению с ними”¹⁸.

В апреле 1989 г. в Праге я, разговаривая с А.И. Удальцовым, советником посольства, заметил ему, что ставка посольскими сотрудниками по-прежнему делается исключительно на кадры ЦК КПЧ, “благонадежных” интеллигентов, а неформальные круги ЧССР абсолютно выпадают из поля зрения, в то время как их роль в чехословацком обществе быстро растет. (В одной только Праге тогда функционировало по меньшей мере 14 так называемых независимых инициатив¹⁹). Удальцов ответил, что он это понимает и на свой страх и риск встречается в неофициальной обстановке с некоторыми неформалами, пытается судить о ситуации в стране с учетом роста их общественной значимости. Но ведь наше начальство, заключил он, этого отнюдь не поощряет.

До самого начала революционных событий в ноябре 1989 г. отношение Москвы к своим социалистическим союзникам не претерпело особых “перестроечных” новаций, продолжало оставаться, как свидетельствует тот же Шахназаров, несколько пренебрежительным: “Они при нас, никуда не денутся, объясним – поймут”²⁰. Однако революции все изменили: партнерами советских властей в Восточной Европе оказались антикоммунисты, для которых КПСС и вся государственная машина СССР – никакие и ни в чем не лидеры, а экспансионисты и оккупанты, служители подрывной марксистско-ленинской утопии. И здесь феноменальная бюрократическая медлительность советских инстанций обернулась для СССР очевидным ущербом – массовым ростом антисоветских настроений. Это нашло отражение в одном из тогдашних официальных заявлений министра иностранных дел ЧСФР Иржи Динстбира: “Советский Союз признал ошибочным свое решение от 21 августа 1968 г. уже после того, как мы сами освободились от тоталитарной власти. Если бы такое признание было сделано раньше, мы бы смогли также раньше устранить дискредитировавший себя неосталинский режим, и в результате наши народы относились бы с большей симпатией к Советскому Союзу... Нашу новую свободу и демократию нам никто не даровал. Это имеет очень важное значение для самосознания наших народов”²¹.

Я считаю, что в 1990–1991 гг., когда коммунистов в Восточной Европе уже потеснили от кормила власти, М.С. Горбачев постоянно пытался, что называется, делать хорошую мину при плохой игре. Вряд ли, кстати, искренне заявлял он 6 июля 1991 г. на встрече с Гельмутом Колем о желании нашей страны освободиться от комплекса “супервлияния” в регионе. “Мы им надоели! – констатировал советский президент. – Но и они нам надоели!”²². Конкретизируя свою позицию, Горбачев пояснил канцлеру объединенной Германии, что-де «пришлось сильно

“держат себя в узде”, чтоб устоять на паузе в отношениях с бывшими союзниками, чтобы время утратило новую ситуацию, чтобы привыкнуть к отношениям с ними, как со всеми другими, и не претендовать на “особые” отношения даже в “новом виде”»²³.

Однако советский лидер явно выдавал желаемое за действительное. Ибо не он, а именно новые, некоммунистические власти восточноевропейских стран сразу же заявили об отношениях с СССР как равноправных, т.е. поставили вопрос о выводе советских войск со своих территорий, осудили советское вооруженное вмешательство прошлых десятилетий в их внутренние дела, отвергли какие-либо претензии на советское (российское) политическое или идейное лидерство в Восточной Европе и т.д. Отказ сначала Венгрии, а затем и других советских партнеров по Варшавскому пакту от военно-политического сотрудничества с СССР внутри этого пакта или же в рамках двусторонних договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, конечно, ударил по самолюбию нашего партийного и государственного руководства, и это подтолкнуло команду Горбачева к тому, чтобы “сделать паузу”, уклониться в конце 80-х – начале 90-х годов от разработки и проведения в жизнь по-настоящему новой политики в отношении восточноевропейского региона. Суть подобного “уклонения” Горбачев выразил в следующих словах: «Правильно “мы” сделали, что перестали обращать внимание на своих бывших союзников. Пусть сами разберутся, хотят или не хотят они иметь дело с нами, нужно им это или не нужно. А мы обойдемся!»²⁴.

С дистанции истекшего постреволюционного десятилетия очевидно, что это была недальновидная, совсем не оптимальная, проще говоря, во многом ошибочная политика, сыгравшая роковую роль в том, что наша страна от восточноевропейских революций больше потеряла, чем приобрела. Ведь рухнула, к примеру, практически вся налаживавшаяся десятилетиями система торгово-экономического сотрудничества, которая если не во всем, то все же во многом устраивала Советский Союз. Не встречал в последние годы подсчетов наших потерь от обвального свертывания этого сотрудничества в первой половине 90-х годов, но и без них понятно, что урон здесь был весьма существенным. Ведь к концу 80-х годов доля ввезенных из стран СЭВ машин и оборудования в капитальных вложениях на оборудование, инструмент и инвентарь равнялась в Советском Союзе 35%. Импорт из этих стран достигал 3/4 от поставлявшегося народному хозяйству СССР технологического оборудования для кабельной промышленности, больше 2/5 оборудования для текстильной и пищевой промышленности, 1/3 трамвайных и железнодорожных вагонов, 1/4 прокатного оборудования и погрузчиков, 1/8 – автобусов и сельскохозяйственных машин. На получавшемся из стран СЭВ оборудовании выпускалось в начале 90-х годов 40% плодоовощных консервов, 30% сахара и кондитерских изделий, 15% молочных продуктов. Примерно 25% купленной нашим населением кожаной обуви, свыше 20% парфюмерных изделий, 14% трикотажа, 13% мебели, 36% галантереи приходилось на импорт из социалистических государств Восточной Европы.

Правда, в счет оплаты всех этих поставок мы направляли в страны СЭВ не только продукцию наших наиболее конкурентноспособных

цветной и черной металлургии, тяжелого машиностроения, особенно транспортного, изделия резино-технического производства, швейной и бумажно-целлюлозной промышленности. В немалой доле данные поставки покрывались невосполняемым минеральным сырьем, прежде всего нефтью и нефтепродуктами, а также природным газом. Сложившуюся к началу “горбачевского” десятилетия структуру нефтепоставок никак нельзя, конечно, было отнести к оптимальной: в 1981 г. СССР отгрузил ГДР, Польше и ЧССР по 15 млн тонн сырой нефти каждой, по 10 – Болгарии и Венгрии, 6 млн тонн Румынии и 4 – СФРЮ. 10 млн тонн получила также Куба и по 2,5 млн Вьетнам и Монголия. То есть всего социалистическим странам Советский Союз отгрузил 90 млн тонн сырой нефти (что составило 12% от ее общей добычи в 1981 г.) в среднем по цене 117–130 переводных рублей за тонну, в то время как на рынке капиталистических стран, куда мы поставляли примерно 65–70 млн тонн в год, она стоила от 250 до 270 долларов за тонну. Разумеется, разница мировых и контрактных цен здесь получалась отнюдь не в пользу СССР.

Развитие в 80-е годы оборонной по своему типу экономики стран СЭВ требовало все больше и больше энергоносителей и сырья. В экспорте Советского Союза в эти страны доля данной продукции составляла уже 66,5–70%. Доля же машин и оборудования в общем объеме советских поставок уменьшилась до 14–15%. А это означало, чтобы компенсировать снижение на 1% поставок энергоносителей и сырья, надо было увеличить на 4–5% экспорт продукции металлообрабатывающей промышленности, прежде всего машин и оборудования. Однако именно в 80-е годы участились отказы наших восточноевропейских партнеров от закупок многих видов советской техники, предусмотренных долгосрочными соглашениями. Заметим ради справедливости, что, по тогдашним оценкам Минвнешторга СССР, лишь 15% советской техники могли быть конкурентоспособными на внешних рынках. Наши социалистические союзники этим прежде всего и мотивировали свои отказы. Так, в одном только 1985 г. отказов со стороны европейских социалистических государств от импорта советских машин и оборудования поступило на сумму в 1,6 млрд рублей, что составило по стоимости 1/5 всего реализованного в том году соответствующего экспорта. К числу неконкурентоспособных работники торговых представительств стран СЭВ и специальные комиссии из этих стран отнесли в упомянутом году такие относительно новые виды машин, как автомобиль “КАМАЗ”, самолеты, тракторы К-700 и К-701 и многие другие, которые в СССР оценивались в то время знаком качества. Практически в 80-е годы утратили рынок стран СЭВ автомобили “Москвич”, зерноуборочные комбайны, сильно упал спрос на оборудование для химической промышленности, советские фотоаппараты, часы, телевизоры и т.д.

Все эти экономические неблагоприятные для советской внешней торговли процессы усиливали неэквивалентность обмена со странами СЭВ. За 80-е годы доля “твердых” товаров (нефть и нефтепродукты, природный газ, цветные металлы, лес и пиломатериалы и др.) в экспорте СССР достигла порядка 70–80%, в то время как в поставках стран

СЭВ в Советский Союз – не более 35–40%. То есть за 1981–1985 гг. нереализованные выгоды от торговли с европейскими социалистическими странами – кредитование пассива торговли с ними, разница мировых и контрактных цен составили порядка 25 млрд рублей. За десятилетие же 1975–1985 гг. эти нереализованные выгоды оценивались специалистами Института экономики мировой социалистической системы АН СССР в 85 млрд рублей*.

Разумеется, торгово-экономические отношения с социалистическими странами никогда не оценивались руководством СССР лишь с помощью чисто коммерческих критериев. Своих союзников по Варшавскому пакту и партнеров по Совету Экономической Взаимопомощи советская верхушка постоянно стремилась держать в политическом повиновении, а последнее приходилось экономически подпитывать. Но как раз к началу 80-х годов все возможные источники подобной подпитки были практически исчерпаны. В Советском Союзе именно в это десятилетие стали лавинообразно нарастать столь серьезные и всеохватывающие негативные процессы, что приходилось думать уже не о “прикармливании” своих сателлитов, а лихорадочно искать дополнительные источники пополнения собственной государственной казны, в частности и за счет кредитов от многолетних наших бывших дебиторов из Восточной Европы.

Получилось во второй половине 80-х годов так, что все были недовольны существовавшей системой торгово-экономических отношений. Наши партнеры, что называется, “в штыки” встречали любое сокращение советских поставок нефти и других сырьевых товаров, мы же вынуждены были идти на такие и неоднократные сокращения по целому ряду причин, прежде всего внутреннего народнохозяйственного плана. В частности, в 80-е годы темпы добычи в СССР нефти неуклонно снижались, и естественным было желание продать этот ценнейший и невозполнимый минерал подороже и получить в счет оплаты твердую валюту²⁵. Напомним, что М.С. Горбачев и Н.И. Рыжков отнюдь не возражали против упомянутой позиции, а, напротив, были активными участниками такого коллективного решения стран СЭВ, как отказ с 1991 г. от многостороннего клиринга в народнохозяйственных отношениях, введение мировых цен и расчетов в свободно-конвертируемой валюте. Конечно, с точки зрения перспективы постепенный переход на условия мирового рынка был необходим, но, как мне уже приходилось писать, “единовременное, разовое решение этой задачи оказалось мерой ошибочной, ущербной и для СССР, и для всех других государств–членов СЭВ, мерой, объективно подтолкнувшей систему взаимного экономического сотрудничества к полному краху”²⁶. Кстати, хотя М.С. Горбачев не любит признавать своих промахов и в его многословных мемуарах легко усмотреть тенденцию винить в неудаче советской перестройки кого угодно, но только не самого себя, в данном конкретном случае

* Эти расчетные данные, как и другие, относящиеся к прошлым десятилетиям и приводимые в настоящей статье, сохранились в личном архиве автора, работавшего в 1964–1988 гг. в упомянутом институте.

он все же нашел в себе мужество назвать вышеупомянутое коллективное по форме, а по существу советское решение ошибочным²⁷.

От клиринга в экономическом обмене социалистических стран и от переводного рубля в их торговых расчетах отходить надо было медленнее и мягче; да к тому же клиринг, т.е. взаимные поставки товаров, соотношенные по цене, – не абсолютное зло, так же как валютные платежи за все и вся – отнюдь не абсолютное благо. Теперь это очевидно для всех и в Центральной Европе, и в России. Но горький осадок от тотального слома всей системы послевоенного сотрудничества, от перечеркивания “демократическими ультрареволюционерами” и тех ее звеньев, от которых вовсе не надо было отказываться, остался. “Наломала дров” и наша страна. Утверждая “новое мышление” в головах прежде всего М. Тэтчер, Р. Рейгана, Дж. Буша и других лидеров евроатлантического мира, М.С. Горбачеву и его команде оказалось не до восточноевропейского региона, который в годы перестройки отодвинули с авансены международной политики, пренебрегли его значением и потенциалом. Это великодержавное пренебрежение аукнулось потерей многих тысяч наших сторонников и умножением и без того немалочисленных рядов недоброжелателей Российского государства. Иными словами, объективный вектор такого рода политики скорее негативен, чем позитивен, и этот факт нельзя замаскировать высокими словесами о “новом политическом мышлении”, “общеевропейском доме” и т.п.

И здесь мы подошли к проблеме международного значения революций 1989 г., при обсуждении которой очевидным представляется прежде всего то, что значение это для России и для остальной Европы будет разное, с неодинаковым оценочным знаком. Что касается Европы, то различные представители ее научной и политической элиты свою выгоду от случившегося на рубеже 80–90-х годов хорошо понимают. Так, профессор женеvского Института международных исследований Курт Гастейгер оценивает феномен революций 1989 г. и краха СССР следующим образом: «“Беззвучное исчезновение” (Das “geräuschlose Verschwinden”.) всемирно-политической реальности, которая как минимум с момента возникновения Советского Союза оказывала формирующее влияние на ход событий в Европе, было и остается невиданным событием, граничащим с чудом»²⁸. Видный французский специалист по геополитике Пьер Галлуа считает, что это эпохальное событие “оказало большее потрясение на международную ситуацию, чем поражение нацистского рейха во второй мировой войне, ибо повлекло за собой коренное изменение прежнего равновесия сил”²⁹.

Что же касается Российской Федерации, то подобное изменение равновесия сил произошло отнюдь не в ее пользу, она лишилась в современной Европе каких-либо геополитических “зацепок”, мало что сохранила положительного из прежней системы двустороннего и многостороннего сотрудничества с бывшими социалистическими странами в политической, экономической, оборонной, научной, культурной и иных областях международного и межгосударственного взаимодействия.

Любопытны в данном аспекте размышления русской поэтессы З.Н. Гиппиус, которая в своих “Петербуржских дневниках” писала ле-

том 1919 г. о “громальной важности” для России и для Европы грядущего краха коммуно-большевистского правления, добавляя, что «если большевики падут лишь “в конце концов”, то, пожалуй, под свалившимся окажется “пустое место”. Поздравим тогда Европу»³⁰. И действительно “поздравлять” ныне с десятилетием революций 1989 г. придется именно Европу, но не Россию еще и потому, что на просторах последней изменилась за это время лишь *форма* властвования российского слоя выпестованных коммуно-большевизмом за 70 с лишним лет номенклатурно-управленческих кадров, ставших во многом наследственными, но не произошла еще смена *содержания* этого властвования, которая только и может именоваться революционным преобразованием государственного и всего общественного строя.

¹ См.: Восточная Европа на историческом переломе (Очерки революционных преобразований 1989–1990 гг.). М., 1991; “Восточноевропейский социализм”: становление режима, попытки его модификации, причины краха. М., 1992; Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития. М., 1992; Политические партии и движения Восточной Европы: Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994; Бывшие “хозяева” Восточной Европы. Политические портреты. М., 1995; Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995; Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995; Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997; Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов. М., 1997.

² *Новопашин Ю.С.* Пребывание советских войск в Восточной Европе как предпосылка революционных событий 1989–1990 гг. // Славяноведение. 1998. № 4. С. 68.

³ *Горбачев М.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 163.

⁴ См.: *Кузьмин И.Н.* Крушение ГДР: История. Последствия. М., 1996. С. 11–41.

⁵ *Ленин В.И.* Полн.собр.соч. Т. 32. С. 186–187; Т. 23. С. 301.

⁶ *Кузьмин И.Н.* Указ.соч. С. 32.

⁷ *Троцкий Л.* Сталин. Venson (Vermont), 1985. Т. 2. С. 262.

⁸ *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 47.

⁹ *Шапиро Р.* Метаморфозы // Страна и мир. (Мюнхен), 1989. № 6. С. 80.

¹⁰ *Булдаков В.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 342–343.

¹¹ *Арбатов А.* Безопасность: российский выбор. М., 1999. С. 198–199.

¹² *Цикко А.* Правда никогда не опаздывает // Яковлев А.Н. Предисловие. Обвал. Послесловие. М., 1992. С. 8.

¹³ Информационный бюллетень ЦК КПСС (по международным вопросам). 1987. № 7. С. 9.

¹⁴ Там же. С. 25.

¹⁵ Там же. С. 37–38.

¹⁶ Уроки августа–68: Стенограмма переговоров советского и чехословацкого руководства в Москве // Известия. 22. 08. 1995. № 156. С. 5.

¹⁷ *Шахназаров Г.* Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 368.

¹⁸ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 5–7 февраля 1990 г. М., 1990. С. 190.

¹⁹ Восточная Европа на историческом переломе... С. 241–243.

²⁰ Шахназаров Г. Указ.соч. С. 124.

²¹ Революционные преобразования в странах Восточной Европы: причины и следствия. М., 1990. Ч. 2. С. 63.

²² Цит. по: Черняев А. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 166.

²³ Там же. С. 165–166.

²⁴ Там же. С. 133.

²⁵ В целом, по России в период 1970–1996 гг. дебит одной нефтяной скважины сократился с 22 до 9 т в сутки (Семеняка А.Н. Конкурентоспособность российской нефтегазовой отрасли // Вестник научной информации. ИМЭПИ РАН. М., 1998. № 12. С. 17).

²⁶ Новопашин Ю.С. Новая региональная идентичность центральноевропейских стран как научная проблема // Славяноведение. 1999. № 3. С. 19.

²⁷ Горбачев М. Жизнь и реформы. Кн.1. С. 588.

²⁸ Gasteyer C. Neue Konturen europäischer Sicherheit // Internationale Politik. (Bonn), 1996. N12. S.21.

²⁹ Цит. по: Калмыков М. Советник Шарля де Голля: России необходимо обрести свое место в международной политике // Вести Европы (ИТАР–ТАСС). 21. 09. 1995. С. 7.

³⁰ Гиппиус З. Живые лица: Стихи. Дневники. Тбилиси, 1991. С. 190.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ НА ПУТИ К ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Спустя 140 лет – в 1988 г. – известное положение Маркса и Энгельса о том, что по Европе бродит призрак коммунизма, следовало бы изменить: по коммунистической части Европы бродил “призрак” демократии¹. Действительно, не вызывает спора то, что “демократия” явилась ключевым понятием в политическом словаре не только тех, кто пытался решить на практике проблему всех проблем: полное преодоление тоталитарного режима советского типа. Это слово наиболее часто упоминалось в публичных выступлениях даже тех, кто стремился сохранить коммунистический тоталитаризм.

В трех странах советской империи – Польше, Венгрии и Чехословакии – демократия вполне очевидно уже была на пороге, хотя в каждой из них это проявлялось по-разному. Исторический рубеж в польской истории последних сорока лет – соглашение между представителями властей и оппозиционных сил в апреле 1989 г. Оно стало существенным шагом в достижении внутреннего суверенитета общества по отношению к коммунистическому государству, открывшим в этой стране путь к парламентской демократии (хотя оставалось опасение, что подобный шаг может стать ловушкой, которую марксистско-ленинский истеблишмент уготовил для демократической оппозиции, чтобы возложить на нее часть ответственности за свое банкротство и дискредитировать за соучастие в непопулярных мерах в экономической сфере).

Ситуация в Венгрии, где режим в недалеком прошлом не пережил ни чрезвычайного положения на манер введенного в 1981 г. Ярузельским, ни “нормализации” чехословацкого типа, внешне производила впечатление, что якобы часть руководящей верхушки ВСРП заимствовала идеи демократической оппозиции и приготовилась к политической конкуренции в условиях многопартийности и свободных выборов.

Но и в ЧССР, с ее наиболее ортодоксальным режимом и отказом политического руководства даже от мысли о диалоге с обществом, демократия тоже заявила о себе. Известный независимый чехословацкий публицист Милан Шимечка в 1988 г. выразил это словами: “Одно я знаю совершенно точно. Сегодня все сложилось бы по-иному, не будь уничтожена в нашей стране демократическая политическая культура. Ее воссоздание предотвратит окончательный упадок. Это единственное, что придает будущему смысл и цель”.

Эта идея получила воплощение в политической программе, изложенной в манифесте “Демократия для всех”, с которым осенью 1988 г. выступила независимая политическая инициатива под названием “Движение за гражданскую свободу”. Вацлав Гавел считал этот манифест важнейшим политическим актом 1988 г. для нашей страны, поскольку внешне казавшиеся банальными истины, содержащиеся в нем, были

представлены в целостном виде, публично и как руководство к действию. Манифест явился одновременно и призывом к обществу расширить участие в политической жизни, поскольку существовавшая власть – виновник морального кризиса, недемократических отношений, ограничения национального и государственного суверенитета, экономического и технологического упадка – не желала отказываться от тоталитарного способа правления. Манифест совершенно определенно отрицал законность догмата о так называемой руководящей роли коммунистической партии и выдвигал в качестве базисного политический принцип демократического плюрализма; сущностью его, согласно трактовке Гавела, одного из подписавших этот документ лиц, было равное право всех на участие в политической власти.

Можно ли подобный ход демократических перемен назвать демократической революцией? Это понятие, достаточно редко использовавшееся на европейском континенте в 1988–1989 гг., поднимало оптимистический настрой, порождало надежды и большие ожидания. У него была прежде всего такого рода функция, однако и сегодня историк может оперировать этим понятием, хотя и с некоторыми оговорками и уточнениями.

Демократическая революция в коммунистической части мира – главная тенденция развития того времени в направлении к демократии как системе, основанной на духовном, политическом и экономическом плюрализме и взаимной терпимости. Она была подготовлена процессом вызревания элементов гражданского общества, существовавших в недрах системы тоталитаризма, но относительно независимо от ее властных структур. Началась эта революция в ту самую пору, когда из зачатков гражданского общества произросли требование и политическая программа системного изменения, базирующегося на принципах демократии и свободы.

Демократическая революция есть наименее насильственная форма революции в истории. Она не собирала массы под своими знаменами с тем, чтобы подвигнуть их на захват вокзалов, почты и телеграфа. Ее сторонники – принципиальные противники насилия и гражданской войны – шли на компромиссы и склонялись к идее национального или общественного примирения, которым должна была завершиться цепь насильственных акций, характеризующих саму сущность коммунизма. Разумеется, период демократической революции был насыщен такого рода акциями. Насилие использовали или им угрожали – в каждой стране по-разному – тогдашние властные структуры, функционеры КПЧ как партии хранителей существовавшего порядка, полиция и госбезопасность. В частности, как это было в Чехословакии, именно провокаторы из госбезопасности, маскировавшиеся под представителей “возмущенного народа”, призывали демонстрантов в Праге и других городах к “решительным действиям”.

Демократическая революция второй половины 80-х годов, о которой идет речь, имела своих предшественников и провозвестников. Кронштадский мятеж 1921 г., венгерская революция 1956 г., “Пражская весна” 1968 г., движение “Солидарности” 1980–1981 гг. (в извест-

ном смысле и хрущевская оттепель), несмотря на свои особенности и специфический исторический контекст, заключали в себе и нечто общее. Все эти события – выражение поисков обществом способов смягчения, ограничения и, наконец, ликвидации коммунистического тоталитаризма.

Важным предшественником, возможно, неизбежным преддверием демократической революции – по крайней мере в некоторых странах – стала “моральная революция”, фундамент диссидентства 70-х годов. Она подразумевала утверждение нового представления о правах человека как исходной точке критики коммунистического тоталитаризма, рост гражданственности, усилия по реализации принципов “жить не по лжи”, независимую культуру и самиздат. Последствия “моральной революции”, нередко недооценивавшиеся или высмеивавшиеся приверженцами “реальной политики”, обнаружилось и даже стали подчас переоцениваться в период, когда гражданское общество заявило о себе как о самостоятельном и самобытном политическом партнере или противнике тогдашнего коммунистического истеблишмента.

Демократическая революция отличалась от предшествовавших аналогичных исторических процессов, поскольку происходила в условиях всестороннего кризиса коммунизма, т.е. прогрессирующего упадка и возраставшей агонии как марксистско-ленинской государственной системы, так и ее идеологии. Характер кризиса не позволял выйти из него путем изменения отдельных сторон упомянутой системы: убеждение о ее незыблемости было фундаментально поколеблено. Демократическая революция – реакция на данный кризис и вместе с тем одна из причин его углубления, указывавшая в то же время на радикальный выход из этого кризиса.

Иногда возникает вопрос: не были ли реформы, предпринятые или спланированные коммунистическим руководством, собственно составной частью демократической революции? На мой взгляд, в данном случае речь идет о двух явлениях, трудно разделимых, но тем не менее отличающихся во многих отношениях, в первую очередь по своим целям. Демократическую революцию 80-х годов в странах советского блока, вдохновленную аутентичной системой факторов, нельзя связывать с какой-либо социалистической идеологией или дискуссией о правильном или неправильном, искаженном или неискаженном социализме. Нельзя назвать эту революцию и плодом “горбачевизма”, хотя косвенно ее динамика находилась под влиянием советской политики перестройки и нового политического мышления, причем в каждой стране по-разному. Демократическая революция не задавалась целью решить квадратуру круга, т.е. модернизировать и повысить эффективность коммунистической системы при сохранении ее сущности. Стратегическая цель была иная – окончательно преодолеть эту систему. Демократическая революция поэтому подразумевала не “демократизацию”, а демократию без каких-либо прилагательных – “народная” или “социалистическая”. Она утверждала не “гласность”, а свободу слова. Горбачевской идее социалистического плюрализма она противопоставила программу свободы, духовного, политического и экономического плю-

рализма, эмансипации гражданина и гражданского общества по отношению к государству.

Следует подчеркнуть, что демократическая революция инспирировалась не воспоминаниями о демократическом прошлом, хотя стремление вернуться к духовным и политическим традициям демократизма прошлого играло в каждой из стран важную роль. Она черпала свою легитимность в системе общепринятых прав человека, а свои доводы обосновывала открытым анализом современной ситуации в отдельных государствах советского блока, далеким от социалистической фразеологии.

Таким образом, демократическая революция стала альтернативным ответом на сорокалетний и более длительный опыт общественной жизни в условиях коммунототалитаризма, скрывавшегося под названием “социализм”, “реальный социализм”, “социализм с человеческим лицом” или с “гусиной кожей”, особенно на опыт брежневского застоя 70–80-х годов, наступившего после провала последней попытки реформировать систему советского типа на основе так называемого дубчековского ревизионизма. Вместе с тем революция явилась отзвуком успешного функционирования демократической системы в Европе и Северной Америке, а также перехода к демократическому правлению в Испании, Португалии и других странах.

У всеобщего и всестороннего кризиса коммунизма в каждой из стран наряду с совпадавшими характеристиками существовали и специфические черты. Что касается Чехословакии, моего отечества, то здесь, как ни в одном другом государстве советского блока, правившая КПЧ полностью лишилась в глазах общества политического и морального авторитета, доверия и легитимности. За 20 лет “нормализации” утратили привлекательность и последние “сильные” стороны партийной политики – потребительские и социальные “гарантии нового строя”. За исключением узкого круга людей, живших реформаторскими иллюзиями 1968 г., немногие в Чехословакии ожидали, что эта партия может каким-то образом “обновиться” и рассчитывать на какое-либо будущее. Недоверие к КПЧ, ее отторжение обществом, в первую очередь молодым поколением, утрата поддержки интеллектуалов привели к тому, что чехословацкие коммунисты оказались неспособны следовать польскому или же венгерскому примеру. Напротив, ход общественного развития в этих соседних странах, а также в Советском Союзе во второй половине 80-х годов стал неустранимым фактором политической дестабилизации режима пражских “нормализаторов”. События в указанных странах способствовали изменению политического климата в ЧССР: создавалось впечатление общеисторической тенденции, росла уверенность людей в самих себя, укреплялась их убежденность в неизбежности перемен, и в то же время коммунистическое руководство все больше дезориентировалось и теряло решимость использовать все средства для удержания власти.

С лета 1988 г. и в течение всего 1989-го жизнь давала все больше подтверждений того, что чехословацкое общество пробудилось и начало терять терпение. ЧССР также вышла на путь демократической

революции. Попробуем вкратце его проанализировать. Еще весной 1987 г. налицо были лишь две постоянно действующие гражданские инициативы – “Хартия-77” и Комитет по защите несправедливо преследуемых. К концу 1988 г. уже существовала целая система независимых инициатив, обладавших собственной информационной базой и внедрявших свои идеи в общество с помощью печатных, т.е. самиздатовских, органов (как это было в случае с газетой “Лидове новины”), а также через зарубежные радиостанции.

Росло не только количество участников данных гражданских инициатив, но происходила и явная политизация их программ, вплоть до внесения в последние требований об участии в отправлении властно-управленческих функций. В ряде программных заявлений гражданских инициатив или их представителей отрицался принцип так называемой руководящей роли компартии как несовместимый с принципом равенства граждан и с кодексом гражданских и политических прав.

Отчетливым свидетельством пробуждения общества стали: уличные демонстрации, проходившие в марте 1989 г. в Братиславе, а затем в августе и октябре 1988 г.; Неделя Яна Палаха в январе 1989 г.; другие протестные акции в августе, опять приведшие к демонстрациям, несмотря на то, что независимые инициативы не заняли четкой и единой позиции (некоторые из них даже призывали отказаться от участия в демонстрациях); наконец, события 28 октября 1989 г. И все это вопреки превентивным акциям властей, таким, как полицейские преследования активистов независимых инициатив, жестокость при разгоне массовых митингов и демонстраций, штрафные санкции и аресты.

Важнейшим проявлением роста гражданской активности и преодоления страхов, до недавнего времени сковывавших все общество, стали крупные подписные акции. Первая из них – инициатива деятелей культуры в январе–феврале 1989 г. – явилась реакцией на разгул полиции во время попыток проведения мероприятий, посвященных памяти Я. Палаха, а затем в поддержку освобождения Вацлава Гавела. Вторая главная подписная акция 1989 г. началась в конце июня и продолжалась все лето вплоть до осени: обращение “Несколько фраз” подписали, несмотря на кампанию в СМИ и преследование ряда подписантов, 37 тыс. граждан. В данном случае особенно важно то, что каждый человек шел на риск, ибо его оппозиционность по отношению к властям становилась известной. Возглавляли эту акцию люди, угроза существованию которых была наибольшей, так как они более всего зависели от официального ангажемента – актеры, а также значительная часть представителей театрального и кинематографического мира.

Подписная акция сопровождалась многозначительными индивидуальными жестами, такими, как заявление словацкого актера Милана Княжека, который отказался от звания заслуженного деятеля искусств. В их числе можно отметить и заявление дирижера Чешской филармонии Вацлава Неймана, а затем и всей труппы – на основе демократической процедуры голосования – о том, что они не будут сотрудничать с чехословацким телевидением в знак протеста против притеснения деятелей культуры за их гражданскую позицию. Упомянутые подписные

акции охватили широкий круг так называемых официальных структур. Одновременно с этим в движение пришли писательские организации: литературные журналы приобрели более свободолобивый и открытый по отношению к запретным прежде темам характер, началась дискуссия о возвращении общественности ранее замалчиваемой или игнорируемой части чешской и словацкой литературы.

Набиравшее силу гражданское движение проявилось и в основании Кружка независимой интеллигенции, и в акции протеста против тюремного заключения двух редакторов газеты “Лидове новины”, требовавших ее легализации. До 1 ноября 1989 г. заявление по этому поводу подписали свыше двухсот журналистов из редакций официальных газет, журналов и издательств. Кстати, к официальным организациям, выразившим открытое несогласие с внесенной в Конституцию ЧССР статьей о “руководящей роли КПЧ”, принадлежала и Чехословацкая народная партия, в которой сформировалось “Движение за возрождение”; аналогичные изменения происходили и в Чехословацкой социалистической партии.

Все более широкий круг людей в учреждениях культуры и СМИ избавлялся от оков самоцензуры и официальной цензуры, ослабление которой было видно уже невооруженным глазом. Приведу один пример. 27 октября 1989 г. в Реалистическом театре в Праге был представлен драматический монтаж о 60-х годах под названием “Как мы это пережили” с использованием выдержек из произведений Вацлава Гавела, Милана Кундеры и других запрещенных или длительное время замалчивавшихся авторов. 1 ноября 1989 г. газета “Свободное слово” опубликовала хвалебную рецензию объемом полстраницы, не опустив упоминание имени ни одного из авторов.

Движение общества к обновлению духовных и политических начал проявилось также в росте авторитета и влияния в жизни чехов и словаков католической церкви. В 1988 г. петиции с требованиями религиозной свободы, а в конечном счете и отделения церкви от государства подписали 600 тыс. граждан. Католическая церковь выступила с программой десятилетней акции по духовному обновлению, нацеленной на поворот церкви к обществу и его потребностям. Одновременно с этим рос авторитет кардинала Франтишека Томашека, который в 1989 г. дважды поднимал свой голос в защиту общественности, ее прав и требований к коммунистической власти. Первый раз он это сделал в январе, выступив с адресованным главе правительства протестом против жестокости полиции во время Недели Палаха, а второй раз – в открытом письме от 4 августа, направленном представителям власти и гражданам ЧССР, в котором назвал петицию “Несколько фраз” способом выражения гражданской ответственности в начинавшемся открытом диалоге общества с властью.

Ярким показателем политического пробуждения общества стала активность молодежи. Молодые люди принимали участие в организации ряда гражданских инициатив, они преобладали среди демонстрантов, а против подавления свободы печати выступали в первую очередь молодые журналисты, пришедшие в СМИ в начале 80-х годов.

Таким образом, гражданская активность в рассматриваемое время проявила себя в Чехословакии достаточно рельефно и даже достигла своего рода критической точки. В том смысле критической, что принятого для возрождения в стране гражданского общества все еще было недостаточно, чтобы заставить верхушку политического истеблишмента пойти на изменение основ существующего строя. Общественное движение в Чехословакии по-прежнему не охватывало широкие массы рабочих, другие же скептически настроенные слои населения и вовсе оставались в стороне от этого процесса. Причин тому было много и большинство из них можно назвать типично чехословацкими. В значительной мере речь шла о результатах общественного развития в период после неудавшейся попытки системного изменения в 1968 г.

Несомненно, существовавшая в стране патовая политическая ситуация подавляла значительную часть внутренней оппозиции; для многих же других ее представителей она, напротив, явилась стимулом к анализу своих слабых сторон и недостатков. Быть может, не очень скромно ссылаясь на самого себя, но как свидетелю тех событий, хотелось все же припомнить собственные слова из выступления на семинаре по проблемам Центральной Европы, состоявшемся в начале ноября 1989 г. в польском городе Вроцлаве. Я говорил тогда, в общем-то о “банальной исторической истине”, сформулировав свое суждение следующим образом: “Массовые выступления, сотрясающие недемократические режимы власти, не возникают по заказу и редко происходят в моменты, когда их больше всего ждут. Их не всегда можно предсказать, они вспыхивают внезапно под воздействием не самого сильного импульса. Достаточно, чтобы этот импульс пришелся на момент, когда все уже потеряли терпение, перестали испытывать страх и положились на свои ожидания. Никто не знает, насколько такая переломная ситуация уже сложилась в Чехословакии, однако совершенно очевидно, что настало время, когда перед каждым в этой стране встает вопрос: что делать. Не завтра, а уже сегодня каждый в ответе за себя и свое собственное свободное будущее”.

Стремясь несколько развить эту тему, я добавил к сказанному еще вот что: “И чехословацкий оптимист, и пессимист полагают, что нынешняя система неизбежно рухнет. Их прогнозы различаются только в отношении того, когда это произойдет, т.е. оптимист рассчитывает на месяцы, пессимист – на годы. Оптимист подчеркивает, что, дескать, у нас отличное настроение и единственное, что нас терзает, это наши друзья, находящиеся в тюрьмах, только для них важен фактор времени. В противном случае незачем было бы спешить: чем позже начнется решение насущных задач, тем менее вероятно повернуть назад, ограничиться частными или половинчатыми реформами. Разумеется, ни оптимист, ни пессимист пока вообще не могут представить себе, когда и как закончится патовая ситуация, в которой оказался политический истеблишмент. Возможно, чехословацкий вариант демократического развития, действительно, будет существенно отличаться от того, который известен по опыту Польши и Венгрии”².

Даже в середине ноября 1989 г. немногие в Чехословакии осмеливались предсказывать, когда общественное движение охватит широкие слои населения настолько, чтобы в стране возникла такая же переломная ситуация, как в Польше, Венгрии и ГДР. Гораздо больше было скептиков – пожилых и молодых, участвовавших в диссидентском движении и не принимавших в нем участия, которые утверждали: чехи и словаки никогда не сдвинутся с места. Когда же, тем не менее, после 17 ноября 1989 г. они сдвинулись – до сих пор, правда, отсутствует серьезный научный анализ или исчерпывающее художественное описание того, как это произошло, – диссидентство отреагировало с готовностью. Коммунистический режим в Чехословакии рухнул не в результате деятельности “Хартии-77” или остальных слагаемых диссидентского движения. Более того, нельзя утверждать, что он потерпел и поражение во внутренней борьбе не на жизнь, а на смерть. Скорее всего, крах произошел после потери зарубежной поддержки этому режиму и открытого дистанцирования от него большинства населения на массовых митингах. Когда это случилось, прошедшие школу диссидентского движения, в первую очередь участники “Хартии-77”, в условиях острого кризиса режима встали во главе демократической революции и довели ее до конца. Все, кто до того времени представлял видную и известную часть диссидентского движения, его лицо, в также обладал необходимым опытом и морально-политическим авторитетом, сразу же нашли себе применение. Они оказывали помощь в формировании новых властно-государственных и политических структур трансформировавшейся общественной системы, принимали участие в разработке направлений этой трансформации, занимали места в правительстве и парламенте, становились ректорами университетов, входили в руководство СМИ, способствуя утверждению свободы слова и озвучиванию общественного мнения, открывали издательства и новые газеты. Один из первых трех спикеров “Хартии-77” стал президентом республики и символом преемственности новых реалий с демократическими традициями довоенной Чехословакии.

* * *

События осени 1989 г. как для чехословацкой государственности, так и для чешского и словацкого общества в рассматриваемый период знаменовали окончание эпохи тоталитарных диктатур, наступившей непосредственно после Мюнхена 1938 г., и явившейся ключевой вехой в судьбах страны, начиная с 1918 г. Политический переворот, давший толчок демократической трансформации государственной и общественной системы, свершался в таких международных условиях, которые – и это следует подчеркнуть особо – можно назвать самыми благоприятными за весь XX век. Советский Союз занял нейтральную, т.е. диаметрально противоположную по сравнению с 1968 г., позицию и предоставил развитие событий в Чехословакии свободной игре внутренних сил. Более того, Москва давала совершенно ясно понять своим собратьям в Праге, что она считает неприемлемым использование силы в инте-

ресах сохранения существовавшего коммунистического режима и всех властных структур ЧССР.

Чехословацкий путь к демократическому перевороту существенно отличался от падения коммунизма, predeterminedного переговорным процессом в Польше и Венгрии, когда мирный характер революции был детерминирован подписанием соглашения между руководством коммунистической партии и оппозицией. Специфика Чехословакии заключалась в конфронтации между коммунистическим истеблишментом и очагами гражданского общества, из которых постепенно выкристаллизовывалась демократическая оппозиция. Отказ от предложений этой оппозиции начать диалог по вопросам демократизации системы, а также продолжение политики враждебности по отношению ко всем, кто не желал подчиняться диктату компартии, продолжали определять сущность руководства КПЧ уже в период после падения Берлинской стены, после того, когда в Польше правительство возглавил представитель Солидарности, а в Венгрии было признано правящей ВСРП право на свободное формирование политических партий и подписано соглашение о проведении свободных выборов.

Центр тяжести исторического движения в Чехословакии концентрировался в зарождавшемся гражданском обществе. Чехов и словаков никто не освободил извне: чудо (волшебство) свободы стало делом самоосвобождения, и решающую роль тут сыграли структуры стремительно формировавшегося гражданского общества, программы которого ориентировались на плюралистическую парламентскую демократию. В деле самоосвобождения следует отметить прежде всего два обстоятельства: это, во-первых, вышедшие на улицы и площади сотни тысяч людей, которые открыто дистанцировались от псевдонародного режима, а, во-вторых – способность спонтанно формировавшихся представителей общественности (Гражданского форума и братиславской Общественности против насилия) использовать благоприятную ситуацию с тем, чтобы превратиться в решающую политическую силу в стране и обеспечить необратимость демократической трансформации.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1955. С. 423.

² Prečan V. V kradeném čase: Výběr ze studií, článků a úvah z let 1973–1993. Brno, 1994. S. 162.

РЕВОЛЮЦИЯ 1989 г. В ПОЛЬШЕ: ПОПЫТКА ФИЛОСОФСКОГО ОБОСНОВАНИЯ

Польская революция 1989 г., подготовленная в определенной мере движением “снизу”, имела все же характер реформы, проведенной “сверху”. Движение снизу время от времени потрясало те или иные стороны советской зоны политического и военного влияния, в том числе всякий раз оно воздействовало и на сам СССР. Однако любые проявления общественного недовольства существующим режимом всюду жестко подавлялись вплоть до применения властями оружия, ведущего к человеческим жертвам. Не обошлось без них и в Польше, где тоже действовала разветвленная система репрессивных мер против всех проявлений сопротивления введению советских политических порядков после второй мировой войны. Свыше 70 человек убитых и 500 раненых – такова была вооруженная реакция властей на восстание рабочих в Познани в июне 1956 г. Подобным же результатом “увенчалось” широкомасштабное забастовочное движение в декабре 1970 г. на Побережье, где в результате побоища 17 декабря на Гданьской судовой верфи 44 человека были убиты и 1164 ранены.

С начала 70-х годов характер реакции властей на проявления бунта начинает меняться. В ходе подавления волнений власти старались избегать кровопролития. Органами милиции довольно широко начали применяться методы физической расправы, именуемые в народе “тропой здоровья”. Если здесь и имели место иногда случаи смертоубийства, то их причиной было скорее всего личное рвение карателей. Подчеркивая эту разницу в реакции властей, я хочу лишь сказать, что если даже радикальная физическая расправа с неугодными властям людьми случалась и в дальнейшем (примером здесь может быть убийство ксендза Попелушко), то она потеряла свой прежний открытый, официальный характер. То есть имели место относительное смягчение репрессивности системы и первые попытки ее трансформации сверху. Именно тогда, в 70-е годы, и началась в Польше трансформация.

Революция 1989 г. была лишь кульминацией процесса трансформации. Кое-кто, наверное, не согласится с моим датированием начала этого процесса, ссылаясь на значительное послабление режима уже с осени 1956 г. Однако здесь нельзя забывать, что пресловутая “оттепель” являла собой действительно только послабление, а не существенную перестройку системы. Она не была еще связана с переориентацией правящих элит на капиталистические формы хозяйствования, не говоря о признании равенства политических прав всех граждан. Такой процесс начался после декабря 1970 г.

В то время, когда общественное движение 1980 г., известное под названием “Солидарность”, требовало осуществления на деле социальной справедливости, а августовские забастовки проходили под лозунгом “Социализму – да, извращениям – нет”, коммунистические элиты гото-

вились к перераспределению госимущества. Время военного положения также послужило реализации этой цели. К началу 1989 г. поворот в этом направлении был полностью подготовлен, в том числе и в законодательном плане. Не хватало только политической мощи и политической легитимации для превращения проекта в жизнь. Нужен был союз с альтернативными элитами, исповедовавшими идеи либеральной демократии. Появился проект “Круглого стола”.

Как ни странно, самыми ревностными сторонниками либеральной демократии оказались в Польше даже не столько “потомственные” демократы из бывшей антикоммунистической оппозиции (многие из них все еще остаются в большом долгу перед церковью, заботившейся о них во время преследований), сколько лишившиеся советской опеки и советской легитимации так называемые посткоммунисты. Именно польские левые, как теперь чаще всего называют вчерашних коммунистов, с завидной политической ловкостью перетрансформировались в либеральных демократов. И все это произошло благодаря изобретению ими “Круглого стола” и действительному участию в его работе наравне с оппозицией, что имело место ровно десять лет тому назад.

Мне кажется, что только исходя из этой временной ретроспективы, следует пытаться сегодня оценивать произошедшие в результате революции 1989 г. изменения польской политической системы и общекультурной ситуации. Однако была ли это действительно революция? Можно, конечно, сказать, что все зависит от принятых критериев определения. Обычно революцией называют достаточно бурные события в общественно-политической сфере, сопровождаемые массовым насилием. Очевидными примерами такого рода событий являются английская и французская революции, не говоря уже о революции большевистской. Однако каждый, кто вспоминает американскую революцию, сознает, что, помимо ее связи с кровопролитием в войне с Англией, при определении революционности тут приходится иметь в виду какие-то другие критерии, не относящиеся в первую очередь к насилию и крови, а скорее к значимому отсутствию и того и другого. Такого типа революция означает не столько масштабные, сколько – и прежде всего – радикально-качественные изменения, а также сугубо “нереволюционный” (а одновременно и не “эволюционный”) способ их инициирования.

В свете такого не количественного, а качественного подхода к вопросу о революции американская революция была действительно революцией со всеми ее последствиями, принявшей американскую конституцию, поставившую на место послушания свободу и закон, а в противовес ей большевистская революция октября 1917 г. должна именоваться скорее контрреволюцией по отношению к февральским событиям, сквозь которые как-то проглядывал отнюдь не французский, а американский пример.

Конечно, немало найдется таких, кто и доселе признает революционность за большевистским переворотом и его последствиями. Следуя их логике, события 1989 г. надо рассматривать как контрреволюционные. Чтобы избежать тут полного релятивизма и одновременно ответить на вопрос, почему польская революция 1989 г. и вообще события

рубежа 80–90-х годов в Центральной и Юго-Восточной Европе имели действительно революционный характер, надо обратиться прежде всего к культуре и к поискам ее философского обоснования.

Испокон веков культура, в том числе политическая, строилась по принципу силы и послушания, по которому устанавливались отношения между гоминидами также в докультурное время. Однако с самого начала в культуре присутствовал другой, противоположный принцип, а именно принцип взаимного признания свободы и суверенитета. Свидетельствует об этом уже библейский миф об изгнании из рая как сферы всепослушания, в которой даже сам бог, после некоторых колебаний, признает, что нарушение запрета, приведшее человека к божественной свободе выбора между добром и злом, так же как и послушание, может быть равноправным источником ценностей, а значит, и культуры. Между тем свобода долго была лишь источником страданий, по крайней мере до тех пор, пока ценностная революция в человеческих отношениях не положила конец божьему проклятию человека за нарушение запрета, изобретая и внедряя в культуру систему гарантий каждого “я” от “законного” насилия.

Такого рода революция в культуре произошла благодаря, во-первых, Реформации, английской философии, обосновавшей принцип общественного договора как источника культуры с отторжением связанного с насилием состояния природы; во-вторых – идее права как гаранта свободы, закрепленной в американской, а впоследствии и в других конституциях. И в этом смысле можно утверждать, что события 1989 г. были все-таки революцией, переходом от традиционной культуры с ее принципом всепослушания и законного насилия к культуре взаимного признания индивидами их обоюдной субъектности и суверенитета, а также закона как опредмеченной формы этого отношения.

Разделение культуры (на культуру послушания и культуру договора) требует, конечно, как философского обоснования этого разделения, так и более развернутой классификации. Типы культуры делятся по двум принципам: по принципу послушания и по принципу свободы, самих же типов культуры, естественно, больше.

Упомянутый мною библейский миф об изгнании из рая представляет собой всего лишь феноменалистскую картину. Он показывает, что источником ценностей – а именно они и составляют суть культуры – может быть как бог, так и человек, сломавший его монополию на ценности. “Нынче человек стал как Мы, – говорит Яхве-Бог. – Он знает Добро и Зло”. Иначе говоря, им обоим, Богу и человеку, теперь принадлежит и роль творцов ценностей, и роль источника знания о них. Что касается человека, здесь имеется в виду то, что теперь человек знает эти ценности уже сам по себе. Он, правда, знал их и до этого, но с той разницей, что получал сведения от кого-то сверху, а именно от Бога, Господина (что не могло, конечно, не влиять на содержание ценностей, насыщенное послушанием и господством). В старой реляции человека и Бога последний не просто знает ценности и сообщает о них человеку только посредством запрета, но он эти ценности сам и творит. Человек, сломавший запрет и обретший свободу, также становится творцом цен-

ностей. Тут можно еще добавить, что скрытая форма передачи знания о ценностях через запрет, т.е. в сущности, через требование послушания, скрывает истинный их источник – власть – и тем самым указывает на неуниверсальный характер ценностей. Однако это не может быть доказано путем интерпретации мифа и требует особого философского, а точнее – метафизического, обоснования.

Метафизика, к сожалению, не пользуется у наших современников большим признанием. Вину за это частично несет популярное сегодня постмодернистское мышление, которое на место взвешивания аргументов ставит поток не связанных друг с другом коммуникатов и языковых игр. Отрицая необходимость “больших нарративов”, постмодернизм пытается отменить традиционное убеждение, что проблемы общественной жизни, в том числе и ценности, должны осмысливаться на высшем, метафизическом уровне. Между тем в публичной сфере очень много проблем, которые требуют упомянутого подхода. Прежде всего такой проблемой являются ценности, на основании которых партии, ассоциации, религиозные организации и т.п. пытаются обосновать универсальный характер своих политических интересов и притязаний. Увлечательная сегодня для многих культура коммуникатов, констатирующая плюрализм правд и ценностей, формулирует своего рода запрет на оценку ценностей. А это, в свою очередь, ведет к полному релятивизму. Преодоление его возможно лишь на основании метафизической рефлексии, над которой так подсмеивается сегодня постмодернизм.

Под метафизикой я понимаю такую систему философствования, которая показывает и объясняет способ творения (а точнее – со-творения) мира, особенно же его высших форм, т.е. ценностей в их связи с низшими формами бытия. Кроме того, метафизика, о которой идет здесь речь, призвана видеть, показывать и объяснять свое участие в этом процессе. Предлагаемый ниже метафизический проект исходит из того, что искомое высшее бытие может быть достигнуто лишь через постижение бытия в целом как особого объекта метафизики. В свою очередь, это целое не может быть достигнуто лишь путем максимального обобщения эмпирического опыта. Со времени Канта и его критики традиционной метафизики здесь существует свой, сугубо философский запрет. Целое надо осмысливать в ходе особого метафизического опыта, в свете которого бытие является нам как состоящее из не сводящихся друг к другу “я” и “не-я”. Важно подчеркнуть, что в таком опыте наличествует не только внешний мир (“не-я”), но и то “я”, чей опыт очерчивает границы бытия. Собственно, *метафизическое задание* состоит тут в определении отношения между “я” и “не-я”. Абстрагирование от этого “я” искажает метафизический характер упомянутого отношения и делает метафизику невозможной.

Представленная в метафизическом опыте бинарная, а одновременно элементарная структура мира (этот опыт показывает, что она отнюдь не одноэлементная) должна быть дополнена тем, что в метафизике является самым главным: решением того, чем собственно являются “я” и “не-я”. Никто не спорит, что нельзя сводить метафизику к гносеологии. Основное метафизическое отношение не есть отношение гно-

сеологическое. К этому надо, однако, обязательно добавить, что метафизика не есть “высшее” познание, она не есть также и “познание” высшего. То, что инициируется метафизическим опытом, это и есть определение мною (“я”) моего отношения к “не-я”. При этом у меня существуют тут только две возможности. Я могу придать “не-я” или статус предмета (утилитарной ценности), или статус субъекта (ценности как таковой). В первом случае это что-то такое, что я могу использовать как средство удовлетворения моих потребностей. Во втором случае “не-я” не сводится мною к предмету моих потребностей и вожделений (хотя в определенной степени всегда им и является). Таким образом, можно сказать, что находясь в реляции с “не-я”, “я” всегда стою перед *метафизическим выбором*. Метафизический характер этого выбора заключается прежде всего в том, что если даже какие-то предпосылки его и наличествуют в метафизическом опыте, то они еще не решают того, в пользу какой из двух вышеперечисленных возможностей (“не-я” – предмет или “не-я” – субъект) будет произведен выбор. Он метафизичен потому, что свободен. Что же такое выступает в опыте, что принуждает меня (всякое “я”) к выбору своего отношения к “не-я”? Прежде всего то, что “не-я” вовсе не пассивно. В метафизическом опыте мне дано его сопротивление или же его стремление овладеть мною как предметом. Именно поэтому данный опыт ставит меня перед необходимостью выбора: или полностью овладеть сопротивляющимся “не-я” как предметом для меня, или же признать за ним принципиальный суверенитет, субъектность, статус ценности.

Неотъемлемой частью метафизического выбора является решение о том, кем “я” сам хочу быть для “не-я”: предметом, над которым оно будет распространять полноту своей власти (работ Божьим или работ Государства, например) или субъектом, судьба которого определяется “не-я” только в той степени, в какой это “не” лишает меня суверенитета, а именно статуса быть ценностью, субъектом, в том числе (что самое главное) субъектом метафизики, субъектом бытия не только своего, но и бытия как такового.

Итак, культуру, которую в ходе интерпретации мифа изгнания израя я разделил на культуру всеподчинения и культуру свободы, можно определить более основательно, опираясь на результаты упомянутого выше метафизического анализа, который в данном случае является скорее метафизическим синтезом, чем-то вроде синтетического суждения а priori. Согласно этим результатам культура определяется мною как высшая сфера бытия, создаваемая человеком в рамках отношения между “я” и “не-я” в ходе метафизического выбора, основанного или на субъект-субъектном принципе взаимного признания свободы и субъектности, или же на субъект-объектном принципе полной доминанции и безоговорочного подчинения. В ходе этого выбора (в рамках которого возможны только два решения) и создается ценностный фундамент культуры. В первом случае – ценность как таковая, во втором – утилитарная.

В соответствии с этой структурой ценностей строится также и само высшее бытие (а с ним и вся культура), разделяясь на высшую, ценно-

стную, и низшую, ценностно-утилитарную сферы. Но это, конечно, если можно так сказать, философская структура культуры, поскольку ее исторические типы вовсе не обязательно принимают ценность как таковую в качестве своей основы. Скорее наоборот. Большинство типов культуры основано как раз на субъект-объектном метафизическом выборе. Чтобы это лучше объяснить, надо ввести понятие *культурной доминанты*, пользуясь которым можно отличать друг от друга разные, исторически конкретные типы культуры.

Существуют, как было отмечено выше, два вида метафизического выбора. Однако построенные на них культурные доминанты могут быть разные. Стоило бы здесь еще раз сказать, что каждая реально существующая культура является или культурой свободы, или культурой послушания и господства. Сама же культура как таковая – это область, в которой запечатляются в специфических формах, таких, как нормы, образцы поведения, институты и т.п., результаты индивидуальных метафизических выборов. Культура, которая в своем историческом выражении не есть лишь опредмеченная форма метафизических выборов, может быть разной, так как разными являются культурные механизмы репродукции и закрепления как субъект-субъектных, так и субъект-объектных метафизических выборов. Механизм осуществления этой репродукции, который в сущности является столь важным элементом культуры, что организует ее в когерентную систему, такой механизм я и называю *культурной доминантой*. Иначе говоря, культурная доминанта – такая часть культуры, которая сообщает ей идентичность, присутствуя во всех элементах культуры посредством задаваемой этой доминантой системы ценностей, а также через специфические формы ее (доминанты) выражения в нравах, обычаях, искусстве, моде и т.п.

В истории можно насчитать несколько таких культурных доминант, т.е. своего рода общих системообразующих образцов. Самое продолжительное историческое время человечество прожило в рамках архаической культуры, доминантой которой была *магия*. После нее идет *религия* как доминанта традиционной культуры (позже появились доминанты квазирелигиозные, то есть различные тоталитарные идеологии). В рамках христианства родилась либерально-демократическая культура, потом выделившаяся из него в особый и даже противоположный христианству тип культуры, доминантой которой является право как отражение идеи общественного договора. В свою очередь, либерально-демократическая культура все больше становится той формой, внутри которой эффективно развивается иной тип культуры. Это *потребительская культура* со своей, полноценной в смысле креации ценностей и навязывания их всей культуре, культурной доминантой – *рекламой*.

Если посмотреть на магию, религию и рекламу с точки зрения метафизического анализа, можно утверждать, что все они являются культурными формами субъект-объектного метафизического выбора. Одновременно оказывается, что только либерально-демократическая культура провозглашает свободу и обоюдное признание субъектности, создает действенные институциональные гарантии этого. Среди них

первостепенное значение имеет набор конституционных гарантий гражданских прав, таких, например, как конституционный иск, а также известные и привычные в странах с упрочившейся демократией институты легальной оппозиции, отделение церкви от государства, его идеологический и мировоззренческий нейтралитет и прочее. Кое-кто мог бы возразить, что это всего лишь институты политической культуры, но не культуры в целом. На это можно ответить, что благодаря именно этим институтам субъект-субъектный метафизический выбор становится фактом культуры как таковой, а не только индивидуальной, чаще всего культурно дисфункциональной морали.

Надеюсь, что изложенные мною, хоть и в весьма сокращенном виде, принципы диалектической метафизики выбора позволяют увидеть, что есть всего лишь две разновидности культуры. Однако типов культуры доминации и послушания три. При этом довольно легко можно себе представить какие-то другие, кроме магии, религии и рекламы, культурные доминанты, основанные на принципе послушания. Труднее обстоит дело с культурой свободы. Нельзя, конечно, исключить появления в будущем какой-то иной, отличной от права, доминанты культуры, основанной на свободе. Одно не подлежит сомнению: переход от культуры доминации и послушания к культуре свободы с ее основополагающим принципом прав человека – это самая настоящая революция в истории человеческой культуры, сравнимая лишь с самим ее возникновением. Поэтому я считаю, что каждое человеческое мероприятие, которое не сводится лишь к единичному поступку (хотя в конечном счете именно из таких поступков построена материя культуры), мероприятие, которое существенно приближает превращение высшего бытия (т.е. субъект-субъектного метафизического выбора) в культуру свободы, имеет все признаки революции. Все признаки именно такой революции имеет также и польский “Круглый стол”. Конечно, одно событие, даже столь масштабное, как этот “Круглый стол”, само по себе не может поменять всю культуру. Перемена культурной доминанты готовится столетиями человеческой истории, а ее появление не означает исчезновения предыдущих типов культуры, особенно культуры традиционной. Культуры продолжают сосуществовать, а культурные доминанты – магия, религия, право, реклама – борются за первенство. В рамках традиционного типа культуры идет, к примеру, борьба за превосходство в мире в целом или, скажем, в Европе, за то или иное воплощение религиозной эксклюзивности и т.д. Вот уже десять лет после революции “Круглого стола” традиционная культура в Польше стремится отвоевать утрачиваемые позиции. Это находит свое выражение, допустим, в попытках маргинализации оппозиции и всякого рода меньшинств, восстановления принципа “руководящей роли авангарда”; в попытках гарантирования привилегированного положения католической церкви и даже создания идеократического католического государства, игнорирования, а порой и явного попрания конституции (что не чуждо даже Конституционному суду), упорного культивирования патриархальных отношений и прочих атрибутов традиционной культуры.

К сожалению, подобные попытки проведения по сути консервативной контрреволюции не есть единственная угроза либерально-демократической культуре свободы и прав человека. Не меньшую, а в перспективе даже большую угрозу несет в себе превращение экономического принципа эффективности и всеобщей эквивалентности во всеобщий принцип культуры – культуры потребительской. Институты либерально-демократической культуры весьма уязвимы. Будучи формой субъект-субъектных метафизических выборов, они, в противоположность институтам традиционной, прежде всего потребительской культуры, нуждаются в постоянном воссоздании своей структуры, а тем самым требуют от индивида и постоянного самоограничения, и преодоления соблазна пассивности, т.е. требуют усилий, от которых, каждая по-своему, освобождает его как традиционная, так и потребительская культура. Традиционная культура хочет от индивида только того, чтобы он позволил себя опекать. Потребительская культура уговаривает этого индивида, чтобы он следовал лишь своим желаниям. Первая обещает ему приручение смерти, вторая – страну бесконечного детства, в которой вообще смерти нет. В свою очередь, если либеральная демократия что-либо и обещает, так это только свободу, окупаемую постоянным трудом преодоления своих и чужих стремлений к доминации и подчинению. Именно поэтому приходится надеяться, что либерально-демократическая революция будет непрерывной, что люди не откажутся трудиться на благо свободы. В противном случае культура свободы и права может оказаться кратким эпизодом в истории человечества.

“БАРХАТНЫЕ” РЕВОЛЮЦИИ КАК ФЕНОМЕН МАССОВОГО СОЗНАНИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙЦЕВ

Наиболее мощным фактором, вызвавшим произошедшие на наших глазах радикальные сдвиги в общественном развитии Восточной Европы как политического региона, оправданно считается “психологический”¹. Речь в данном случае идет о надеждах и ожиданиях, сложившихся в неповторимой атмосфере 80-х годов под воздействием “демонстрационного эффекта” западных стандартов жизни. Это воздействие в полной мере смогло проявиться после завершения эпохи индустриализации региона, достижения высоких социально-образовательных параметров населения, формирования у него устойчивой ориентации на рост уровня потребления.

Уже к началу 60-х годов компартиями декларируется создание основ социализма, что фактически означает появление фундамента индустриального общества в регионе. К этому времени процессы социально-экономического развития в различных странах Восточной Европы и СССР, стартовый уровень которых был далеко не однородным, относительно синхронизируются. Коммунистический режим встает перед необходимостью определения дальнейшего пути развития – постиндустриального. В новых условиях о необходимости пересмотра базисных принципов действующей модели общественного устройства настоятельно свидетельствовали события “Пражской весны” 1968 г.

Произошедший спустя два десятилетия отказ от существующей системы как неспособной обеспечить адекватного западному уровню жизни последовал за периодом так называемого потребительского, или “домашнего”, “гуляшного” социализма. В этот период совершалось последовательное отступление от принципов советской морали, тяготеющей к восточноевропейской и особенно российской культурной традиции с ее приоритетом духовно-нравственного начала человеческой жизни над началом материальным. Власти постепенно стали отходить от норм аскетической трудоцентристской морали первых пятилеток и пытаться превратить материальное потребление в “мотор” экономического роста и политической поддержки. Однако потребительские ожидания в условиях политики “пропаганды успехов” и госпатернализма росли быстрее, чем возможности их удовлетворения.

Социокультурные предпосылки “бархатной” революции складывались на протяжении всего второго этапа истории восточноевропейского социализма, в течение которого формировалась массовая основа смены режима в 1989–1991 гг. Речь идет о возникновении нового типа социальности, в котором решающее значение сыграла серия бескровных революций рубежа 60–70-х годов.

Важнейшая среди этих революций – научно-техническая, открывшая эпоху технократического социализма. Для человека этой эпохи характерна вера в будущее, прогресс, технику, экономический рост и крупногородскую культуру, сформировавшуюся в те годы в странах региона. Эта вера находит наиболее полное проявление в начале 70-х годов – непродолжительного “золотого века” стран восточноевропейского региона, когда происходит ощутимое повышение уровня жизни населения, а вслед за ним явное смягчение репрессивности системы везде за исключением, может быть, Чехословакии, где осуществляется политика “нормализации”.

В середине 70-х годов в регионе окончательно завершается переход ко всеобщему среднему образованию, который открывает дорогу в высшие учебные заведения практически всей молодежи соответствующих возрастных групп. Но еще десятилетием раньше возникает массовая ориентация на поступление в вуз как практически единственную возможность восходящей социальной мобильности в данной общественной системе. В странах, принадлежавших к числу менее экономически развитых на старте соцмодернизации (СССР и Болгария, а также Польша и словацкая часть ЧССР), рост высокообразованных контингентов населения идет опережающими темпами по сравнению, например, с Венгрией и Чешскими землями.

Демографически мощные когорты молодежи, родившейся в начале 50-х годов, со временем становятся главным объектом подлинной образовательной революции. В результате формируются многочисленные контингенты высококвалифицированных специалистов, в основном технического профиля. В 70-е годы в Восточной Европе появляется новая социальная категория – массовая интеллигенция, или образованный класс, своеобразный аналог западноевропейского среднего класса. Эта социальная группа становится “лицом” и авангардом молодого поколения тех лет, обладающего огромным потенциалом умственного труда. Выросшее в обстановке экономической безопасности и надежных государственных гарантий, это поколение считает науку наиболее престижной сферой профессиональной деятельности.

Второе послевоенное поколение в противовес родителям, но аналогично западноевропейским сверстникам отдает приоритет постматериалистическим ценностям. Для него особенно значимы идеалы личностного развития, гуманизма и мира, взаимопонимания между народами. В отличие от “отцов” – преимущественно материалистически ориентированного первого послевоенного поколения – “дети” предпочитают так называемые высшие ценности.

Послевоенная модель социализации дала миру совершенно новый тип личности. В соответствии с теорией межгенерационного культурного сдвига, или “тихой” революции Р. Инглехарта, по существу впервые в истории появилось поколение, не озабоченное угрозой суровых экономических лишений и воспринимавшее экзистенциальную безопасность как должное. Речь идет о субъективно благополучном поколении с ослабленным чувством уязвимости по отношению к внешнему миру, строящим свою судьбу на основе свободы индивидуального выбора². Для

Восточной Европы перестройка мироотношения, обозначаемая как постмодернизация, была так же реальна, как и для Западной Европы.

Подъем благосостояния формировал новую общепринятую систему ценностей, обращенную внутрь человеческой личности, его повседневной жизни. Пресловутые “безыдейность” и “нигилизм” молодого поколения как носителя этой системы были реакцией на жесткость и рационализм старшего поколения. Ориентированные на общественные изменения молодые постматериалисты рекрутировались из наиболее экономически обеспеченных семей, в основном из среды улучшивших свое материальное положение слоев населения, в прошлом малообеспеченных³. Для сторонников новой системы ценностей культурно-политическая ориентация была гораздо важнее их социальной принадлежности и служила объединяющим началом протестной активности. Эта активность характеризовалась исследователями как сугубо “постматериалистический феномен”. В конце 80-х годов в обстановке гласности, обеспечившей возможность выражения массовой неудовлетворенности существующим режимом, этот феномен сыграл решающую роль в национально-политической мобилизации народов Восточной Европы на его ниспровержение. Противодействие авторитаризму стало главным проявлением фундаментальной ценностной переориентации населения региона. Речь идет не просто о борьбе с коммунистическими порядками, а о полном отказе от совокупности ценностей прежнего режима, важнейшими среди которых были аскетизм, уравнительность, коллективизм, общественное служение.

Сфера частной и личной жизни для второго послевоенного поколения гораздо более значима, чем для “отцов”. Характерные для последних вынужденные пуританские наклонности во время перехода стран региона к обществу массового потребления все более явно уходят в прошлое. Ростки малого предпринимательства, появившиеся в 70-е годы в Польше и Венгрии, предоставляли населению этих стран дополнительный источник доходов, открывая реальную возможность роста стандартов потребления.

К началу 80-х годов восточноевропейское общество приобретает социокультурный облик, совершенно видоизмененный по сравнению с периодом не только сорока, но и двадцатилетней давности. Именно в эти годы происходит очередная смена поколений, и постсталинская генерация вместе с ее ценностями и установками становится преобладающей среди социально-активной части общества. Усилия власти по созданию технократического потребительского социализма в конечном счете приводят к ослаблению политического режима при росте значимости позиций образованного класса – специалистов средней и высшей квалификации, занятых главным образом в промышленном производстве. Их стремление избавиться от сложившейся “статусной несогласованности” – превышения уровня образования над доходами или культурного статуса над статусом экономическим – видится на пути “конверсии” имеющегося культурного капитала в капитал экономический. Предпринятая средним поколением образованного класса Восточной Европы попытка закрепить и усилить свои позиции в обществе, окон-

чательно освободившись от административных пут и зависимости от “чужой воли”, в конечном счете привела к отторжению им общественной системы в целом.

Процесс смены базисных социальных ориентиров восточноевропейцев, непосредственно предшествовавший “нежной” смене власти в 1989–1991 гг., и получил название революции сознания. С начала 80-х годов, как показывают материалы социологических исследований, разрушается сложившаяся в 50-е годы и все эти десятилетия сохранявшая относительную стабильность и гомогенность система ценностей. Девальвируются ценности труда и образования. Последнее теряет свою функцию стержня процессов социального структурирования послевоенного восточноевропейского общества. В создавшейся обстановке гласности критицизм по отношению к существующему режиму, особенно со стороны молодого образованного класса, нарастает лавинообразно. Тридцатилетняя крупногородская интеллигенция выступает в роли прямой наследницы “шестидесятиничества”.

У восточноевропейской интеллигенции традиционно преобладало стремление исправить общественную систему “изнутри”. Еще у ее первого поколения партийность никогда не противоречила критичности. Попытка системной трансформации, предпринятая чешскими коммунистами-реформаторами, получает общерегиональный размах во втором поколении теперь уже массовой интеллигенции.

Интеллигенцию обоих поколений объединяет высокий уровень образования и политизированности, который порождает амбициозность планов, тягу к антиэгалитаризму, модернизму, открытости миру. Стремление “в Европу” и связанные с ним иллюзии о скором национальном и индивидуальном процветании выполнили роль мобилизующей интегрирующей идеологии, в основе которой лежала оптимистическая и наивная риторика по поводу скорейшей конвергенции двух частей Европы. Эта идеология дала ее сторонникам новую конструктивную перспективу, альтернативную социалистической, породив мощный всплеск духовной энергии народов региона.

“Демонстрационный эффект” западных стандартов создал движимый ожиданиями интеллигенции мощнейший психологический фактор потребности радикальных общественных перемен. Под воздействием этого фактора произошло тотальное смещение массовых пристрастий “от равенства к свободе”, подразумевавшей в первую очередь капитализацию экономики и свободу потребительского выбора. Стремление к такого рода свободе было ответом на вызов постиндустриального общества. Молодая интеллигенция, испытывавшая дефицит самореализации, обрела ее кратчайший путь в сфере удовлетворения материальных потребностей.

Раньше, чем в других странах, революция сознания началась в Польше, где последовательность решения отдельных задач этой революции была выражена наиболее ярко. Уже к середине 80-х годов важнейшие цели радикальной идеологической переориентации образованного класса были здесь решены. Так называемый польский общественно-политический кризис 80-х годов оказался растянутым на целое деся-

тилетие прообразом серии “бархатных” революций в остальных странах региона. Многие принципиальные стороны этого кризиса, последовательно развивавшегося и разрешавшегося в Польше, позже нашли свое концентрированное проявление в других странах (хотя перемены там произошли намного стремительнее). Иницилирующую роль в процессе перемен в 1980–1981 гг. сыграло движение “Солидарность”, получившее название “лебединой песни польского романтизма”. На основе идеалов эгалитарной справедливости оно сплотило оппозиционные общественной системе силы, всколыхнуло массовое сознание, политизировало его.

В 1980 г. равенство и справедливость были самыми важными социально-политическими ценностями польского общества⁴. Справедливость ассоциировалась, прежде всего, с адекватным вознаграждением за труд и равными для всех возможностями доступа к материальным благам. Установка именно на социальную справедливость в конечном счете и явилась важнейшим моральным императивом, проложившим дорогу фундаментальным социальным переменам конца 80 – начала 90-х годов. Движение “Солидарность” возникло на волне осознания молодым поколением заблокированности традиционных путей социального и материального продвижения через рост уровня образования и квалификации. Наиболее остро воспринявшие подобную реальность и наиболее ориентированные на восходящую мобильность группы возглавили это первое и последнее массовое организованное движение периода перехода “от социализма к капитализму” в восточноевропейском регионе.

Авангард и социальный костяк движения “Солидарность” составляли наиболее критично настроенные тридцатилетние – главный адресат пришедшего к власти в Польше в 1970 г. герекковского руководства. Эти люди выросли в атмосфере экономического подъема и роста уровня благосостояния, отхода от норм аскетической морали и реабилитации материального потребления как важнейшего фактора личной и общественной жизни. Уровень запросов и устремлений поколения, сформировавшегося в обстановке полной занятости, значительно превышал объективные возможности их удовлетворения, тем более в условиях сокращения потребностей в высококвалифицированном труде во второй половине 70-х годов.

Процесс неуклонной смены эгалитарного типа сознания на антиэгалитарный – при принятии меритократических принципов оплаты труда – выступал как основа трансформации всей системы мировоззрения восточноевропейца. Польские исследователи фиксируют дату начала этой смены – конец 1981 г. К этому времени эгалитаризм уже утратил свой решающий – политический – аспект. На глазах очевидцев протест против прошлого, выразившийся в лозунгах эгалитаризма, уступил место взгляду в будущее, отождествлявшееся с антиэгалитаризмом. Это проявилось в существенном увеличении количества сторонников углубления социальной и экономической дифференциации общества за счет, прежде всего, образованных слоев населения. Материальные ожидания молодого образованного класса в конечном счете и предре-

шили победу революций, одним из многих названий которых позже стало и такое, как “революция потребителей”.

Как установил К. Загорский, функциональный антиэгалитаризм, который сформировался в польском обществе к середине 80-х годов и по существу “прорубил окно в демократию”, возник под влиянием только двух факторов: высшего образования и ожидания роста уровня жизни⁵. Этот вывод нашел многочисленные подтверждения в более частных социологических исследованиях, проведенных и в других странах региона, в том числе в России⁶. Однако можно утверждать, что потребительские ожидания сформировали антиэгалитарный настрой интеллигенции как движущей силы радикальных преобразований прежде всего именно в Польше. Высокий уровень образования predetermined здесь степень поддержки приватизации и в целом системной трансформации, предоставляющей независимость от государства и неограниченные возможности получения дополнительных доходов. Всякие другие характеристики социального статуса и даже членство в политических организациях не оказывали такого, как наличие высшего образования и связанные с этим материальные ожидания, влияния на формирование революционного настроения поляков.

Решающими для них оказались в сильной мере нереалистические ожидания повышения благосостояния. Субъективные оценки материального положения были гораздо более значимы для образованного класса Польши, чем его фактические заработки. Аналогичный феномен был зафиксирован в Восточной Германии, где переход к демократии особенно благожелательно встретили те, кто считал свои заработки незаслуженно заниженными⁷.

Ориентированные не на относительно недавнее доиндустриальное прошлое, как “отцы”, а на близкие к западным стандарты потребления, молодые восточноевропейские технократы пережили “революцию растущих ожиданий” – не просто материальных, но и политических. Только повышения уровня жизни для поддержки правящего режима было уже недостаточно. Всплеск потребительских ожиданий привел молодых обладателей “культурного капитала” к идее смены системы. Центральным пунктом этой идеи была явно завышенная оценка возможностей, открывавшихся для них новой общественной системой, а также уверенность в равенстве этих возможностей, детерминированных только образовательным фактором. Ожидания перемен аккумулировались в предшествующие революционным событиям годы – период польской “Солидарности” или советской перестройки. Революции 1989–1991 гг. явились апофеозом сверхоптимистических надежд второго поколения интеллигенции стран региона, порожденных его поздней гражданской зрелостью, политической наивностью и неискушенностью.

По оценке американских социологов, в годы революционных перемен восточноевропейцы в целом относились к капитализму как общественной системе более благоприятно, чем респонденты в странах Запада. На понятие же “коммунизм” более негативно, чем поляки, реагировали только западные немцы⁸. Радикализация идеологии нового – либерального – витка модернизации в странах региона происходила под

лозунгом деидеологизации и ценностного шока, вызванного отождествлением общечеловеческих ценностей с западными.

Идеология неуклонного восхождения к вершинам материального и культурного потребления, сложившаяся у молодежи 70-х годов, высокая степень экономической и социальной безопасности объясняют толерантность ее образованных кругов к переживаемым радикальным системным трансформациям. В обществе возобладала атмосфера допустимости и даже благотворности – как неперемного условия продвижения по ступеням цивилизационного роста – материальной дифференциации общества, появления массовой безработицы и закрытия предприятий.

Проблема неравенства доходов в 1990 г. волновала советских граждан не намного больше, например, чем американских, сформировавшихся на совершенно иной социокультурной среде. Наши соотечественники не менее, а даже более американцев декларировали тогда тягу к материальному благополучию. Большинство наших сограждан высказались за необходимость значительной разницы в оплате труда как стимула повышения его качества. Ориентированные на достижение экономического успеха любой ценой, они стали сторонниками “идеологии эмиграции”, получившей широкое хождение в регионе. Характерно, что “средний восточный немец”, пересекавший границу Западной Германии, уходя от коммунистического режима, был накануне революционных перемен 30-летним инженером или техником⁹.

Рыночная экономика рассматривалась не просто как форма социально-экономической организации общества, а как реализация мечты о достижении западного уровня жизни “здесь и сейчас”. Уровень благосостояния при этом превращался в главный пропагандистский символ общественного прогресса. Идеализация этого символа и формировала так называемый “фактор надежды”, или ложное, мифологизированное сознание. Именно оно порождало нереалистические социальные и экономические ожидания образованного класса, его уверенность в своем преобразовательном потенциале, заставившую выступать вразрез со своими собственными социальными интересами. К тому же обладатели “нематериалистического” мировоззрения были склонны поддерживать предлагавшиеся властью общественные изменения и из чисто “теоретических” соображений.

Практически же до середины 80-х годов принципиальные черты существовавшей общественной системы находили широкую социальную поддержку в странах региона. Эта система принималась без энтузиазма, но и без значительной оппозиционности со стороны всего общества, в том числе молодежи, о чем свидетельствовали многочисленные исследования. Так, вплоть до самого 1989 г. большинство населения Словении придерживалось мнения, что политика компартии отвечает его интересам¹⁰.

Возраст и образование становятся проводниками политики “нового мышления”, приведшей к коллапсу коммунистического режима в Восточной Европе. Результатом этой политики является изменение мировоззрения людей, которое, по оценке социологов, для российских гражд-

дан, переживших перестройку и “бархатную” революцию, было не менее радикальным, чем последствия революции 1917 г.¹¹ Всеобъемлющий нигилизм по отношению к традиционным ценностям – патерналистскому государству, пренебрежению благосостоянием, эгалитаризму, конформизму, коллективизму, антизападному настрою – составили специфику мировоззренческого слома рубежа 80–90-х годов.

Одним из проявлений завышенных ожиданий, связанных со сменой системы власти в регионе, следует рассматривать веру восточноевропейцев в свою идентичность с Западной Европой. Причем эта вера встречалась в горах Албании даже чаще, чем на улицах Праги¹². Мифологизированным сознанием революционных лет “Восток” воспринимался лишь как почва для воспроизведения отсталости, векового рабства и империализма. Тяга к Западу постепенно становится главным фактором участия людей в событиях 1989–1991 гг. Правда, само это участие изначально имело характер скорее пассивный. Восточноевропейец, сформировавшийся в атмосфере “уклонения” от идеологизированных норм и “ухода в себя”, проявился в событиях революционных лет главным образом как наблюдатель, исполненный надежд на перемены, идущие “сверху”, т.е. полагаясь в этом на государство. Он одобрял, даже подчас испытывал энтузиазм по поводу происходящих событий, но активно на них не влиял. Общественная трансформация совершалась не столько при участии, сколько за счет рядовых граждан, составлявших “молчаливое большинство” ее сторонников¹³. Венгрия 1956 г., Чехословакия 1968 г., Польша 1980–1981 гг. не повторились в 1989–1991 гг. Революционный подъем и оптимизм проявились тогда на очень короткое время и на ограниченном пространстве¹⁴.

Эта констатация -- лишь подтверждение значимости для событий 1989–1991 гг. предшествовавшей им революции сознания, в результате которой ценности либеральной демократии приобрели особую привлекательность для поколения, поверившего во всеилые рынка. Возникшее у этого поколения еще в 70-е годы стремление к “лучшей жизни”, характерное для всех стран региона, в конце 80-х годов проявилось с новой силой. Сочетание негативных ретроспективных оценок общественного развития с позитивными перспективными оценками собственных судеб дало взрывной эффект, в конечном счете приведший к коллапсу коммунистического режима как итогу подвижек в культурно-политической сфере и пришедшему в состояние хаоса массовому сознанию.

Потеря мировоззренческих ориентиров и ценностных критериев проявилась и в резких колебаниях уровня религиозности и изменениях в содержании самой веры. Носителем этих сдвигов выступали высокообразованные слои населения. В СССР в течение только 1989 г. доля признающих себя религиозными поднялась почти вдвое – с 20 до 40% населения, в дальнейшем этот показатель вырос до 50% и более¹⁵. В Польше возврат к вере и церкви нарастал уже с середины 70-х годов, ускорившись в начале следующего десятилетия.

Революции 1989–1991 гг. приносят на смену распространявшимся до этого традиционным религиям – православию, католицизму – квази-

религиозные мифологемы, нетрадиционные верования, суеверия. В России за три года удельный вес людей с аморфным эклектичным типом сознания – “христиан вообще” – возрастает в 2,5 раза, достигая в 1992 г. 52% населения при снижении количества православных втрое¹⁶. В Польше, где позиции католицизма традиционно весьма прочны, этот процесс находит проявление в резком спаде его влияния, значительном уменьшении доверия церкви¹⁷.

Польской нации, в течение десятилетия находившейся в состоянии, близком к ценностному вакууму, в наибольшей степени был присущ эмоционально-иррациональный характер восприятия происходящего. В противовес ей романтический период “бури и натиска” для чешской нации оказался самым непродолжительным, занявшим всего 10 дней. Парадоксально на первый взгляд, но прагматичные и скептические чехи присоединились к протестному движению Восточной Европы против коммунистического режима за “экономическую и политическую рациональность” лишь на самой последней стадии его развития. На фоне большинства других стран региона в Чехии в силу особенностей ее национальной психологии, проявляющейся в эгалитарных и атеистических наклонностях, менее всего была выражена массовая основа социального конфликта, заключавшаяся в разрыве между ожиданиями людей и действительностью. Характерно, что в Чехословакии существовал минимальный накануне 1989 г. разрыв в шкале зарплаток в регионе. При коммунистическом режиме стаж работы определял здесь уровень доходов в большей степени, чем уровень образования и квалификации. Для среднего поколения чешского образованного класса и на рубеже 80–90-х годов большее значение сохраняли факторы профессиональной самореализации, участия в управлении экономической и общественной системой. Положение во власти по-прежнему детерминировало социальный статус чеха. Примерно у пятой части всего мужского населения существовали нереализованные амбиции карьерного роста.

Дело в том, что процесс культурно-образовательного подъема совпал в Чехословакии с периодом “нормализации” 70–80-х годов, когда в наиболее благоприятном положении оказалась получившая широкий доступ к высшему образованию словацкая молодежь, особенно по отношению к инициировавшей события “Пражской весны” чешской интеллигенции старшего поколения. Участники этих событий в следующие два десятилетия имели ограниченный доступ к общественной жизни. Их позиции нередко занимали представители следующего поколения, ощутившие на себе негативные последствия политики “нормализации” в гораздо меньшей степени, чем их “отцы”. У молодежи того времени лишь укреплялась эгалитарная система взглядов. Высокообразованные специалисты в Чехословакии делали ставку скорее на карьерный рост через демонстрацию политической лояльности, чем на получение дополнительных доходов, легальные возможности которого практически отсутствовали. Молодые специалисты занимались общественной работой гораздо больше, чем обладатели профессионально-технической подготовки – основной контингент занятых сверхурочной работой и работой по совместительству¹⁸.

Появление во второй половине 80-х годов дополнительных источников доходов не обострило здесь, как в Польше, а, напротив, сгладило остроту проблемы материального потребления. К тому же в конце этого десятилетия в системе управления в Чехословакии произошла смена поколений, в результате которой номенклатурные позиции перешли к средней генерации, хотя во главе иерархии власти все еще находилась старшая. В 80-е годы ощущение кризиса не было свойственно среднему поколению в Чехословакии в такой степени, как в Польше¹⁹. Поэтому социальная основа “бархатной” революции в Чехословакии включала, прежде всего, неудовлетворенную своим положением культурную элиту и радикально настроенное студенчество. В этой среде к протесту были склонны обладатели не высшего, как в других странах региона, а скорее среднего профессионального образования, не имевшие широких перспектив карьерного роста²⁰.

Традиционно склонное к эгалитаризму, чешское общество оставалось таким и в 80-е, и в начале 90-х годов. Процесс дифференциации доходов, т.е. дезэгалитаризация, начался здесь, по оценке социологов, лишь в 1992 г.²¹ Причем уже тогда 75% опрошенных чехов считали достигнутый уровень экономической дифференциации существенным, а 60% видели необходимость принятия государственных мер по ее сокращению²². Что же касается высокообразованных слоев населения, то они еще интерпретировали процесс трансформации в категориях прогресса распределительной справедливости, увеличения шансов на продвижение по ступеням социальной иерархии с соответствующим материальным вознаграждением. Таким образом, с точки зрения рыночных реформаторов наиболее прагматичную в регионе чехословацкую интеллигенцию рубежа десятилетий можно было бы считать по степени “развитости” ее сознания “отстающей” от польской как минимум на пятилетку.

Сохраняющаяся склонность более образованных слоев населения Чехии и Венгрии к социалистическим взглядам, в частности в оценке содержания социальной политики, контрастировала с преимущественно либеральной ориентацией в этой и других сферах польской и – особенно приумножившей свои ряды в ходе образовательной революции периода “нормализации” – словацкой интеллигенции²³. Еще не склонные в 80-е годы к радикальным рыночным реформам чехи, традиционно не тяготеющие к “правым” взглядам и ориентациям, и, напротив, уже вкушившие к этому времени плоды либерализации экономики венгры не стремились отказываться от роли государства. Гораздо более предпочтительным для них было усиление эффективности этой роли, справедливое соизмерение трудового вклада.

Ориентация, прежде всего, на социальный рост, общественное служение, а не на увеличение доходов и проявление экономической инициативы присутствовала в столь же “недемократических”, как чехословацкое, лишенных не только частного сектора, но и значительной теневой экономики, обществах СССР, Румынии, Болгарии и Албании. “Новое мышление” в этой группе стран формировалось первоначально в политической сфере. Исследованием 1991 г. в Румынии, Болгарии и Албании, где традиционно преобладал крайне авторитарный опыт пра-

вления, зарегистрировано наибольшее среди стран региона количество демократов, как и людей, ощущающих свою “европейскую идентичность”²⁴. Для большинства из них такая ориентация означала лишь отказ от старого режима, стремление всемерно дистанцироваться от него. В 1987 г. необходимость перестройки стабильно признавало не менее 80% населения СССР. Причем подавляющая часть москвичей ратовала за радикальное обновление общества более быстрыми темпами²⁵. Уже несколько позже квазидемократические политические воззрения дополнялись и соответствующим набором рыночно-экономических представлений²⁶. Поддержка интеллигенцией группы стран с наиболее ортодоксальными режимами ценностей демократии служила двигателем формирования свободно-рыночной ориентации. В Польше же, как еще раньше в Венгрии, где формы правления были менее авторитарными, скорее, наоборот: антиэгалитарные взгляды проложили путь к идее роста политического плюрализма; здесь соотношение материальных и социальных мотивов нарастания революционности масс было, пожалуй, противоположным.

Первая группа стран с господствовавшими накануне революции преимущественно “уравнительными” и “социально-достижительскими” устремлениями населения представляла собой, таким образом, идеологически-ориентированный тип общественной трансформации, а более “материалистически-окрашенная” вторая – прагматически-ориентированный. Правда, материалистические aspirations поляков и венгров были разного рода: первые меньше всех остальных наций региона в 1989–1991 гг. хотели равенства доходов, а вторые, напротив, больше. Различие опыта жизни в условиях либеральной экономики, его продолжительности давало прямо противоположное видение своей материальной выгоды, как и видение политических реалий. Так, в Словакии понятие “демократия” семантически ассоциировалось со свободой и человеческими правами, тогда как в Венгрии – со справедливостью, а также с законом и порядком²⁷. Большинство венгров выступало, кроме того, за ответственность государства в области обеспечения занятости и уровня жизни. В этом вопросе поляки с их амбивалентными в отличие, например, от чехов представлениями мало уступали венграм.

В целом же различия в массовых политических и экономических взглядах населения различных стран Восточной Европы, по оценке западных социологов, не превышали 10-процентного отклонения от “нормы”²⁸. В 1990 г. семь из десяти восточноевропейцев определяли демократию “инструментально” – прежде всего в экономических категориях, как путь максимизации индивидуального и общественного благосостояния²⁹.

Так или иначе, но смена режима произошла практически одновременно во всех странах региона независимо от продолжительности подготовительного этапа к ней – времени перестройки, как и от последовательности отдельных этапов трансформации экономического и политического сознания. Ожидание эффекта смены власти на положение населения некоторое время обеспечивало стабильность нового режима в первый послереволюционный период.

В конечном счете рынок и демократия явились своеобразной причудой или фантазией массовой интеллигенции, порожденной ее открытием для себя западного мира. Критическую роль в данном случае сыграла произошедшая за два десятилетия до этого образовательная революция, сформировавшая второе поколение восточноевропейской интеллигенции. В странах, где ее рост был наибольшим, – принадлежавших к числу менее развитых на старте модернизации, – по прошествии лет сильнее проявился и революционный пафос населения. Ценности и эмоции “нематериалистического” поколения сыграли определяющую роль в формировании его подлинно религиозной тяги к абстрактно-теоретическим построениям либерально-демократической модели. Недостаток или даже полное отсутствие практического опыта жизни в условиях иной общественной системы не останавливали сверхоптимистически настроенных сторонников радикальных реформ, а, напротив, давали почву для гипертрофированных и по сути утопических ожиданий, касающихся введения свободного рынка труда и товаров, триумфа демократии. Достигнув своего “пика” в период осуществления “бархатной” революции, позднее эти настроения стремительно идут на спад. Уже в 1991–1993 гг. доля ожидавших повышения уровня жизни сокращается в Польше с 35 до 20%, одновременно увеличивается в те же годы с 20 до 35% доля сторонников экс-коммунистических партий³⁰.

К новой геополитической реальности народы региона – вольно или невольно – шли на протяжении целых двух десятилетий постиндустриальной “догоняющей” модернизации. Глобальной тенденцией этого периода явился переход к обществу информационного типа. Именно в 70-е годы электронные СМИ широко внедряются в повседневную жизнь людей, а просмотр телепередач становится основной формой проведения досуга. В Восточной Европе этот процесс совпал с формированием крупногородской цивилизации и массового высокообразованного класса, ставшего в 80-е годы главным объектом воздействия современных информационных технологий, использование которых сыграло важнейшую роль в революции сознания, вылившейся в “бархатную” революцию – первый крупнейший политический акт эпохи информационного общества.

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 184.

² Inglehart R. The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-industrial Societies // American Political Science Review. 1971. N 4; Инглехарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.

³ Scott C.F. Changing Values in Advanced Industrial Societies // Comparative Political Studies. 1982. N 4. P. 422.

⁴ Koralewicz-Zebik J. The Perception of Inequality in Poland 1956–1980 // Sociology. 1984. N 2. P. 228.

⁵ Zagórski K. Hope Factor, Inequality and Legitimacy of Systemic Transformations // Communist and Post-communist Studies. 1994. N 4.

⁶ См. например: Софронов В.В. Массовые экономические представления: исторический аспект // Теоретико-эмпирическое изучение экономического сознания на пути типологизации. М., 1992.

⁷ Dalton R.J. Communists and Democrats // British Journal of Political Science. 1994. N 4. P. 486.

⁸ Mason D. Public Opinion in Poland's Transition to Market Democracy // Social Policy, Social Justice and Citizenship in Eastern Europe. Aldershot etc, 1992. P. 193.

⁹ Bauman Z. Dismantling a Patronage State // From a One-party State to Democracy: Transition in Eastern Europe. Amsterdam; Atlanta, 1993. P. 149.

¹⁰ Bernik I., Malnar B., Tos N. Paradoxy instrumentálního pojetí demokracie // Sociologický časopis. 1996. N 1. S.28.

¹¹ Filatov S., Voroncova L. New Russia in Search of Identity // Remaking Russia: Voices from Within. Armonk (N.Y.); L., 1995. P. 277.

¹² Mitev P.-E. European Integration and Young People in Eastern Europe // Europe. The Young. The Balkans. Sofia, 1996. P. 17.

¹³ Tymovski A. The Unwanted Social Revolution // East European Politics and Societies. 1993. N 2. P. 194; Hartl J. The Economic and Political Transformations in Czechoslovakia. Pr., 1991. P. 31.

¹⁴ Szokolczai A. Types of Mayors, Types of Subjectivity: Continuities and Discontinuities in East-Central European Transitions. Badia Fiesolana, 1993. P. 112.

¹⁵ Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х годов. М., 1993. С. 43.

¹⁶ Воронцова Л.М., Филатов С.Б. Религиозность и политическое сознание в постсоветской России // Религия, церковь в России и за рубежом. М., 1994. № 2. С. 12.

¹⁷ Luxmoore J. Eastern Europe 1994: A Review of Religious Life in Bulgaria, Romania, Hungary, Slovakia, the Czech Republic and Poland // Religion, State and Society. 1995. N 2. P. 218.

¹⁸ Дубски В., Франек Р., Вечерник Й. Трудящаяся молодежь: роль образования в условиях социализма // Рабочий класс и современный мир. 1979. № 3. С. 50.

¹⁹ Žatkuliak J. Slovakia in the Period of "Normalization" and Expectations of Change // Slovak Sociological Review. 1998. N 3. P. 257–258.

²⁰ Machonin P., Tuček M. Historical Comparison of Social Stratification. Types in Czechoslovakia in 1967–1984–1991. Pr., 1994. P. 9.

²¹ Machonin P., Tuček M. Geneze nové sociální struktury v České Republice a její sociální akteři. Pr., 1993.

²² Tuček M. Popular Attitudes Towards the Transformation of Czech Society. Pr., 1993. P. 23.

²³ Ibid. P. 16.

²⁴ Rose R., Mishler W. Mass Reaction to Regime Change in Eastern Europe // British Journal of Political Science. 1994. N 2. P. 170.

²⁵ От тоталитарных стереотипов к демократической культуре. М., 1991. С. 40.

²⁶ Gibson J. Political and Economic Markets // The Journal of Politics. 1996. N 4. P. 980.

²⁷ Plichtová J., Ěros F. Meaning of Some Political and Economic Terms in Relations to Experience of Two Slovak and Hungarian Generations // Sociológia. 1997. N 5. P. 734.

²⁸ Rose R., Haerpfer Ch. Mass Response to Transformations in Post-Communist Societies // Europe-Asia studies. 1994. N 1. P. 25.

²⁹ Terry S.M. What is Right, What is Left and What is Wrong in Polish Politics? // Democracy and Right-wing Politics in Eastern Europe in the 1990s. N.Y., 1993. P. 39.

³⁰ Zagórski K. Op cit. P. 374.

РОССИЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: ОТ “ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ” К НОВОМУ МИРОВОМУ ПОРЯДКУ

Окончание “холодной войны”, периода конфронтации двух мировых социально-экономических систем во главе с ядерными сверхдержавами, который длился несколько десятилетий, вместе с тем стало началом напряженных поисков ответа на вопрос, в каком именно мире нам теперь предстоит жить. Распад СССР, самоликвидация Организации Варшавского договора, Совета Экономической Взаимопомощи и всей системы отношений, объединявшей страны “социалистического содружества”, по сути означали крушение последней мировой империи на территории Евразии, что кардинально изменило расстановку сил в мире.

Здесь уместно напомнить, что традиция изучения империй как сложного интернационального общественного организма далеко не сводится к выявлению сущности и этапов кризиса империализма, а также его подлинных или мнимых пороков и амбиций. Она включает в себя и понимание того, что империя – это естественноисторическая форма организации мирового социально-политического пространства, а появление и гибель каждой из них связаны с тем вполне объективным обстоятельством, что все они созданы всемирными историческими, хозяйственными, политическими процессами и как реакция на эти процессы¹.

Как бы ни оценивать качество и правомерность получения Советским Союзом наследия Российской империи, какие бы ярлыки не наклеивались на эти политико-территориальные образования – будь то “тюрьма народов”, “воплощение вековых чаяний трудящихся” или “империя зла” – следует признать, что СССР, равно как и рухнувшая в феврале 1917 г. Российская империя, носил в себе наиболее существенные родовые признаки империи. Как правило, имперский тип политической организации обладает следующими характеристиками: обширная территориальная основа; сильная централизованная власть; стремящиеся к экспансии элиты; асимметричные отношения господства и подчинения между центром и периферией; разнородный этнический, культурный и национальный состав; наличие общего политического проекта, стоящего как бы над интересами конкретных групп².

Говоря о своеобразии видовых признаков этого политического образования на российской территории, надо прежде всего подчеркнуть его принадлежность к числу материковых, континентальных империй, куда менее динамичных и значительно сильнее тяготеющих к сохранению укоренившихся политических форм, чем более открытые миру океанические империи. Что же касается уникального своеобразия нашей страны и присущих ей особенностей политической организации общества, то их выявлению и объяснению посвящена весьма значительная часть отечественной общественно-политической литературы, которая просто не могла миновать читателя, интересующегося этой

проблематикой. Абсолютная уверенность в этом дает возможность не освещать здесь столь обширную тему³. Тем не менее нельзя не отметить, что как в Российской империи, так и в СССР, уровень социально-экономического развития колонизируемых регионов (по советской терминологии – “культурно-хозяйственное освоение”) в итоге колонизации нередко опережал центральные области, “метрополию”. Это наша весьма своеобразная, а может быть, даже уникальная черта. Она отнюдь не тождественна тому процессу, когда многие другие империи оставляли в своих бывших колониях, помимо памяти об утратах, вызванных иностранным порабощением, и о борцах против него, народнохозяйственный комплекс, включенный в систему мирохозяйственных связей, железные дороги и другие современные коммуникации, а иногда – усвоившую достижения европейской культуры национальную элиту, многопартийную политическую систему и парламент.

Рассматривая естественно-историческую эволюцию всемирной системы международных отношений, можно констатировать, что крушение советской империи явилось итогом ее собственной жизнедеятельности, т.е. саморазрушением. Оно в значительно меньшей мере было результатом усилий ее внутренних и внешних врагов, многие из которых даже не ставили перед собой цель разрушить СССР или упразднить его сферу влияния в Восточной Европе, а в гораздо большей – следствием логики внутреннего имперского развития, истощения возможностей и ресурсов для проведения соответствующей политики. Не только недвусмысленное военно-политическое поражение в Афганистане и события 1989 г. в социалистических странах Европы, но и провал попыток “наведения порядка” в Баку, Вильнюсе, Карабахе, Москве, Риге, Тбилиси и т.д. в последние месяцы существования СССР показали, что собственная слабость системы мешает принуждать к повиновению не только иные страны и народы, но и поддерживать существующий режим в своем доме.

“Холодная война” была закончена без единого выстрела противоборствующих сторон. Советская империя рухнула не по причине ее военного разгрома, а в результате многолетнего противостояния экономически более сильному противнику, в результате расточительной и бессмысленной гонки вооружений, оказавшейся для СССР непосильной.

Чего же можно ожидать от будущего? Практика международных отношений на протяжении едва ли не всей истории человечества свидетельствует, что никакие, даже самые “новые” отношения между странами, государствами и народами никогда не начинаются с нулевого цикла, вне зависимости от интересов и целей их участников, тем более переживших мировую войну – “холодную” или “горячую”. И, споря с теми, кто “как старые бабы” хотел после первой мировой войны искать “виновного”, М. Вебер, выступая в 1918 г. перед аудиторией Свободного студенческого союза, призывал: “Давайте же поговорим о том, какие из этого нужно сделать выводы в соответствии с теми *деловыми интересами*, которые были задействованы, и – самое главное – ввиду той ответственности перед будущим, которая тяготеет прежде всего над победителем”⁴.

Четверть века спустя, как бы продолжая этот разговор и “делая выводы” из итогов только что закончившейся второй мировой войны, У. Черчилль в лекции, прочитанной студентам Вестминстерского колледжа в Фултоне, в частности, сказал: “Я не верю, что Советская Россия хочет войны. Она хочет плодов войны и безграничного распространения своей силы и своих доктрин”⁵. Сегодня то же самое можно сказать о США, НАТО и вообще о Западе. Им нужна, конечно же, не война, горячая или холодная, а ее плоды: распространение своей силы и своих доктрин, освящающих собственные интересы.

Если, как пишет американский историк, профессор М.П. Леффлер, «важнейшим достижением первых лет “холодной войны” для США явилось то, что их руководители смогли продвинуться к такой конфигурации в расстановке сил в Евразии, которая способствовала защите их жизненно важных интересов»⁶, то ныне перед Америкой, хотя бы в той мере, в какой она претендует на выражение общих интересов Запада, стоят едва ли не те же самые задачи. В сущности они заключаются в том, чтобы на постсоциалистическом пространстве не возникло политическое образование (государство или союз государств), способное успешно конкурировать с США или другими странами Запада; в стабилизации политической и социально-экономической ситуации в этом пространстве на уровне, исключающем угрозу экспорта напряженности; в обеспечении возможности своего весомого присутствия на финансовом, нефтяном, сырьевом и прочих рынках этого региона Евразии.

Не только в России, но и на Востоке, и на Западе стремятся выработать стратегию своего поведения, ведущую к достижению внешнеполитических целей, соответствующих изменившейся обстановке. Отсюда и предупреждения о преждевременности партнерства с новой Россией, способствующего восстановлению ее могущества и политического влияния⁷, и популярная в США концепция “униполярности”, освящающая их “мировое лидерство”⁸. Важно иметь в виду, что эти взгляды характеризуют не только двусторонние отношения между Америкой и Россией, но и определяют подход США к формированию их отношений с государствами Евразии. Генри Киссинджер пояснял несколько лет назад эту ситуацию так: “В России демократизация и сдержанная внешняя политика не обязательно идут рука об руку. Вот почему утверждение, будто бы мир в первую очередь может быть обеспечен внутренними российскими реформами, находит мало приверженцев в Восточной Европе, Скандинавских странах или в Китае, и именно поэтому Польша, Чешская Республика, Словакия и Венгрия так стремятся войти в Атлантический союз”⁹.

Хорошо понимая, что будущее европейских стран и постсоциалистических государств – это не одна и та же проблема, им всем, тем не менее, обещают, а Российскую Федерацию предупреждают: “Если Россия останется в пределах своих границ, то со временем упор с безопасности переместится на партнерство. Общие экономические и политические проекты будут во все большей и большей степени характеризовать отношения между Востоком и Западом”¹⁰.

Что же касается государств, возникших на территории бывшего СССР, то перед большинством из них встала воистину историческая задача: определить не только на ближайшее будущее, но и на отдаленную перспективу характер отношений со своими соседями, и прежде всего с теми из них, с которыми они имели тесные связи как советские республики. Одни видят путь решения этой задачи в том, чтобы в СНГ юридически оформить и закрепить свершившийся факт – распад Союза ССР и коммунистической тоталитарной системы. И хотя отношение постсоветских государств к сохранению сложившихся взаимосвязей не во всем совпадает, их объединяет убеждение в том, что с точки зрения мировой истории и понятия свободы развал последней империи есть действие весьма положительное. По мнению других, это межгосударственное объединение (СНГ) – не столько форма смягчения последствий распада империи и спасения из-под ее развалин того ценного, что было накоплено на протяжении жизни многих поколений людей разных рас, племен, национальностей, конфессий и культур, сколько возможность “реинтеграции” построенного на иных, не имперских основах нового международного союза¹¹.

Иными словами, часть создателей СНГ видела в Содружестве Независимых Государств своего рода кальку с British Commonwealth of Nations (Британское Содружество Наций), а часть искала подобия с интегрирующимся Европейским сообществом¹². По какому из этих или близких им путей пойдет развитие отношений между теми или другими странами СНГ, какой период понадобится им для выбора этого пути и будет ли этот выбор окончательным – покажет будущее.

Но как бы ни развивались взаимоотношения в нашем дальнем или ближнем зарубежье, какие бы сценарии будущего мирового политического порядка ни строили государственные деятели разных стран, ни в одном из этих сценариев мировая политика не рисуется в перспективе как царство бесконфликтной гармонии, а Россия не исключается ни из сотрудничества, ни из противоборства цивилизаций, полюсов силы или государств. Более того, не только в Европе, но и в Америке нет сомнений в том, что Россия будет иметь глубокое влияние на безопасность США, стран Евразии, регионов Центральной и Восточной Европы¹³.

Оценивая нынешнюю роль и перспективы России, нельзя не учитывать, что в последнем десятилетии XX в. она существенно откатилась назад в мировой табели о рангах. В 90-е годы удельный вес Российской Федерации в международной экономике снизился примерно в три раза, а по сравнению с СССР – в пять раз¹⁴. Значение этого негативно-го обстоятельства для безопасности России в реальных или гипотетических конфликтах современности отражено в декларируемой готовности ее руководства в случае угрожающего интересам страны развития событий применить ядерное оружие.

Тем более необходимо избежать возникновения таких конфликтов в наших отношениях с развитыми странами и, прежде всего, со странами, входящими в НАТО. Ведь после более чем десяти лет имитации социально-экономических реформ и все углубляющегося кризиса народное хозяйство России нуждается не в восстановлении, а в полном обно-

влении. Решение этой задачи осложняется тем, что “до 2015 г. нашей стране придется, даже если ничего не занимать, выплачивать за год 12–15 млрд долларов. Это примерно 10% от ВВП 1998 г. и половина доходов федерального бюджета”¹⁵. Продолжение в этой обстановке политики противоборства, по крайней мере, не реалистично. Угрожать нанести сокрушительный ракетно-ядерный удар (и наверняка получить такой же ответ) можно и сейчас, однако ни одной из стоящих сегодня перед российским государством задач этим не решить.

Конечно, многое в политике Запада, прежде всего расширение сферы ответственности НАТО, а также дальнейший прием в нее новых членов, не соответствует или прямо противоречит интересам России, но это означает неизбежность не конфронтации и не реанимации “холодной войны”, а сознательного отказа от политики, чреватой, по меньшей мере, международной изоляцией нашей страны. Путь к этому лежит через создание и институциональное закрепление таких отношений со странами НАТО, которые в современных условиях могли бы обеспечить полноправное и активное участие России во взаимодействии не только со странами Запада, но также с государствами центрально-европейского и восточноевропейского регионов.

Реалистическое понимание гражданами нашей страны ее места и роли в мировой политике, общий отказ от стереотипов “холодной войны” дают весомые шансы избежать нежелательного для России участия в международно-политических конфликтах на Юге и Востоке Европы. В то же время осуществляя, а по мере необходимости и наращивая свое присутствие в качестве посредника в некоторых “горячих точках” (Балканы, Закавказье, Приднестровье), Россия может обеспечить рост своего политического влияния и значения, добиться выгодного для себя изменения внешнеполитического курса государств, заинтересованных в разрешении тех или иных национальных или региональных конфликтов.

Подобная вовлеченность в международно-политические процессы современности отнюдь не всегда может и должна быть направлена на скорейшую, полную и окончательную ликвидацию “горячих точек” на нашем континенте. Нельзя не признать, что подобные суждения способны вызывать упреки в политическом цинизме и, что еще более серьезно, сомнения в целесообразности проведения такой политики. Но одновременно даже самые последовательные зарубежные защитники “либерального национализма” не могут не признавать, что “распад любого многонационального государства способен создавать вакуум силы или новое соотношение сил между его наследниками. Эти результаты бывают стратегически выгодны другим государствам”¹⁶.

Россия объективно, хотя бы уже в силу наличия в постсоветских государствах более чем 20-миллионной русскоязычной диаспоры, не может оставаться вне происходящих там событий, сохранять полный и беспристрастный нейтралитет. Сегодня, как и в обозримом будущем, России придется так или иначе вовлекаться, втягиваться в эти события, быть может, даже против желания стоящих у власти политиков и поддерживающих их групп населения.

Поэтому очень важно ясно и четко сформулировать ту принципиальную позицию, которая наиболее полно отвечает интересам России. Она, даже будучи “больной” страной в международном сообществе, переживая глубокий и всесторонний кризис, благоприятный исход которого отнюдь не гарантирован, все же и сегодня, и завтра будет сохранять свою роль одного из центров военной силы и (уввы!) социально-политической напряженности. Значение влияния того и другого на наших центрально- и восточноевропейских соседей ни в коем случае не следует недооценивать. Перспективы установления сколько-нибудь длительного существования и неизбежного крушения Pax Americana это влияние не уменьшают, а скорее увеличивают. Грядущее вслед за тем установление очередного “нового мирового порядка” в многополюсном мире, который по своей сути предполагает международные отношения, характерные для системы баланса сил, по крайней мере, не снижает удельный вес России. Она даже в самых неблагоприятных для себя условиях уже просто самим своим существованием будет во многом формировать политический климат в Центральной и Восточной Европе.

Но благоприятное влияние этого климата на взаимоотношения России со “старыми” и “новыми” государствами Центральной и Восточной Европы возможно лишь при окончательном отказе от репрессивно-силовых методов в проведении внешней политики, в том числе политики обеспечения безопасности своих рубежей. Широкое применение этих методов в советский период истории, а также отнюдь не безоговорочно благоприятная для нас история дооктябрьских отношений России с большинством соседних стран и народов породили там вполне понятные комплексы настороженного отношения к “крупнейшей славянской державе”, “великому другу” и “старшему брату”. К сожалению, эти комплексы проявляются в наше время не только в Венгрии, Польше, Чехии, Балканских государствах¹⁷, не говоря уже о Латвии, Литве и Эстонии, но и во многих из тех постсоветских суверенных республик на Востоке Европы, в Закавказье и Центральной Азии, которые составляют ныне СНГ. “Разогрев” этих комплексов в результате даже самых искренних, но далеко не всегда хорошо просчитанных шагов российских политиков, предпринимавшихся, в частности, в ходе борьбы с действиями НАТО на Балканах весной 1999 г., может вызвать весьма тяжелые последствия для нашей страны.

Крах отношений, построенных на экономическом и внеэкономическом принуждении, навязывании своей воли средствами вооруженного насилия, заставляет задумываться не столько о тщетности любых попыток их реанимации (а уж тем более с позиций слабости), сколько об изменении самого содержания взаимодействия России с европейскими странами и народами. Российская внешняя политика разных лет и столетий дает примеры того, что отказ от логики диктата и патернализма не означает логики капитулянтства, ни лакейского “чего изволите?” И сегодня наша страна в состоянии обеспечить свои интересы на основе равноправного партнерства с другими странами, применяя весь арсенал средств внешнеполитического маневра и умело ис-

пользуя те ресурсы влияния, которые есть сегодня у нас – не только ядерную мощь, но и свою культуру, запасы сырья, потенциал внутреннего рынка, производственно-технологическую и транспортную взаимозависимость.

Будущее России и стран Центральной и Восточной Европы в формирующемся сегодня мире связано с появлением и реализацией все новых и новых возможностей широкого международного сотрудничества, открывающихся в результате демократических революций 1989 г. и развала советской империи. Но это отнюдь не беспроблемные отношения, исключающие конкуренцию, столкновение интересов и межгосударственное противоборство. Нам нужно учиться осознавать и отстаивать свои реальные интересы, порождаемые жизнью в этом мире. Ее улучшение требует не конъюнктурных по самой своей сути попыток “припахать” ближнего или дальнего соседа, осложняя волюно или неволюно международную обстановку, а способности, извлечкая уроки из прошлого, решая проблемы настоящего, умно и политически грамотно строить свое будущее.

¹ Подтверждение этому легко найти в таких разных по времени своего появления и направленности работах, как: *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27; *Wallerstein I.* The Politics of the World-Economy. Cambridge, 1984.

² *Eisenstadt S.H.* Empires // International Encyclopedia of Social Sciences. N.Y., 1968; *Санистебан Л.С.* Основы политической науки. М., 1992. С. 111; *Филиппов А.Ф.* Наблюдатель империи (империя как понятие социологии и политическая проблема) // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 89–121.

³ Среди работ, квалифицированно излагающих основные положения различных соперничающих и взаимообогащающих друг друга направлений общественно-политической мысли, например, см.: *Семенникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994; *Кантор В.К.* Есть европейская держава. Россия: трудный путь к цивилизации. М., 1997; *Панарин А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998.

⁴ *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990. С. 693.

⁵ Независимая газета. 1992. 28 мая.

⁶ *Leffler M.P.* A Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration, and the Cold War. Stanford, 1992. P. 518.

⁷ *Бжезинский Зб.* Преждевременное партнерство // Полис. 1994. № 1.

⁸ См., например: *Страус А.Л.* Униполярность (концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России) // Полис. 1997. № 2.

⁹ *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997. С. 744.

¹⁰ Там же. С. 753.

¹¹ Подробнее об этом см.: *Кравчук Л.* Крах СССР и перспективы СНГ // НГ-Содружество. 1998. № 1.

¹² Как известно, оно включает в себя и государства, образовавшиеся на руинах Священной Римской империи, хотя к “реинтеграции” они пришли спустя по меньшей мере 150 лет и через несколько десятков междоусобных войн, а также две мировые войны.

¹³ См., например: *Regional Conflicts. The Challenge to US – Russian Cooperation* / Ed. J.E. Goodby. Oxford, 1995; *Christopher W.* America's Leadership, America's Opportunity // Foreign Policy. Spring 1995. N 98; *Mearsheimer J.* Back to

the Future: Instability in Europe after Cold War // *International Security*. 1998. Vol. 15. P. 5–56.

¹⁴ *Рогов С.* Контуры новой российской стратегии // *НГ-Сценарии*. 1998. № 3.

¹⁵ *Ясин Е.Г.* Поражение или отступление // *Власть*. 1999. № 4. С. 30.

¹⁶ *Lind M.* In Defense of Liberal Nationalism // *Foreign Affairs*. 1994. Vol. 73, N 3. P. 90.

¹⁷ Обстоятельно и доказательно, но отнюдь не беспристрастно об этом пишут ученые как из России, так из этих стран. В частности, см.: *Европа в XXI веке: взгляд из России, стран НАТО, Центральной и Восточной Европы*. М., 1997.

РЕВОЛЮЦИИ 1989 г. И ПРОЦЕССЫ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

(по архивным материалам)

Десятилетие революций 1989 г. в странах нынешней Центральной Европы едва ли стало большим праздником и в каждой из них, и в регионе в целом. Одна из главных причин – слабая определенность будущей перспективы их развития. Как показывает архивный материал (в статье использованы документы Архива Горбачев-Фонда), подобная неопределенность имела место и десять лет назад, когда неизбежность смены идентичности в поясе государств от Балтики до Адриатики была очевидной, пожалуй, лишь в одном: каждая из стран региона, и регион в целом переставали быть “оплотом социализма” в Европе.

Известно, что политическими лидерами Запада разрабатывались различные концепции будущего Европы. По документам можно обнаружить интерес советских руководителей к идеям конфедерации западноевропейских государств, европейской федерации Ф. Миттерана¹ и др., а также проследить собственные инициативы в этом направлении ведущих советских политиков, в первую очередь, – М.С. Горбачева.

Еще активно культивировавшиеся в конце 80-х годов в СССР разговоры о перестройке предполагали реформы не только внутри страны, но и изменения в сфере международной жизни. При этом ключевой являлась горбачевская идея “общеевропейского дома”², которая поддерживалась западными политиками самого высокого ранга. На встрече 8 июля 1989 г. “в узком составе” лидеров коммунистических и рабочих партий стран Варшавского договора в Бухаресте М.С. Горбачев подчеркивал, что назрел переход от складывавшегося десятилетиями международного порядка к другому: “И каким будет этот другой порядок, во многом зависит от процессов развития социалистических стран”³.

Уже в начале ноября 1989 г. советский руководитель более четко увязал два процесса: фундаментальные преобразования в странах региона и движение к “общеевропейскому дому”. В архиве сохранилась запись его беседы в Париже с министром иностранных дел Франции Р. Дюма 14 ноября 1989 г. Тогда Горбачев предложил поставить в центр разговора “обмен мнениями – в широком плане – о происходящих в настоящее время переменах в Европе и мире. Надо постараться понять, каков их истинный характер... Возникает вопрос: приближают или отдаляют нас от общеевропейского дома перемены? (курсив мой. – Э.З.)”⁴. На этот вопрос сам он ответил, что “в целом общая направленность изменений в СССР, в странах Восточной Европы отвечает нашей общей цели – задаче строительства общеевропейского дома” и что “эти события сближают европейские страны, которые становятся более

открытыми по отношению друг к другу. Между ними улучшается взаимопонимание в человеческом смысле этого слова... С этой точки зрения, – заявил Горбачев, – смотрю на позицию Запада. Мне думается, Запад должен приветствовать эти процессы. И это мы наблюдаем”. В ответ прозвучали следующие заверения Дюма: “В поддержке Франции вы можете быть уверены”⁵.

Можно даже говорить о резкой интенсификации к концу 1989 г. обсуждения проблем будущего Европы во время встреч, переговоров и телефонных бесед Горбачева с лидерами западноевропейских государств. Так, в ходе той же встречи Горбачева и Дюма последний выразил пожелание узнать, как собеседник видит движение в направлении нового европейского порядка в сложившейся в то время ситуации, исходя из интересов обеспечения стабильности и мира. “Это, – подчеркнул Дюма, – перекликается с Вашими идеями общеевропейского дома. Ведь мы в Западной Европе уже построили первый этаж такого дома – западноевропейскую интеграцию”. Реакция Горбачева: “Это всего лишь отсек”⁶. Дюма уточнил: “Да, это можно назвать отсеком. Но если мы будем строить следующие этажи, надо иметь общую архитектуру, концепцию, постараться, чтобы этажи были совместимыми (курсив мой. – Э.З.)”⁷.

Таким образом, сходство позиций в видении перспектив развития Европы тогда было очевидно. Но эти обнадеживающие проекты, как показывает обзор дальнейших документов, получали со временем все более расходящиеся толкования, что в немалой степени предопределили позиции новой генерации лидеров стран Восточной Европы, которая в геополитическом плане вновь становилась Европой Центральной.

Возникает вопрос: а занимал ли какое-то место в архитектуре общеевропейского дома этот трансформирующийся регион? Намечались ли пути или хотя бы контуры его развития? Документы дают на этот вопрос однозначно положительный ответ. Записи переговоров Горбачева показывают: на них в первую очередь, хотя, быть может, иногда и косвенно, затрагивалась организационная структура региона. Показательны в этом плане позиции Польши и Чехословакии.

24 ноября 1989 г. – спустя всего 10 дней после переговоров с Р. Дюма – в Москве состоялась встреча М.С. Горбачева с премьер-министром Польши Т. Мазовецким, представителем победившей в стране антикоммунистической оппозиции. Он, в частности, подчеркнул: “Хотел бы вновь подтвердить, то, что я заявлял уже в сейме: *Польша и впредь намерена соблюдать свои союзнические обязательства, в том числе и по Варшавскому договору и в СЭВ* (курсив мой. – Э.З.)”⁸. Более того, Мазовецкий детализировал свою позицию следующим образом: “В связи с Вашей идеей общеевропейского дома хотел бы заметить, что в этом доме у нас с Вами квартиры на одной лестничной площадке”⁹.

В беседе М.С. Горбачева с В. Гавелом 26 февраля 1990 г. прозвучало следующее мнение президента Чехословакии: “Надо ликвидировать раскол Европы и наметить новую систему безопасности, которая заменила бы нынешние противостоящие друг другу структуры, стала бы своего рода преемником Варшавского договора и НАТО... Таким образом,

был бы решен вопрос и о Варшавском пакте. *Варшавский договор и НАТО из военных образований превратились бы в политические, а в конечном счете слились бы в единую систему общеевропейской безопасности* (курсив мой. – Э.З.). Словом, надо поставить точку под второй мировой войной и ликвидировать положение, когда Европа стала крупнейшим арсеналом современного оружия. Это было бы победой мира, а не поражением США или СССР¹⁰.

Таким образом, лидеры Польши и чехословацкого государства, уже весной 1990 г. сменившего свое название на ЧСФР или Чехо-Словакию, несмотря на отказ от социалистической идеи¹¹, продолжали по-прежнему связывать центральноевропейский регион с организационной структурой ОВД.

Надо отметить созвучность этих заверений Т. Мазовецкого и В. Гавела позиции Дж. Буша, которую американский президент занимал в самом конце 1989 г. Эта позиция была доведена до сведения советской стороны Л. Горовицем, ближайшим сотрудником сенатора-демократа Э. Кеннеди (Горовиц встречался по просьбе Кеннеди с В.В. Загладиным). Из записи краткого содержания этой беседы (предположительно от 11 декабря 1989 г.) следует, что Дж. Буш придавал германской проблеме особое значение. Горовиц подчеркнул: «Во всяком случае, по мнению президента, в нынешних условиях необходимо сохранение двух военных союзов и установление более тесных контактов между ними, а также ускорение европейской интеграции (даже несмотря на сопротивление Тэтчер), ибо оба эти инструмента способны, по его (т.е. Дж. Буша. – Э.З.) мнению, “сдержать” немцев»¹².

Следовательно, дистанцирование от советской модели общественного развития не предполагало в тот период автоматического отказа от старой региональной идентичности или, по меньшей мере, от ее организационных форм. Но уже шли подспудные процессы, которые подготовили феномен достаточно неожиданной смены геополитических ориентиров во всех странах, расположенных между границами СССР и Западной Европы, причем серьезнейшую роль в этих процессах, как показали дальнейшие события, сыграла ФРГ.

Таким образом, организационная структура региона, несмотря на отказ от социалистической идеи новых руководителей составлявших его стран, в первую очередь из северного субрегиона, продолжал и западными политиками, и политиками самого этого региона инерционно связываться с Организацией Варшавского договора (ОВД). Характерно, что здесь демонстрировалось весьма примечательное единодушие ведущих западных политиков и лидеров самого формирующегося центральноевропейского региона, по крайней мере, на уровне заявлений. Как свидетельствуют архивные документы, на встречах в верхах вопрос об альтернативных организационных структурах региона в конце 1989 – начале 1990 г. не только не обсуждался, но даже не ставился.

Что же тогда послужило началом процесса формирования новой региональной идентичности? “Эгоизм” каких политиков привел к тому, что в фундаменте еще не построенного и даже слабо спроектированного “общеевропейского дома” стало неизбежным появление трещин?

Отвечая на этот вопрос, нельзя ограничиться чем-то одним, хотя уместнее всего, видимо, начать с рассмотрения количественных параметров: на конец 80-х годов он включал 8 стран, в том числе ГДР, затем 3 октября 1990 г. их стало 7, а с лета 1991 г. после провозглашения независимости Словенией и Хорватией – уже больше 8. Следует заметить, что одной из первых признать эту независимость поспешила та Германия, которая свои границы как раз расширила. Еще один симптоматичный факт: парламенты Словении и Хорватии провозглашают независимость своих республик 25 июня 1991 г., а 28 июня подписывается будапештский протокол о роспуске Совета Экономической Взаимопомощи, 1 июля – пражский протокол об упразднении Организации Варшавского договора. Причем – и это следует подчеркнуть особо – мотивируется подобный шаг решением способствовать постепенному “переходу к общеевропейским структурам”¹³.

На проводившихся же на высшем уровне переговорах в 1989–1990 гг. неоднократно подтверждалась неизменность количественного состава региона. Процессы распада федеративных государств – СФРЮ и ЧСФР – тогда не предвиделись, хотя какие-то подвижки в данном направлении имели место и, по всей видимости, не оказывались без поддержки со стороны консолидировавшихся государств Западной Европы¹⁴. Позицию Германии тогдашний канцлер Г. Коль в состоявшемся 11 октября 1989 г. телефонном разговоре с М.С. Горбачевым выразил в следующих словах: “... Хотел бы заверить Вас, что ФРГ ни в коей мере не заинтересована в дестабилизации ГДР, не желает ей плохого. Мы надеемся, что развитие там не выйдет из-под контроля, что эмоции последнего времени улягутся. Единственное, чего нам хочется – это то, чтобы ГДР присоединилась к вашему курсу, курсу прогрессивных реформ и преобразований. События последнего времени подтверждают, что ГДР уже созрела для этого. Что касается ее населения, то мы за то, чтобы жители ГДР *оставались у себя дома* (курсив мой. – Э.З.). Мы не собираемся их будоражить, склонять к какому-то действию, за которые нас потом стали бы упрекать”¹⁵.

Ровно через месяц, 11 ноября 1989 г., (т.е. уже после разрушения 9–10 октября Берлинской стены) по просьбе Коля состоялся еще один его телефонный разговор с Горбачевым. В этот момент канцлер прервал свой визит в Польшу в связи со сменой руководства в ГДР. “Хотел бы подчеркнуть, – заверял он советского руководителя, – что мы приветствуем начало реформ в ГДР. При этом мы хотим, чтобы они осуществлялись в спокойных условиях. Я, в частности, отвергаю какую-либо радикализацию, в любой форме... Мы хотим, чтобы люди в ГДР оставались дома, и не стремимся к тому, чтобы все жители ГДР выехали в ФРГ. И отнюдь не потому, как утверждают некоторые, что мы не смогли бы решить возникшие в этом случае проблемы – так, в этом году в ФРГ из ГДР уже переселились 230 тыс. чел., и все они устроены. Однако массовое переселение в ФРГ было бы абсурдным развитием – мы хотим, *чтобы немцы у себя дома строили свое будущее...* (курсив мой. – Э.З.)”¹⁶.

Заметим в скобках, что словами о том, чтобы жители ГДР оставались у себя дома и там строили свое будущее, Г. Коль стремился “успо-

коить” Кремль, который отнюдь не выражал восторга обострением в то время проблемы восточногерманских беженцев вообще, открытием для последних венгерской границы в частности и в особенности. Беспрецедентное решение об этом без согласования со “старшим братом” венгерские коммунисты приняли уже 24 августа 1989 г. в результате контактов, по свидетельству Дж. Бейкера, между Г. Кодем, с одной стороны, и премьер-министром ВНР М. Неметом и министром иностранных дел Д. Хорном – с другой (см.: *Baker III J.A., Defrank T.M. The Politics of Diplomacy. Revolution, War and Peace. 1989–1992. N.Y., 1995. P. 160*).

Интересующая нас проблема обсуждалась, разумеется, не только с представителями ФРГ. Затрагивалась она и в ходе визита М.С. Горбачева во Францию. “Позиция Франции, – заявил, в частности, президент Ф. Миттеран 14 ноября 1989 г. – такова: мы хотели бы избежать любого срыва. Мы осознаем, что надо принимать во внимание реально существующие народные настроения как в Западной, так и Восточной Германии. Вместе с тем я не думаю, что сейчас может реально встать вопрос об изменении границ – по крайней мере вплоть до определенного времени... Убежден, что нельзя совершать необдуманные действия, которые могли бы дестабилизировать обстановку. В Европе существует определенное равновесие и его нельзя нарушать...”¹⁷.

Позиция Великобритании проявилась на встрече советского лидера с послом Р. Брейтвэйтом (17 ноября 1989 г.), когда последний особо подчеркнул, что “со стороны всех – и моего правительства, и наших союзников – присутствует очень хорошее понимание, что нельзя вмешиваться в дела ГДР, даже не давать поводов, которые могли бы быть расценены как вмешательство или как посягательство на безопасность ГДР, вообще стран Варшавского договора, на вашу безопасность. Это главное – чтобы не было вмешательства ни с чьей стороны”¹⁸. И далее: “Воссоединение – это не вопрос для сегодняшнего дня и даже дня завтрашнего”¹⁹.

Американская позиция достаточно определенно прослеживается на переговорах М.С. Горбачева и Дж. Буша 2–3 декабря 1989 г. на Мальте. В ходе четырех встреч (две из них проходили один на один) лидеры сверхдержав обсудили комплекс сложнейших проблем мировой политики, в том числе и события в странах Восточной Европы. В первой беседе, проходившей 2 декабря один на один, сюжеты о Восточной Европе, в частности, о Германии, были предварены обсуждением событий, проходивших, казалось бы, в весьма отдаленном от Восточной Европы регионе – на Филиппинах. Советский лидер высказал отрицательное отношение СССР к оказанию американцами помощи президенту Филиппин К. Акино по ее просьбе: «Уже начинают поговаривать, что на смену “доктрине Брежнева” появляется “доктрина Буша”»²⁰. Дж. Буш отрицал справедливость подобных параллелей между событиями на Филиппинах (попытка военных свергнуть законного президента К. Акино) и восточноевропейском регионе. На что Горбачев заметил: “В Европе происходят перемены, смещаются правительства, которые тоже были избраны на законном основании. И возникает вопрос: а если в этой борьбе за власть кто-то попросит Советский Союз вмешаться, то

как нам действовать? Так же как действует президент Буш? ... Иногда приходится слышать, – продолжал Горбачев, – что в нынешней ситуации мы не выполнили нашей миссии в отношении друзей. Я в таких случаях отвечаю: во-первых, к нам не обращались, а во-вторых, процессы происходят в конституционной форме”.

Реакция президента США в комментариях не нуждается: “Я бы сказал больше: именно благодаря Вам они (т.е. изменения в странах Восточной Европы. – Э.З.) протекают мирным путем”²¹. Горбачев разъяснял позицию советской стороны, выступавшей за мирные перемены: “мы не хотим вмешиваться и не вмешиваемся в идущие процессы. Пусть народы сами, без вмешательства извне, решают как им быть”²². Этот момент конечно же, был затронут Горбачевым не случайно.

На переговорах с Бушем, продолжавшихся в тот же день, т.е. 2 декабря, но теперь уже в расширенном составе, Горбачев вернулся к теме “невмешательства” в более широком контексте: “Ставка на игнорирование внутренних процессов, нежелание учитывать реальные интересы США в мире – это опасная политика. Но и США должны считаться с интересами других стран. Между тем есть еще желание учить, давить, наступать на горло. Это еще есть. Мы все это знаем. Поэтому я хотел бы услышать Ваше мнение на этот счет. Ведь речь идет о том, как строить мост между нашими странами: через реку или вдоль”²³.

На первой, проходившей один на один, беседе с Дж. Бушем, М.С. Горбачев затронул “германский вопрос”, прямо заявив следующее: “У нас впечатление, что господин Коль торопится, суетится, действует несерьезно, неотчетливо. Как бы не получилось так, что тема воссоединения будет эксплуатироваться в предвыборных целях, что будут учитываться не стратегические факторы, а влияние момента... Но нам с Вами очень важно довести до сведения всех, что определенные действия могут нанести ущерб позитивным процессам, более того, поставят под вопрос очень важные и серьезные вещи, в том числе доверие к правительству ФРГ. Это что же будет? Единая Германия будет нейтральной, не принадлежащей к военно-политическим союзам, или членом НАТО? Думаю, мы должны дать понять, что и то и другое было бы преждевременно сейчас обсуждать. Пусть идет процесс, не надо его искусственно подталкивать”²⁴.

По мнению Дж. Буша, в действиях Коля большую роль играла “эмоциональная реакция” на разворачивающиеся события. “Коль, – по его словам, – знает, что некоторые западные союзники, на словах выступая в поддержку воссоединения, если того захочет народ Германии, встревожены этой перспективой”. Подобного рода перспективы вызывали тревогу и у Горбачева, при этом, как он отметил, “эта точка зрения была сообщена ему (т.е. Колю. – Э.З.)”. “Но в отличие от ваших союзников и Вас, – заявил советский лидер, – я говорю открыто: есть два германских государства, так распорядилась история. И пусть история же распорядится, как будет протекать процесс и к чему он приведет в контексте новой Европы и нового мира... В общем, это тот вопрос, где мы должны действовать максимально внимательно, с тем чтобы не был нанесен удар по переменам, которые сейчас начались”²⁵. Ответ

американского президента – и это следует подчеркнуть особо – прозвучал так: “Согласен. Мы не пойдем на какие-либо опрометчивые действия, попытки ускорить решение о воссоединении”²⁶.

3 декабря, на следующий день переговоров, проходивших в расширенном составе, Буш, видимо, после консультаций со своими советниками, еще раз вернулся к германской проблеме. “Вчера в беседе с глазу на глаз, – сказал он, – мы обсудили, хотя и не вдаваясь в детали, проблему воссоединения Германии. Я надеюсь, вы понимаете, что от нас нельзя требовать, чтобы мы не одобряли германского воссоединения. В то же время мы отдаем себе отчет в том, насколько это деликатная, чувствительная проблема. Сформулирую эту мысль несколько по-другому: ни я, ни представители моей администрации не хотим оказаться в позиции, которая выглядела бы как провокационная. Подчеркиваю этот момент... мы хорошо понимаем значение раздела Хельсинкского акта о государственных границах в Европе. Разумеется, я готов ответить на любые Ваши вопросы. Меня же лично больше всего интересует, как Вы рассматриваете возможность движения за пределы статус-кво”²⁷. Нетрудно заметить в словах американского президента на этот раз элементы зондажа. Однако позиция главы советского государства на этот счет отличалась четкостью и недвусмысленностью. Горбачев высказался за “консенсусный подход”, что в его понимании означало “вести дело к продолжению и развитию Хельсинкского процесса, а отнюдь не к разрушению созданного на его основе”²⁸.

Советский лидер поделился своими соображениями относительно перспектив Варшавского договора, НАТО, Совета Экономической Взаимопомощи и Общего рынка. “Тут также, – подчеркнул он, – требуется взвешенный и ответственный подход. Иначе нынешняя положительная направленность процесса перемен может превратиться в свою противоположность, привести к подрыву стабильности. Реально существующие инструменты поддержания баланса надо не сокрушать, а видоизменять в соответствии с требованиями времени. Использовать их для укрепления безопасности и стабильности, улучшения отношений между государствами. Пусть НАТО и Варшавский договор становятся все в большей мере политическими, а не только военными организациями, и пусть меняется их конфронтационная природа... Уверен, что хорошие перспективы у взаимодействия Общего рынка с СЭВ. В СЭВе мы намечаем комплексные мероприятия, облегчающие встраивание в структуру мирового хозяйства”²⁹. Видение дальнейшей судьбы СЭВ излагалось советской стороной и 2 декабря, на переговорах в расширенном составе: “Идет перестройка и в рамках Совета Экономической Взаимопомощи, с тем чтобы приблизить принципы деятельности этой организации к общепринятым в мировой экономике стандартам”³⁰.

Как показывают доступные исследователю архивные документы, подобные планы не встречали ни отрицательного отношения американской стороны, ни каких-либо альтернативных предложений. При этом высказывания американского президента относительно НАТО ограничивались лишь констатацией: “Разумеется, мы близки – и будем близки – с Европой, жизненно заинтересованы и вовлечены в НАТО. Собственно,

США – это лидер НАТО”. И схожим с предыдущим заявлением: “Скажу откровенно: наши военные имеют огромное влияние в НАТО”³¹.

11 декабря 1989 г. американская позиция по “германскому вопросу” была уточнена Л. Горовицем в его беседе с В.В. Загладиным. По словам Горовица, Буш “ни в коем случае не хочет допустить воссоединения Германии, но, с одной стороны, не считает для себя возможным открыто выступать с этой позицией, а, с другой – не знает, что реально можно предпринять”³². Собеседники в итоге констатировали, что руководители и СССР и США едины в намерениях «сдержать» немцев»³³.

Тем не менее, если несколько отвлечься от хронологии, можно заметить: данный подход Буша быстро изменился, на что уже 26 февраля обратил внимание в беседе с Гавелом советский лидер. “США занимают особую позицию и по вопросу объединения Германии, – заметил Горбачев. – Сейчас очень сблизились позиции Буша и Коля. Они хотели бы навязать свой совместный подход остальным...”³⁴ Забегая вперед, следует сказать, что если Горбачев и его команда и не были согласны с этой “особой позицией” США и ФРГ, то противодействовали ей на удивление вяло, и вскоре она действительно оказалась навязанной всем остальным, а в Архызе с ней согласился – весьма неожиданно для многих – и сам инициатор перестройки. Тогда, 15 июля 1990 г., в ходе беседы с М.С. Горбачевым (в составе делегаций), Г. Коль заявил прямо: “К концу года Германия будет воссоединена”³⁵. Быть может, в данном случае дало себя знать “очарование дружбой”, столь характерное для перестроечных лет и породившее немало иллюзий внешнеполитического характера. Из документов не видно, было ли это очарование обоюдным, но последовавшие вскоре действия по поддержке единства Германии со стороны США могут служить доказательством, что заокеанские политики просчитали развитие ситуации куда вернее, чем их тогдашние советские партнеры по переговорам.

Однако разрешение проблемы ускоренного германского воссоединения относится уже к осени 1990 г., а в рассматриваемый период конца 1989 – начала 1990 г. лидерами западных государств декларировалась принадлежность ГДР к старому региону. Но вышеупомянутые встречи и беседы происходят в тот момент, когда Коль в своей программе “из десяти пунктов” (с которой он выступил в бундестаге накануне выборов) уже поставил вопрос о “конфедеративных структурах” (пункт 5-й программы) двух немецких государств³⁶.

Видимо, подразумевая эту информацию, Горбачев в беседе с Брейтвейтом подчеркивал: “Сейчас трудно выдержать нормальный ход развития в Центральной Европе. Тем более требуется высочайшая ответственность от всех. Все пойдет позитивно, лишь бы у кого не зачесались руки воспользоваться обстановкой в эгоистических целях ... Что касается немцев, – продолжал генсек, – то пусть они действуют самостоятельно. Пусть народ решает. И в вопросе воссоединения тоже (курсив мой. – Э.З.). Процессы будут идти. Что будет потом – сейчас никто не может предсказать. В конце концов, не мы разделили Германию. Есть итоги войны, есть реалии. И если с ними не считаться – это не политика”³⁷.

5 декабря 1989 г. во время беседы М.С. Горбачева с министром иностранных дел Г.-Д. Геншером последний высказал следующие заверения: “Мы не хотим извлекать из процессов, идущих в Восточной Европе, которые порождают проблемы, неизбежные при проведении крупных реформ, каких-то односторонних выгод для себя. Наша цель – это стабилизация обстановки путем развития отношений с Советским Союзом, Польшей, Венгрией, ГДР. Это потребность нашего сердца. Мы не стремимся к движению в одиночку, по сепаратному немецкому пути... Не следует ожидать от немцев шагов, которые могли бы повредить европейскому развитию. Мы за стабильность в Европе, за сближение ее государств и народов... В современных условиях существующие союзы (т.е. НАТО и ОВД. – Э.З.) имеют стабилизирующее значение, им предстоит еще долго существовать”³⁸. Как говорится, комментарии тут излишни, хотя уже тогда некоторые западные наблюдатели (в первую очередь английские) предостерегали от некритического восприятия подобного рода обещаний и заверений немецких политиков.

Реакция Горбачева на позицию ФРГ в “германском вопросе” была достаточно резкой: “Прямо скажу, что не могу понять федерального канцлера Коля, выступившего со своими десятью пунктами, касающимися намерений ФРГ в отношении ГДР. Следует прямо заявить, что это ультимативные требования, выдвинутые в отношении самостоятельного и суверенного государства. Причем, хотя речь идет о ГДР, но сказанное канцлером касается всех. Во-первых, эти десять пунктов появились после того, как мы имели конструктивный и позитивный обмен мнениями, достигли договоренностей по ряду основополагающих вопросов. По идее, с таким документом надо было бы выступить после соответствующих консультаций с партнерами. Или федеральному канцлеру все это уже не нужно? Он, видимо, уже считает, что играет его музыка, мелодия марша, и он сам начал под нее маршировать”³⁹. Далее советский лидер заметил, что подобные шаги никак не содействуют решению общих проблем континента. «О каком “европейском сотрудничестве” можно говорить, если будут так действовать? – риторически вопрошал он. – Вы знаете, что мы разговаривали с канцлером Кодем по телефону. Я говорил ему, что ГДР – фактор не только европейской, но и мировой политики, что и Восток и Запад будут внимательно следить за всем, что будет происходить. Коль соглашался с этим, заверял меня в том, что ФРГ не хочет дестабилизации обстановки в ГДР, будет действовать взвешенно. Однако практические действия канцлера расходятся с его заверениями»⁴⁰.

Иными словами, М.С. Горбачев констатировал, что “программа из десяти пунктов” прозвучала похоронным звоном по планам общеевропейского единства, а политические приоритеты, окрашенные в цвета национального германского эгоизма, оказались куда более определенными, чем рассуждения о постепенном разрывании процессов строительства общеевропейского дома. Всякое искусственное подталкивание этих процессов, сокрушался генсек ЦК КПСС, “только осложнило бы весь огромный значимости поворот, который происходит в развитии

европейских государств, а это значит – в центральном пункте мировой политики. И, думаю, искусственное подталкивание было бы и не в интересах народов двух немецких государств. Именно в стремлении к стабильности, на основе взвешенности и взаимного уважения, именно в таком контексте оба германских государства должны адаптировать свои отношения. Однако то, что происходит на самом деле, свидетельствует об обратном. Вчера канцлер Коль, ничтоже сумняшеся, заявил, что президент Буш поддерживает идею конфедерации. Что же дальше? Что означает конфедерация? Ведь конфедерация предполагает единую оборону, единую внешнюю политику! Где же тогда окажется ФРГ – в НАТО, в Варшавском договоре? Или, может быть, станет нейтральной? А что будет означать НАТО без ФРГ? И вообще, что будет дальше? Вы все продумали? Куда денутся тогда действующие между нами договоренности? Разве это политика?”⁴¹

Вопрос, конечно, опять риторический. Ибо и тогда уже было ясно, а теперь еще отчетливее видно, что это была именно реальная политика, и именно она сообщила начальный толчок процессу становления новой региональной идентичности в поясе государств между Балтикой и Адриатикой: все они сменили ориентацию и повернулись на Запад.

Однако полный разворот на все 180 градусов был еще впереди, а на упоминавшейся встрече с Г.-Д. Геншером в начале декабря 1989 г. принимавший участие в этой встрече министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе, высказывая опасения в подобном развитии событий, подчеркнул: “Сегодня этот стиль применим к ГДР, завтра он может быть применен к Польше, Чехословакии, затем – к Австрии”⁴². Геншер попытался отвергнуть эти опасения, отметив: “Если говорить о заявлении федерального канцлера в бундестаге, то оно демонстрирует долгосрочность политики ФРГ, показывает, что она является составной частью общеевропейского интеграционного процесса. Обращаясь к ГДР, федеральный канцлер прежде всего хотел подтвердить, что мы готовы к помощи и сотрудничеству на данном этапе, а также продемонстрировать возможности для сближения в будущем. Сказанное им является не диктатом или ультиматумом, а лишь предложением. ГДР сама решит на свободной, независимой основе, как ей реагировать на такое предложение. Именно из этого мы и исходим. ГДР, конечно, тоже понимает свою ответственность за европейское развитие. Накануне своего отлета в Москву я беседовал в Брюсселе с канцлером Коелем. Его заявление из десяти пунктов не является календарем неотложных мер, а *определяет перспективу на длительный срок* (курсив мой. – Э.З.). ГДР сама определится, сама ответит на его предложение – да или нет. Мы заинтересованы во внутренней стабильности в ГДР. Своим заявлением федеральный канцлер внес, как нам кажется, вклад в укрепление такой стабильности. Здесь нет ни диктата, ни ультимативных требований. Нам известно, что ни Польша, ни Венгрия не имеют такого впечатления. Эти десять пунктов, нашу политику поддерживают все представленные в бундестаге партии, включая СДПГ. В то же время мы отделяем себя от внутренних проблем ГДР, за которые ФРГ не несет ответственности”⁴³.

Следует подчеркнуть особо, что переговоры с Геншером состоялись 5 декабря 1989 г., т.е. буквально на следующий день после Мальты, когда Горбачев в основном нашел понимание американцев по целому ряду вопросов, касавшихся Восточной Европы, и, в первую очередь, конечно же, по проблеме воссоединения Германии. Видимо, этим во многом объясняется тот жесткий и далекий от дипломатичности характер его высказываний на переговорах с министром иностранных дел ФРГ: «Никак не ожидал, что Вы будете выступать в роли адвоката федерального канцлера Коля. Возьмите третий пункт его заявления. Он высказался “за всестороннее расширение нашей помощи и нашего сотрудничества, если ГДР в обязательном порядке осуществит коренные перемены в политической и экономической системе”, если государственное руководство ГДР договорится с “оппозиционными группировками”, и ГДР бесповоротно пойдет этим курсом. Что же это как не самое бесцеремонное вмешательство во внутренние дела суверенного государства?”⁴⁴. А Шеварднадзе еще добавил: “Даже Гитлер не позволял себе что-либо подобное”⁴⁵. «Более того, – продолжал Горбачев, – канцлер Коль требует отмены монополии СЕПГ на власть. Он говорит о необходимости ликвидации “бюрократического планового хозяйства”. Я думаю, – заметил Горбачев, – что в ГДР не обойтись без коренных перемен. Но это – ее внутреннее дело. Канцлер же Коль по сути дела обращается с гражданами ГДР как со своими подданными. Это просто махровый реваншизм, который ничего не оставляет от его позитивных заверений, ставит под вопрос все достигнутые между нами договоренности»⁴⁶.

В процессе прояснения Геншером политического смысла заявления Коля в бундестаге он обратил внимание собеседников на второй пункт, в котором говорилось “о желании федерального правительства расширять сотрудничество с ГДР на равноправной основе во всех областях”⁴⁷. Снова последовала явно недипломатическая реакция Горбачева: “Бросьте адвокатствовать, г-н Геншер. Пункт второй этого заявления полностью девальвируется пунктом третьим”. Далее он квалифицировал заявление Коля как “политический промах”⁴⁸. Время, однако, показало, и довольно скоро, что германский канцлер как раз попал, куда целил, а вот советский лидер промахнулся, и не только в этом вопросе...

На вопрос, что же следует считать точкой отсчета в разрушении региона в устоявшемся с конца 40-х годов количественном составе, можно было уже на исходе 1989 г. дать однозначный ответ: отпадение одного из региональных ключевых звеньев. А таким ключевым звеном в первую очередь являлась ГДР, поскольку именно здесь проходила западная граница региона. Как известно, несмотря на все заверения политиков о статус-кво (в количественном плане) региона 9–10 ноября упомянутого года была разрушена Берлинская стена, а 3 октября 1990 г. Германия воссоединилась. Именно эту дату, на мой взгляд, следует считать разграничительной и в смене региональной идентичности с восточноевропейской на центральноевропейскую.

Складывается впечатление, что тогдашние политики и Востока и Запада вряд ли в полной мере ощутили весомость этого ключевого геополитического события в истории Европы – или делали вид, что не

ощутили. Значимость же этого события в числе других аспектов в следующем: выход ГДР из региона знаменовал собой разрушение старой восточноевропейской региональной идентичности и начало становления новой. Таким образом, начало процесса складывания новой региональной идентичности Центральной Европы следует соотносить как раз с той ее частью, которая затем отпала от нее и 3 октября 1990 г. стала частью Западной Европы – т.е. с ГДР. Именно эту дату, на мой взгляд, следует считать разграничительной и в смене региональной идентичности с ориентацией на Запад.

Потому-то, быть может, и широко не обсуждались альтернативные концепции развития региона. Разумеется, вопрос об альтернативных путях развития нуждается во всестороннем тщательном изучении, и окончательный ответ на него будет, видимо, тогда, когда откроются все архивы, т.е. лет через 50. Можно привести лишь один документ, который свидетельствует о том, что высказывались суждения, альтернативные западному сценарию развития восточноевропейского региона.

В состоявшейся беседе В.В. Загладина со спикером по вопросам разоружения фракции ХДС/ХСС бундестага ФРГ К. Ламмерсом 20–21 декабря 1989 г. последний говорил о необходимости активнее развернуть работу по созданию “общеевропейских структур”, “структур, объединяющих страны через границы социальных систем и военных союзов”, т.е. по сути поддерживал идею общеевропейского дома. По его словам, в “определенных кругах” ФРГ на перспективу обсуждалась следующая возможность: «не создать ли своего рода пояс нейтральных государств, пересекающих всю Европу – от Швеции через Польшу, Германию, Чехословакию и Венгрию и до нейтральных Балкан? Не стоит ли всем этим странам в будущем стать “финляндизированными”?»⁴⁹

Аргумент К. Ламмерса при этом таков, отмечал Загладин, что «в конечном счете, все проблемы, скажем, Польши, Чехословакии в прошлом были связаны с политикой Германии и России. Если превратить всю *Центральную Европу* (курсив мой. – Э.З.; здесь Центральная Европа мыслится уже более дифференцированно и включает страны, считавшиеся тогда “восточноевропейскими”, – Венгрию, Польшу и Чехословакию) в такие “финляндизированные” государства, это может быть для них хорошим гарантом, гарантией на будущее, которую могли бы поддержать СССР и США»⁵⁰. По мнению Ламмерса, подобное было бы гарантией безопасности и СССР, и одновременно устраивало бы Западную Европу⁵¹. Но с позиций истекшего десятилетия можно только констатировать, что эти соображения имели сугубо поисковый характер: “финляндизировать” Европу никто не стремился, и менее всего германские лидеры.

В целом же к 10-летию юбилею революций 1989 г. обнаруживается вакуум идей относительно возможностей продвижения к единой Европе на пороге наступления третьего тысячелетия истории христианской цивилизации – и одновременно остро ощущается потребность в этих идеях. На мой взгляд, концепция “примыкания” региона Центральной Европы к региону Западной Европы с перспективой – по прин-

ципу “восстающего домино” – подключения к этой структуре межгосударственного, межрегионального взаимодействия и Европы Восточной более четко, чем другие концепции, определяет общеевропейскую перспективу, не отрицая моментов фундаментальной сложности соответствующих процессов. Указанная концепция решения проблемы региональной и общеевропейской идентичности нуждается в дальнейшей разработке, но, как представляется, она выводит из методологического и идеологического тупика, в котором историческая и политологическая мысль находится как на западе Европы, так и в ее центре, и особенно на востоке.

Концепция “примыкания” исходит из того отмеченного выше факта, что ключевые политические процессы в рамках и Европы, и мира в целом определяются – и во все большей степени будут определяться – региональным началом в политике, а не доминированием той или иной страны (на это уже не раз указывалось в работах автора данной статьи)⁵². Пренебрегать потенциалом новой региональной идентичности в современных условиях – значит отдавать политику на откуп неконструктивным силам националистического характера, гибельность чего уже убедительно продемонстрирована в прошедшем десятилетии в первую очередь на землях бывшей СФРЮ, но не только там...

В заключение хотелось бы отметить, что *революционные политические преобразования в регионе охватываются следующими временными рамками*: от 5 апреля 1989 г., когда в Польше было подписано соглашение между представителями правительства и оппозиции о мерах относительно свободных выборов и регистрации “Солидарности”, до декабря 1990 г., когда в Тиране состоялась студенческая демонстрация, в результате которой ЦК АПТ разрешил образование новых политических партий, а жена покойного коммунистического вождя Албании Неджмие Ходжа была смещена со всех постов.

Что касается *времени становления новой региональной идентичности*, то тут отсчет следует начинать от 9–10 ноября 1989 г., когда была разрушена Берлинская стена (реальный факт изменения границы Центральной Европы), а граждане ГДР начали в массовом порядке исход в ФРГ, а заканчивать – фактом слияния двух Германий 3 октября 1990 г.

Временной зазор между этими двумя рядами событий таков: примерно полгода от начала революционных преобразований до появления де-факто новых геополитических границ региона и немногим более двух месяцев с момента объединения до фактически полного вступления всего региона в полосу революционных преобразований. Тем самым по временному параметру смена геополитических ориентиров произошла как бы внутри волны революционного процесса.

На мой взгляд, этот факт не может не наводить на глубокие размышления относительно приоритетов демократии и геополитики. В ходе эйфории демпреобразований и лидеры СССР, а затем России, и ряд политиков в странах Центральной Европы переоценили потенциал демократии в плане определения новых геополитических векторов развития континента. В этом отношении идея общеевропейского дома, сама по себе благородная и с элементами политической конструктив-

ности, оказалась иллюзорной, а рухнувший железный занавес между двумя частями Европы, можно сказать, весьма быстро сменился каучуковым, столь же малопроницаемым.

Сегодня события конца 80-х годов, определение которых в качестве революционных обогащается новыми оттенками, нуждаются в более глубоких интерпретациях с учетом фактора региональной идентичности. Если взглянуть на вопрос о смене региональной идентичности в рассматриваемом регионе в более широкой исторической перспективе, то окажется: за последние 50 лет пояс государств от Балтики до Адриатики дважды подвергался кардинальным трансформациям.

Первая из них – конец 40-х годов, когда здесь свершался поворот от западной модели общественного развития (характерной для межвоенного периода) к восточной, или советской. Именно тогда стали закладываться основы новой, социалистической модели развития, позволившие объединить страны данного региона в один с Советским Союзом геополитический регион. В каждой из этих стран утверждалась однопартийная политическая система или же фиктивно многопартийная; проводились преобразования в экономике – национализация, индустриализация промышленности, кооперирование в сельском хозяйстве, навязывалась одинаковая идеология – коммунистическая. Иными словами, шло становление новой региональной идентичности в форме “социалистического лагеря”, затем “социалистического содружества”, т.е. становление восточноевропейской региональной идентичности. При этом следует подчеркнуть, что фактором, объединявшим страны в единый регион, являлась социалистическая идея.

Вторая кардинальная трансформация началась с конца 80-х годов и продолжалась все десятилетие. За это время регион претерпел изменения по *количественным* параметрам: увеличилось в полтора раза число входящих в него стран за счет распада двух федеративных государств (СФРЮ и ЧСФР) и воссоединения ГДР и ФРГ: от 8 в 1989 до 12 в 1999 г. То есть сейчас центральноевропейский пояс государств от Балтики до Адриатики включает Албанию, Болгарию, Боснию и Герцеговину, Венгрию, Македонию, Польшу, Румынию, Словакию, Словению, Хорватию, Чехию и Союзную Республику Югославию (состоящую из Сербии и Черногории).

Однако более важным является то, что в настоящий момент и страны по отдельности, и регион в целом являют собой уже *качественно* иное, новое по сравнению с периодом до 1989 г. образование, поскольку:

– **в сфере экономики** здесь, учитывая все плюсы и минусы, в основном завершен переход к рыночной экономике, в то же время все в большей мере определилась необходимость проведения активной социальной политики в духе социал-демократических программ;

– **политическая жизнь** стран региона входит в общецивилизационное русло и приобретает признаки стабильности через поочередную смену власти политических сил лево- и правополитической ориентацией; иными словами, происходит то, что можно назвать “благодетельной рутинизацией” политического процесса, образцы которой наглядно просматриваются в странах, расположенных западнее;

– *в сфере идеологии* произошел окончательный отказ от марксизма-ленинизма и признания ведущей роли коммунистической партии, возврат к ценностям как либерально-демократического, так и одновременно традиционного характера;

– существенные процессы произошли и в *культурной жизни*, тоже с ориентацией одновременно на возврат к традициям и аналогу либерализма – модернизму;

– *в сфере внешней политики* фактически осуществлена переориентация на западные структуры (НАТО, Европейский союз и др.), хотя признавалась необходимость баланса интересов с соседними странами региона, а в наиболее смелых проектах – и со странами, расположенными восточнее.

Таким образом, в сфере внешней политики произошел резкий поворот на запад, выявилось стремление стран, отделившихся от Восточной Европы, к западноевропейской региональной идентичности, минуя и игнорируя свою собственную, т.е. центральноевропейскую. Но история уже показала, что односторонняя ориентация только на запад (в межвоенный период) привела к Мюнхену, а ориентация только на восток (после 1945 г.) также завершилась крахом. Есть основания предполагать, что наиболее правильной является ориентация на самих себя, развитие самодостаточности региона, т.е. укрепление центральноевропейской региональной идентичности.

При этом следует подчеркнуть особо: переходные процессы в странах региона имели и, по всей видимости, будут иметь нелинейный характер. Это отражается в сфере экономики – возникают трудности по причине форсированного введения в действие рыночных рычагов и попыток форсированного же налаживания интеграции со странами Запада; в сфере политики – в связи с функционированием маятникообразного механизма, обеспечивающего попеременный приход к власти партий то социалистической, то антисоциалистической ориентации; в духовной жизни – экспансия массовой культуры американского образца наносит вред оригинальной местной культуре в каждой из стран региона и обезображивает, так сказать, его “общее лицо”, хранящее черты культурного расцвета Австро-Венгерской империи накануне ее заката.

“Железный занавес”, долгое время отделявший страны Центральной Европы от Европы Западной, дал в 80-е годы трещины, а затем и вовсе рухнул на самом, казалось бы, защищаемом участке, породив иллюзии о единовременном решении проблемы региональной идентичности на новых основаниях. Но спустя 10 лет оказывается, что трудности не исчезли, а лишь приобрели новую форму. Анализ доступных сегодня архивных материалов показывает, что не все политики представляли степень сложности проблем в связи со сменой региональной идентичности. Из этого анализа нельзя не сделать выводы и о том, что слишком многие возможности в данном плане, в первую очередь связанные с потенциалом общеевропейской идеи, так и не были использованы. Быть может, их время наступит в XXI веке – несмотря даже на то, что век XX омрачен пожаром войн, одной из причин которой, на мой взгляд, стала политика слишком поспешной смены региональной идентично-

сти в наиболее нестабильной части Центральной Европы. Но это уже предмет дальнейших исследований.

Таким образом, рассмотренные в статье документы свидетельствуют о победе на рубеже 80–90-х годов “реальной политики” (Realpolitik) в варианте Г. Коля, а не горбачевской политики строительства общеевропейского дома без слома перегородок между государствами (ФРГ и ГДР) и внутри них (ЧСФР и СФРЮ). Слом политико-государственных и иных перегородок между народами, особенно на Кавказе, в пределах Балканского полуострова, породил свои и немалые трудности, так что в деле сооружения общеевропейского дома еще, как говорится, и “нулевой цикл” не завершен... Иными словами, в XXI век Старый континент вступил с огромным грузом проблем, и новым поколениям теоретиков и практиков создания системы эффективного и безопасного межгосударственного, межнационального сотрудничества работы хватит еще надолго.

¹ Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1. *Горбачев М.С.* (далее Ф. 1), Оп. 1. Запись беседы М.С. Горбачева с президентом ЧССР В. Гавелом 26 февраля 1990 г.

² См.: *Горбачев М.С.* Годы трудных решений. 1985–1992. М., 1993; *Он же.* Европейские тетради. М., 1994; *Он же.* Жизнь и реформы. М., 1995. Т. 1–2; *Шахназаров Г.Х.* Цена свободы: Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993.

³ Архив Горбачев-Фонда. Ф. 1. Оп. 1. Встреча в “узком составе” руководителей братских партий – членов Варшавского договора. 8 июля 1989 г.

⁴ Там же. Запись беседы М.С. Горбачева с министром иностранных дел Франции Р. Дюма 14 ноября 1989 г.

В ходе беседы прозвучали следующие слова Горбачева: “Уверен, что те глубокие изменения в позитивном направлении, которые мы наблюдаем сейчас в наших взаимоотношениях и в более широком плане в Европе и во всем мире, не состоялись бы, если бы в нашей стране не начались радикальные преобразования. Между внутренними процессами и новым политическим мышлением, которое оплодотворяет внешнюю политику, существует единство, неразрывная связь”. «Вы правы, – ответил Дюма. – Мы чувствуем практически всюду воздействие того, что Вы начали и продолжаете делать в вашей стране. В первую очередь это сказывается на Европе, в восточноевропейских странах. Получается, что Вы предприняли эту “спокойную” революцию не только для вас. Мы видим ее позитивное воздействие и в других социалистических странах Европы» (Там же).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Запись беседы М.С. Горбачева с Т. Мазовецким 24 ноября 1989 г.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Запись беседы М.С. Горбачева с президентом ЧССР В. Гавелом 26 февраля 1990 г.

¹¹ На встрече с Горбачевым В. Гавел заметил: «Если в советской печати появится утверждение, что Гавел ликвидирует социализм, это будет неправдой. Правда в том, что мы хотим изъять слово “социалистическая” из названия нашей республики. Дело в том, что само слово “социализм” стало у нас символом беспорядка и безответственности и таким образом утратило в контексте нашей реальности свое первоначальное значение. Может быть, в будущем социал-де-

мократы и придадут этому слову адекватный смысл, и я буду этому только рад» (Там же).

12 Там же. Ф. 3. Оп. 1. Краткое содержание беседы В.В. Загладина с Л. Горовицем [11 декабря 1989 г.].

13 Протокол о прекращении действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанного в Варшаве 14 мая 1955 г., и Протокола о продлении срока его действия, подписанного 6 апреля 1985 г. в Варшаве (Известия. № 156. 1991. 2 июля. С. 5).

14 Например, на встрече руководителей коммунистических и рабочих партий стран ОВД 8 июля 1989 г. в Бухаресте М. Якеш, Генеральный секретарь ЦК КПЧ, обратил внимание на ирредентистские и сепаратистские взгляды, подчеркнув, что перестройка «по сути дела везде обнажает националистические проявления. В связи с этим всем нам надо противодействовать росту национализма» (см.: Архив Горбачев-Фонда. Ф. 1. Оп. 1. Встреча в «узком составе» руководителей братских партий стран – членов Варшавского договора. 8 июля 1989 г.).

15 Архив Горбачев-Фонда. Ф. 1. Оп. 1. Телефонный разговор М.С. Горбачева с федеральным канцлером ФРГ Г. Колем 11 октября 1989 г.

16 Там же. Запись телефонного разговора М.С. Горбачева с канцлером ФРГ Г. Колем. Москва–Бонн. 11 ноября 1989 г.

17 Там же. Запись телефонного разговора (это ошибка в документе, так как беседа состоялась во время визита М.С. Горбачева во Францию) М.С. Горбачева с президентом Франции Ф. Миттераном 14 ноября 1989 г.

18 Там же. Запись беседы М.С. Горбачева с послом Великобритании Р. Брейтвейтом 17 ноября 1989 г.

19 Там же.

20 Там же. Запись беседы М.С. Горбачева с президентом США Дж. Бушем (первая беседа один на один) 2 декабря 1989 г.

21 Там же.

22 Там же.

23 Там же. Запись беседы М.С. Горбачева с президентом США Дж. Бушем (в расширенном составе) 2 декабря 1989 г.

24 Там же. Запись беседы М.С. Горбачева с президентом США Дж. Бушем (первая беседа один на один) 2 декабря 1989 г.

25 Там же.

26 Там же.

27 Там же. Запись беседы М.С. Горбачева с президентом США Дж. Бушем (в расширенном составе) 3 декабря 1989 г.

28 Там же.

29 Там же.

30 Запись беседы Горбачева с Дж. Бушем (в расширенном составе) 2 декабря 1989 г.

31 Запись беседы М.С. Горбачева с президентом США Дж. Бушем (в расширенном составе) 3 декабря 1989 г.

32 Там же. Ф. 3. Оп. 1. Краткое содержание беседы В.В. Загладина с Л. Горовицем 11 декабря 1989 г.

33 Там же. Краткое содержание беседы В.В. Загладина с Л. Горовицем. [11 декабря 1989 г.]

34 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Запись беседы М.С. Горбачева с президентом ЧССР В. Гавелом 26 февраля 1990 г.

35 Там же. Запись беседы М.С. Горбачева с Г. Колем (в составе делегаций) 15 июля 1990 г.

36 Там же. Ф. 3. Оп. 1. Основное содержание беседы В.В. Загладина с К. Ламмерсом 20–21 декабря 1989 г.

37 Там же.

38 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Запись беседы М.С. Горбачева с министром иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншером 5 декабря 1989 г.

39 Там же.

40 Там же.

41 Там же.

42 Там же.

43 Там же.

44 Там же.

45 Там же.

46 Там же.

47 Там же.

48 Там же.

49 Там же. Ф. 3. Оп. 1. Основное содержание беседы В.В. Загладина с К. Ламмерсом 20–21 декабря 1989 г.

50 Там же.

51 Там же.

52 См.: *Задорожнюк Э.Г.* Любовью или железом достигается единение общества? // Вест. РАН. 1993. Т. 63. № 12. С. 1103–1109; Она же. Страны Вишеградской группы и НАТО // НАТО: факты и комментарии. М., 1997. Вып. 1. С. 11–13; *Zadorozhnyuk Ella.* The Perspectives of a New Europe in the Programs of the Political Parties of Social Democratic Orientation in Central Europe // *Emerging of Democracy in Transition Europe.* Wrocław, 1997. P. 99–109; Она же. Политические процессы в Центральной Европе и становление новой региональной идентичности // Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. М. 2000. С. 140–162. См. также: Круглый стол “Проблемы региональной идентичности центральноевропейских стран” // *Славяноведение.* 1997. № 3. С. 5–6; 17–18; 22–24.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ КАК ИМПУЛЬС К ПАДЕНИЮ “КОММУНИСТИЧЕСКИХ” РЕЖИМОВ

О “революции сознания”, которая постепенно назревала в умах населения восточноевропейских стран, а свершившись, стала, быть может, основной составляющей успеха радикальных политических изменений поздней осенью 1989 г., пишут в данном издании Ю.С. Новопашин, Р. Парадовски, Н.В. Коровицына и др. Мне же хотелось обратиться к феномену данной “революции сознания” с точки зрения воздействия на это сознание такого внешнего фактора, как пример строительства в западной части континента единой Европы.

Чтобы раскрыть заявленную тему, необходимо воссоздать атмосферу десятилетней давности, что далеко не просто. Оказываешься перед дилеммой: или реконструировать ситуацию в каждой отдельной стране накануне и в ходе революций 1989 г., или ограничиться общей характеристикой тенденций, свойственных всем восточноевропейским государствам. В первом случае нужно “объять необъятное”, во втором – рассматривать общерегиональные процессы отдельно от страновых, что неправильно да и невозможно! В каждом из упомянутых государств влияние на внутривнутриполитическую жизнь в целом и на общественное сознание в частности импульсов западноевропейского интеграционного строительства сказывалось по-своему. Допустим, в ГДР “европейский” импульс как бы терялся в “германском” объединительном импульсе (хотя именно ГДР оказалась единственным из бывших участников СЭВ, включенным в пространство ЕС). В случае же с Албанией ни о каком воздействии успехов интеграции в ЕС говорить вообще не приходится¹. Попытаемся все же выделить в избранном вопросе контуры общей тенденции, обратившись к процессам, развертывавшимся в Чехо-Словакии как стране, которая дала истории классический пример “бархатной” революции.

Восточноевропейские страны не находились в “вакууме”: ГДР, ЧСФР, Болгария, Югославия, Албания граничили с государствами-членами ЕС и НАТО. Достижения и проблемы этих государств никогда не становились чем-то далеким для упомянутых стран, оторванных от западноевропейского пространства всего сорок лет назад. В то же время такие понятия, как “железный занавес” или “угроза военного столкновения”, воспринимались восточноевропейцами в качестве вполне осязаемых реалий. “Мы – европейцы”, – приходилось доказывать Горбачеву западным представителям. Для граждан же Чехословакии, ГДР, Польши и других стран, прежде всего для интеллигенции и молодежи, вопрос, а “Европа – мы или нет?” – никогда не возникал. Более того, для них Европа была символом всего, чего люди в Восточном блоке оказались лишены: демократия, права человека, благосостояние подавляющей части населения и т.п.

В 1989 г. все примыкавшее к странам Восточного блока пространство пришло в движение. После долгих лет стагнации оживился интеграционный процесс, начиная с момента реализации положений Единого европейского акта (ЕЕА), вступившего в силу 1 июля 1987 г. Он вносил изменения в документы об основании ЭЭС, значительно расширял полномочия всех органов сообщества, включая Европейский суд. Подтверждалось, что конечной целью сообщества является создание Европейского союза – объединения, действующего на надгосударственных началах и координирующего экономическую интеграцию и европейское политическое сотрудничество. ЕЕА определял пути достижения этой цели, четко фиксируя этапы и сроки. ЕЕА декларировал создание к 1 января 1993 г. единого (внутреннего) рынка, т.е. пространства, включавшего территорию всех стран сообщества, где свободно смогут перемещаться товары, капиталы, услуги и рабочая сила, где будут ликвидированы все связанные с этим национальные ограничения, а управление перейдет к наднациональным институтам². Пограничный контроль на внутренних границах упразднится. За этим этапом должно было последовать формирование валютного союза, создание единого резервного банка и введение к 2000 г. единой валюты. ЕЕА предусматривал становление военно-политического союза стран-участниц, координирующим внешнюю и оборонную политику. Ради достижения однородности единого экономического пространства резко увеличивался бюджет региональных и структурных фондов, поддерживающих в Европейском союзе наиболее бедные страны и наиболее неблагоприятные отрасли.

Очевидно, что по силе своего влияния на судьбы народов Европейского континента этот проект в случае его успешной реализации мог стать самым значительным событием в послевоенной истории, так как он закладывал основы нового политического и экономического порядка XXI в.³ Как же этот проект воспринимался основной массой населения? Экономический анализ опускался, а в сознании откладывались понятия “объединенная Европа”, “Европа без границ”, “Соединенные Штаты Европы”. Эти термины не сходили с первых полос газет, а постоянные словесные индоктринации способны оказывать на общество огромное идейное влияние, тем более что для восточноевропейцев такие понятия, как “Европа”, “единство Европы”, “возвращение в Европу” значили гораздо больше, чем просто слова. На восприятие этих понятий оказывали благотворное воздействие исторический опыт и культурная традиция проживавших в данном регионе народов.

Как отмечалось выше, в конце 80-х годов все европейское политическое и экономическое пространство находилось в движении, хотя видимой была радужная, эйфорическая часть западного интеграционного процесса – проблемы встанут гораздо позже. При этом у большинства лидеров “бархатных” революций, безусловно, должно было сложиться впечатление, что вырвавшиеся из коммунистических тисков, государство не останутся один на один со своими заботами. Ведь долгие годы Запад оказывал поддержку диссидентскому движению за границей и внутри стран Восточного блока.

Немалую роль сыграла пропаганда. “Культурная Европа, основана в данный момент на самом мощном средстве распространения культуры – телевидении”, – подчеркивал Ф. Миттеран⁴. Понимание значения СМИ в формировании массового сознания подтверждает, к примеру, факт передачи В. Гавелом здания федерального парламента в Праге радиостанции “Свобода” за вклад в дело подрыва коммунистического режима и его падения. Следует заметить, что население приграничных областей Чехословакии и столицы находилось под постоянным массивным воздействием СМИ стран Европейского сообщества, огромный информационный аппарат которого всегда работает на опережение, т.е. слов больше, чем дел. Слова же о неиспользованных возможностях интеграционного слияния с ЕС были для граждан Чехословакии само собой разумеющимися, ибо исторически она принадлежала к странам Европы и, казалось, достаточно смены режима, чтобы соответствующий механизм всестороннего сотрудничества с Западом заработал в полную силу.

Очень импонировало гражданам относительно небольших восточноевропейских стран, что лидеры структур ЕС выказывали подчеркнутое уважение к правам и интересам малых и совсем крошечных народов. Порой демонстрация этого уважения принимала даже гипертрофированные формы, примером чего может служить тот факт, что Люксембург или даже Бельгия получили непропорционально значительное представительство в руководящих органах Сообщества в сравнении со своими экономико-географическими параметрами и политическим весом. Для восточноевропейцев же это представлялось идеалом государственного существования, так как они нередко оказывались бесправным объектом международного взаимодействия, а не его полным субъектом.

Таким образом, развертывание интеграционного строительства в западной части континента, т.е. процесс создания к 1993 г. пространства, где свободно будут перемещаться товары, капиталы и услуги, физические лица, затем будет введена единая валюта и начнет осуществляться общая внешняя политика, определило не только политический ландшафт Европы конца 80-х годов, но и оказало несомненное влияние на массовое сознание европейцев в целом. При этом у оставшихся вне указанного процесса прямо или косвенно проявлялся комплекс неполноценности.

Ведь те страны, которые оказались в ЕС ранее, находились в более выгодном положении по сравнению с теми, кто пытался вступить туда позже. Нужно было торопиться с присоединением к “Большой Европе”. Возникла цепная реакция. Поэтому вслед за ЧСФР, Венгрией и Польшей пожелание вступить в ЕС выразили новые правительства Болгарии и Румынии. В целом же к осени 1989 г. страны Восточной Европы оказались на “втором плане” европейской политики. Можно просмотреть десятки статей, посвященных отношениям Запада и Востока в 1988 – первой половине 1989 г., и найти там лишь несколько строк об упомянутых странах. Они рассматривались как государства, поведение которых зависит от воли Москвы, и поэтому считалось, что

течение общественных процессов в этих странах полностью во власти успехов или неудач советской перестройки. Магическое имя “Горбачев” олицетворяло для Запада все, что делалось к востоку от границ ФРГ, а политика соответствующих держав модифицировалась соответственно интересам поддержки горбачевских начинаний. В этом не было ничего удивительного: осязаемый, “полезный” для Запада результат реформ сосредоточивался именно в сфере обороны, в частности в деле сокращения вооружений, а здесь Москва контролировала политику стран ОВД практически полновластно. И правящие круги, и оппозиция в странах Восточной Европы это прекрасно понимали.

Конечно, можно было рассматривать происходившие политические процессы с чисто экономической точки зрения, но о таком анализе мало кто десять лет назад задумывался. Хотелось верить в лучшее.

Менталитет, подсознание – очень хрупкие величины. Но влияние на них “еврофактора” верифицируется по меньшей мере по двум основным последствиям:

Во-первых, спустя считанные месяцы новые лидеры стали инициаторами консолидации группы стран Восточной Европы, превратившейся теперь опять в Центральную, которые стремились присоединиться к Западной Европе. 25 января 1990 г. президент ЧССР В. Гавел предложил Польше и Венгрии сформировать эту особую группу стран. 18 января 1990 г., т.е. вскоре после триумфального свержения коммунистических режимов, польский премьер Т. Мазовецкий, вдохновленный, в частности, инициативой президента Франции Ф. Миттерана по учреждению общеевропейской конфедерации, предложил создать Совет европейского сотрудничества в качестве варианта “институционализации” Совета по безопасности и сотрудничеству в Европе. В первых числах мая того же года министр иностранных дел ЧСФР И. Динстбир выступил с предложением провести в Братиславе встречу представителей Чехо-Словакии, Польши и Венгрии для обсуждения проблем “возвращения в Европу”⁵. Это были уже не просто декларативные намерения, а конкретная схема действий, нацеленная на присоединение к ЕС и НАТО. Вскоре она найдет свое воплощение в действиях так называемой “Вишеградской тройки” – “элитарном” клубе центрально-европейских фаворитов в вопросе присоединения к евро- и атлантическим институтам.

Во-вторых, всего лишь через несколько лет после революций 1989 г. трудности в вопросах интеграции в ЕС и НАТО вызвали волну разочарований политических лидеров стран Центральной Европы, равно как и широких слоев населения. Как сетовал президент Чешской Республики Гавел, маленькая Чехия, зажата между Россией и Западной Европой оказалась как бы в “безвоздушном пространстве”⁶. В 1994 г. ему пришлось с грустью констатировать неоправданность надежд 1989 г. на быстрое присоединение к ЕС. 1989 год, по словам другого видного чешского политика бывшего премьера В. Клауса, “ознаменовал уникальную возможность фундаментальной смены как наших надежд, снов и грез, так и наших политических и экономических институтов и стратегий”⁷. Грезы, сны, мечтания – эти слова, вынесенные даже в само загла-

вие книги первого посткоммунистического министра иностранных дел Чехословакии Иржи Динстбира “Spení o Evropě”⁸, характеризуют ту атмосферу, которая определяла сознание лидеров оппозиции, а позже наполнила коридоры власти в Праге и столицах других центрально-европейских государств. В конце 1989 г. общества ЧССР, ГДР, Болгарии и Румынии смогли пойти на коренное изменение системы координат, в которой они существовали как малые государства Европы, прямо или косвенно зависимые от СССР. Ясно, что более или менее безболезненной эта смена координат могла быть возможна лишь при надежде быстро найти новую не только политическую, но и экономическую опору. Отдельным является вопрос об обоснованности этих надежд, но их влияние как фактора революционной решимости покончить с социализмом и зависимостью от СССР несомненно. Объединяющая Западная Европа выступила в роли осязаемого символа благосостояния и свобод; интеграция – права на доступ к ним.

Никто, видимо, не будет возражать против вывода, что революционные преобразования 1989 г. и последующих двух лет стали результатом причудливого сочетания внутренних и внешних факторов. В молниеносности и относительно ненасильственном характере этих преобразований немалую роль сыграла антикоммунистическая трансформация, прежде всего, общественного сознания. И значение “евростандарта” в этой трансформации никак нельзя недооценивать.

Оправдались ли надежды 1989 г.? Это сложный вопрос. Спустя десять лет основным позитивным политическим итогом процесса интеграции той же Чешской Республики в ЕС можно считать ее присоединение к нему в качестве ассоциированного члена, находящегося в числе первых кандидатов на пути к полному вступлению в Союз. Руководителями стран ЕС и Европейской Комиссии признано, что в будущем Чешская Республика обязательно станет полноправным членом ЕС. Знаменательно, что Чехия находится в этом смысле в совершенно равном положении с Польшей и Венгрией, бывшими партнерами по де-факто уже несуществующей “Вишеградской группе”. Создана юридическая база для дальнейших переговоров. В то же время практическое воплощение политической интеграции в ЕС оказалось очень скромным: дата присоединения к ЕС не определена; добиться участия в институтах Союза, хотя бы в качестве наблюдателя, не удалось. Вследствие этого чешская внешняя политика окончательно отошла от идеологии членства в ЕС как “награды” за прозападную ориентацию и начала борьбу за вступление в ЕС в качестве динамично развивающейся европейской страны. Успехом здесь стал значительный рост товарооборота между Чехией и ЕС, приток инвестиций, экономическая и техническая помощь⁹. Наблюдаются повышение уровня взаимозависимости, адаптация к условиям друг друга, экономическая реструктуризация в расчете на рынок ЕС, повышение рентабельности чешской экономики.

Расширение торговли с ЕС в условиях ассоциированного членства позволило Чехии выжить в момент разрыва торговых связей со странами бывшего СЭВ. Но при этом из-за протекционистских мер Союза

ЧР не удалось полностью использовать свой экспортный потенциал. Система Европейских соглашений и чешская внешняя политика потерпели неудачу в попытках противостоять протекционистской политике ЕС. ЧР оказалась в совершенно неравноправном положении при контроле над той зоной ограниченной свободы торговли, которая создавалась Европейскими соглашениями.

Целесообразность приема Чехии в Союз в течение ближайших лет вызывает у его нынешних членов острые дискуссии, обусловленные разными причинами. Важнейшая из них – отсутствие “ниши”, которую могла бы занять эта страна в ЕС. На путях интеграции Чешской Республики в Европейский Союз остается нерешенным ряд вопросов, связанных с проблемой совместимости внутренней экономической и политической структуры ЕС, с одной стороны, и экономической структуры Чехии, а также ее политических интересов – с другой.

Проблема состоит и в том, что лидеры стран – членов ЕС до сих пор еще не осознают, что собой будет представлять организация через несколько лет, когда полноценная интеграция Чехии и других стран Центральной Европы в ее структуры могла бы стать реальностью. Это во многом объясняет неспособность западноевропейских политиков установить определенные форму и сроки интеграции¹⁰.

Однако для ЧР более важным представляется уже не вопрос, станет ли она полноправным членом этого объединения за десять лет, а вопрос о реальном наполнении понятия “полноправный член ЕС”. Динамика развития процесса, определенная рекомендациями Европейской Комиссии, такова, что прием Чехии может состояться не ранее 2003–2005 гг. Но дает ли республике вступление в ЕС возможность влиять на общую политику сообразно своему экономическому весу? Словом, проблема состоит в том, будут ли у ЧР в эти сроки права, которыми располагают в Союзе, к примеру, Дания или Португалия? Вряд ли... Скорее всего она получит статус постоянного члена, не включенного в элитарное “ядро” союза. Уже сейчас можно определенно сказать, что Чехии не видать того “льготного” представительства в органах ЕС, какое обеспечили себе страны Бенилюкса, а некоторые тенденции в развитии объединения говорят о возможной ликвидации системы непропорционального представительства “малых” стран.

Таким образом, нельзя однозначно решить вопрос об оправданности надежд на европейскую интеграцию новой политической элиты, взявшей власть в 1989 г. Изучение процесса интеграции заставляет сделать вывод об объективной основе этого процесса и минимальном влиянии на него сиюминутных политических факторов. Объективные предпосылки для вступления стран Центральной Европы будут укрепляться, прежде всего, за счет дальнейшего роста товарооборота между этими странами и западом континента и постепенно нарастающей взаимной адаптации. А альтернативы ориентации на ЕС у Праги пока нет.

¹ Круглый стол “Проблемы региональной идентичности центральноевропейских стран” // Славяноведение. 1997. № 3. С. 3–27.

² От единого рынка к Европейскому Союзу. Малая библиотека Европейского Союза на русском языке: Документы Европейского Союза. М., 1994. С. 8.

³ Там же. С. 36–40.

⁴ За рубежом. 1989. № 27. С. 6.

⁵ External Economic Relations of the Central & Eastern Europe Countries // Colloquium. Brussels, 1992. P. 87–89.

⁶ Сегодня. 1994. 8 нояб. С. 6.

⁷ *Economické perspektivy České Republiky*. Praha, 1994. S. 22.

⁸ *Dínsbíer J. Snění o Evropě*. Praha, 1991.

⁹ Экономические и социально-политические трансформации в Центральной и Восточной Европе во второй половине XX в. М., 1998. С. 126.

¹⁰ За рубежом. 1997. № 18. С. 4.

ОБЩАЯ ЭРОЗИЯ “РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА” И ВЕНГРИЯ КОНЦА 80-х ГОДОВ

Предпосылки и причины революционной ломки

На рубеже 80–90-х годов XX в. в восточной части Европы, разделенной на две противоположные общественные системы, произошли обвального характера перемены, обозначившие собой, собственно говоря, переход от эпохи противоборства этих систем к новой модификации континентальной и мировой структуры, сущностные особенности которой предстоит определять, видимо, уже в XXI в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в этом процессе смены эпох играют, таким образом, немаловажную роль, требующую детального исследования. Впрочем, как свидетельствует история, революционные перемены обычно происходят в этом регионе если не синхронно, то во всяком случае почти одновременно. Опыт XX в. по крайней мере дает немало тому подтверждений. Однако, если в прошлом подобного масштаба перемены случались вследствие мировых войн, то нынешняя круглая системная ломка свершилась в мирных условиях, правда, не стоит тут сбрасывать со счетов проигранную восточным социализмом “холодную войну”.

Обществоведы еще долго будут обращаться к проблематике системных преобразований рубежа 80–90-х годов, анализируя исторические предпосылки и конкретные причины этих преобразований применительно к каждой отдельной стране. Ведь только конкретно-исторический подход к различным аспектам событий десятилетней давности может дать исчерпывающий ответ на целый ряд вопросов, встающих перед исследователем. Что вызвало столь неожиданный и стремительный развал, фактическую катастрофу советского типа социализма, считавшегося достаточно прочным, даже незыблемым? Каковы движущие силы этой грандиозной ломки, какова роль в ней отдельных выдающихся личностей и масс? Является ли процесс упомянутой ломки революцией в ее классическом понимании? Эти и многие другие вопросы имеют сейчас дискуссионный характер.

Несмотря на отсутствие необходимых документальных источников, уже налицо немало газетных и журнальных публикаций – в основном политологического или мемуарного плана, – которые продвигают так или иначе дело научного решения упомянутых выше вопросов, хотя до окончательных выводов, думается, еще далеко. Пока что, пожалуй, единодушие проявляется лишь в следующем: слом прежней системы, политические преобразования, осуществленные в этом направлении, расцениваются в качестве важных и коренных демократических перемен или революций; постреволюционный же переходный период, занявший все 90-е годы, связывается со становлением парламентских демократий на всем обширном восточноевропейском пространстве, с одной стороны, и рыночной экономики – с другой.

Венгерская научно-публицистическая литература в целом придерживается этих оценок, хотя избегает называть события 1989 г. революциями (охотно применяя термины “развал”, “слом”, “поворот”, “переход”, “преобразование”), но не оспаривает их радикальное значение. Даже основные левые политические силы страны признают прогрессивный характер и положительное политическое содержание произошедших преобразований в интересах становления парламентской демократии и рыночной экономики, и лишь ультралевые группировки именуют эти преобразования “антикоммунистическим переворотом бюрократии”.

Разумеется, поиски аргументированного ответа на вопрос о глубинных причинах и реальном содержании процесса слома системы “реального социализма”, равно как и посткоммунистических реформ, разворачивают исследования прежде всего к проблемам длительной общей эрозии “реального социализма”, предшествовавшей революционному слою. Эта эрозия имела свои экономические, политические и прочие причины объективного и субъективного порядка как на страновом, так и системном уровнях, и проявлялись они в соответствующих внешних и внутривнутриполитических условиях. Ниже предпринята попытка обозначить хотя бы в постановочном ключе основные системные факторы эрозии “реального социализма”, предопределившие в данной части Европы (которую российские политики и политологи ошибочно до сих пор именуют Восточной) последующий крах этого социализма, а также охарактеризовать важнейшие особенности перехода Венгрии от кадаровского авторитаризма коммунистических цветов к парламентской демократии в 1988–1989 гг. Ведь Венгрия, наряду с Польшей, была страной, где процесс эрозии, углублявшегося системного кризиса привел к политическим изменениям, явно революционным по своему содержанию, раньше других стран этого региона.

Политические режимы, воспроизводившие так называемый сталинский социализм, были, как известно, навязаны странам Центральной и Юго-Восточной Европы “сверху” с помощью Советского Союза в конце 40-х годов. В 50-е годы они повсеместно окончательно утвердились в этом регионе. Их характерной особенностью стала монополярная власть одной-единственной политической партии, державшаяся на неоспоримом могуществе партийного вожака и узкой высшей партийной элиты, опиравшейся на силовые структуры и по-диктаторски, до мелочей предписывавшей обществу все действия. Такая жестко иерархизированная властная структура с ее мелочной регламентацией, пронизывавшей все сферы общественно-политической жизни и экономики, воспринималась народами региона как инородная, чуждая. Ситуация усугублялась детальным копированием советского опыта в строительстве социализма, что означало прежде всего: во-первых, усиленное культивирование тяжелой индустрии, практически лишавшее средств на развитие тех отраслей, с прогрессом которых был связан рост материального благосостояния трудящихся; во-вторых – изоляцию стран советского блока от внешнего мира. На начальном этапе функционирования этой системы интенсивное экономическое развитие давало опре-

деленный эффект. Со временем внутренние резервы системы стали истощаться, а темпы народнохозяйственного роста снизились, и страны Центральной и Юго-Восточной Европы начали постоянно ощущать растущую нехватку капитала, хронический дефицит. Разумеется, полностью игнорировать общемировые тенденции было невозможно, какие-то изменения имели место, но практически до конца своего существования система советского типа сохранила все наиболее характерные для нее черты: однопартийность, директивную плановую экономику, почти безраздельное господство государственной собственности. “Коммунистические” режимы не желали отказываться от этих основополагающих устоев и сопротивлялись любым попыткам серьезного реформирования, что способствовало закреплению системы. Правда, исчерпав ресурсы внутреннего народнохозяйственного роста, партийные руководители региона так или иначе оказались вынуждены частично открыться перед мировой экономикой, и под воздействием внешней среды коммунистические порядки начали подвергаться эрозии. Она все больше давала о себе знать и в сфере экономики и политики, и в области идеологии и социальной жизни, и в структурах управления.

Истощение резервов экономического роста, снижение темпов хозяйственного развития стали явным и во многом определяющим признаком назревавшего системного кризиса “реального социализма”. Тенденция спада здесь особенно четко обозначилась с середины 70-х годов, что заставило руководство стран региона искать выход из сложившейся ситуации, прибегая к различным мерам привлечения капитала для оживления экономики, в том числе путем привлечения займов от Международного валютного фонда. Общеизвестно, например, что Польша по причине социально-экономических трудностей пренебрегла даже соблюдением одного из основополагающих требований или критериев “построения основ социализма”. Ее руководство не осмелилось, в отличие от других стран, взяться за завершение коллективизации сельского хозяйства, опасаясь сбоев в снабжении населения продуктами питания. Если ГДР, будучи своеобразной “витриной социализма”, в последние два десятилетия своего существования в экономическом отношении держалась в основном на германо-германской торговле, а руководство НРБ во главе с Т. Живковым связывало свои надежды исключительно с “особыми” отношениями с Советским Союзом, экономически подкармливавшим “болгарских братушек”, то румынский диктатор Н. Чаушеску, наоборот, подчеркнуто демонстрировавший свою “независимую” от СССР внешнюю политику, начал заигрывать с Западом и фактически устроил своеобразный бизнес на выдаче разрешений на выезд из страны для многочисленных граждан СРР немецкой национальности, проживавших в Трансильвании. Последние в массовом масштабе стремились покинуть этот балканский “социалистический рай”. Своеобразный выкуп за каждого выехавшего немца стал важным источником как личного обогащения семейства Чаушеску, так и пополнения государственной казны.

Руководство Венгрии, Польши и Чехословакии искало выход из сложившегося экономического положения в попытках инициирования

и проведения экономических реформ сверху, которые по сути противоречили канонам “коммунистического” правления и поэтому пробивались с большим трудом. Венгрия, в частности, еще в середине 60-х годов приступила к разработке так называемой реформы хозяйственного механизма, которая преследовала цель интенсификации производства за счет определенного роста самостоятельности предприятий в интересах повышения их производительности. Авторы реформы пытались несколько уменьшить роль центрального планирования и директивного управления, одновременно предусматривая введение отдельных рыночных элементов, которые влияли бы на рост материальной заинтересованности трудящихся в результатах своего труда. О реформе, требовавшей соответствующей подготовки, открыто заговорили в начале 1966 г., но датой ее осторожного внедрения стало 1 января 1968 г.¹ Нет необходимости особо подчеркивать, что это стало возможным лишь благодаря авторитету Я. Кадара и особому доверию к нему советских лидеров за “квислингские заслуги” в событиях 1956 г. Однако данная реформа так и не была доведена до логического конца, ибо этому помешали известные события 1968 г. в Чехословакии, где тоже предпринимались попытки реформирования сталинистского социализма, получившие более широкую известность. О венгерской реформе на уровне пропаганды, правда, еще говорилось несколько лет, но по сути после 1973 г. она была окончательно прекращена, снята с повестки дня.

Начавшийся процесс экономических реформ был прерван по политическим мотивам, и далеко не без вмешательства Москвы, а попытки частичной либерализации директивно-плановой системы экономики завершились во всех “странах-реформаторах” провалом. Временное торжество антиреформаторских сил привело к вытеснению сторонников реформ из коридоров власти, что особенно ярко проявилось в Чехословакии, где наиболее отчетливо в период “нормализации” дала о себе знать коммунистическая реакция. Но и в Венгрии реформаторы-экономисты были выведены из состава высшей партийной элиты (характерно, что с Режё Ньершем – “отцом” венгерской экономической реформы, лишившемся в то время поста члена Политбюро ЦК ВСРП, Я. Кадар целое десятилетие не обмолвился даже словом). Говоря об этих реформах, следует, конечно, помнить, что они были задуманы отнюдь не как радикальные, последовательные, а с самого начала как весьма половинчатые, не затрагивавшие антирыночного существа экономики “командного типа”. Поэтому конечный неуспех этих реформ был, что называется, запрограммирован, и он свидетельствовал не только о весьма ограниченных возможностях данных реформ, но в конечном счете и о нереформируемости всей социалистической системы советского типа.

Исследуя проблему экономической эрозии “реального социализма”, нельзя не коснуться такого аспекта, как скачкообразный рост цен в 1973–1974 гг. на энергоносители, нанесший ощутимый урон восточноевропейским государствам–членам СЭВ и особенно “странам-реформаторам”, которые открылись перед мировым рынком. Все они существенно задолжали зарубежным кредиторам. Внешний долг стран–участ-

ниц СЭВ к 1981 г. достиг 88,5 млрд долларов². В 80-е годы некоторые из них оказались на грани потери платежеспособности и с трудом избежали объявления их полными банкротами. Впрочем, в состоянии должников оказались не только государства, начавшие реформы, но и Югославия, и Румыния (последняя, правда, благодаря введению жесткого режима экономии, не считаясь с массовым обнищанием населения, к концу десятилетия рассчиталась с внешней задолженностью Западу).

Вторая волна роста цен на мировом рынке (1980 г.) еще больше ударила по экономике восточноевропейского региона. Она усугубила рост внешней задолженности и привела к обострению бюджетного дефицита. Страны пытались решать проблему путем сокращения импорта и оживления торгового оборота в рамках СЭВ, но с 1985 г. для большинства участников этой организации проблемы с платежеспособностью стали хроническими, и в ее рамках участились перебои в снабжении населения продуктами питания, что явилось еще одним несомненным признаком углубляющегося кризиса. В целом же, как известно, результирующим показателем положения дел в социально-экономической сфере выступает прирост национального дохода. И проиллюстрировать тезис о том, что в 80-х годах дело шло в восточноевропейском регионе к дальнейшему углублению кризиса, можно с помощью сравнительных данных о темпах роста национального дохода стран-членов СЭВ за почти четыре десятилетия. В 50-х годах эти страны обеспечивали ежегодно прирост своего совокупного национального дохода на 9,5%, в 60-х – на 6,7, в 70-х – на 4,5, а за 1981–1989 гг. – менее чем на 2%³.

Если учесть, что ощутимый порог расширенного воспроизводства и повышения народного благосостояния составляет 3–3,5% ежегодного прироста национального дохода, то положение в регионе к концу 80-х годов нельзя назвать иначе, чем абсолютно провальным и угрожающим. Недаром в одном из интервью Йожеф Анталл, став первым премьер-министром постсоциалистической Венгрии, отмечал, что “если бы не наступил экономический крах коммунистического режима, коммунисты не уступили бы власть”⁴.

Неудержимое снижение темпов экономического роста в условиях растущей нехватки капитала и снижающейся платежеспособности восточноевропейских стран переросло в общеполитический кризис во всем “социалистическом содружестве”, что вызвало серьезные противоречия между членами СЭВ и угрожало реальным развалом народнохозяйственных связей в рамках этой организации, которая во второй половине 80-х годов практически стала недееспособной. Советская экономика, в распоряжении которой находились существенные запасы нефти и газа, после кризиса начала 70-х годов еще устояла, но в 80-е годы с углублением кризисной ситуации не смогли справиться ни СССР, ни его партнеры. Эта беспомощность коммунистических властей стала одним из важнейших факторов назревания революционной ситуации, которая разрешилась в конечном счете полным крахом “реального социализма”.

Перманентные общественно-политические взрывы в регионе – также несомненный признак глубокого кризиса системы. Речь идет об

антиправительственных демонстрациях и митингах, других проявлениях активного недовольства со стороны народных масс своим бесправным политическим и бедственным экономическим положением. Прежде всего это события 17 июня 1953 г. в ГДР, но особенно слабым звеном оказалась Польша, которую постоянно “трясло”, начиная с Познанских (1956 г.) событий и последующих проявлений массового недовольства (1968, 1970, 1976 гг.) вплоть до “забастовочной волны” 1980 г., накрывшей всю страну, возникновения оппозиционной коммунистам “Солидарности” и ее противостояния последним на протяжении всего этого десятилетия.

Расстрел польских рабочих в 1956 г. и решения XX съезда КПСС, прошедшего под знаком разоблачения культа личности Сталина, хрущевская “оттепель” – все это оказалось воздействием на Венгрию, где недовольство политической сталинистов из высших партийных сфер назревало годами. После первой в регионе попытки демократизировать социализм “сверху” и ответных реставраторских действий догматиков из Центрального Руководства ВПГ возмущение студентов, интеллигенции и рабочих в октябре 1956 г. привело к восстанию против ракошистского режима, которое быстро переросло в революцию и народно-освободительную борьбу. Все перечисленные антиправительственные выступления 50-х годов уже тогда существенно потрясли устой системы. И хотя они были жестоко подавлены, в 1968 г. Прага все же предприняла новые усилия, чтобы, так сказать, мирными средствами изменить характер сталинистского режима и попытаться создать “социализм с человеческим лицом”. Но и “Пражская весна”, как и упоминавшиеся выше усилия венгерских коммунистов-реформаторов, явила собой лишь кратковременный эпизод в поисках выхода из сложившейся ситуации.

Эрозия системы, кризисные явления в регионе и в дальнейшем давали о себе знать. Так, если народы Венгрии и Чехословакии уже удалось “убедить” в невозможности “улучшить” социализм советского типа путем реформ или более радикальными мерами и поэтому в данных странах воцарилась политическая апатия, безразличие к словам и делам правящего режима, т.е. наступил своеобразный период застоя, то Польша, еще не испытывавшая военного вмешательства извне, продолжала бурлить, как отмечалось, и в 70-е, и в 80-е годы. Во второй половине 80-х настали, правда, уже другие времена, и не только Польша, но и остальные страны-реформаторы смогли убедиться в серьезности деклараций Горбачева о том, что новое советское руководство не будет придерживаться “доктрины Брежнева”. Это позволило им перейти к открытому преобразованию системы. Таким образом, вторая половина 80-х годов, особенно 1987–1989 гг., стали для Польши и Венгрии временем, если можно так выразиться, плюрализации общественно-политической жизни, подготовки соглашений с терявшей свою силу коммунистической властью относительно принятия соответствующих законодательных мер для проведения кардинальных перемен, временем выработки в этих двух странах в рамках национальных “круглых столов” стратегии и тактики осуществления революционных преобразований на основе общественного согласия.

Теперь о таком признаке кризиса системы советского типа, как бесцветие обновившегося со временем слоя правящей коммунистической номенклатуры. Утвердившиеся в восточноевропейских странах с помощью СССР сталинистские режимы вошли в историю с громкими именами твердокаменных коммунистов типа Г. Димитрова в Болгарии, М. Ракоши в Венгрии, В. Ульбрихта в ГДР, А. Новотного в Чехословакии, Б. Берута в Польше, Г. Георгиу-Дежа в Румынии. Все они как один олицетворяли систему в качестве “вождей” и “отцов” народов подобно своему советскому прародителю. Их наследниками, т.е. представителями второго поколения партийных авторитетов, сохранивших еще признаки былой закалки предшественников, стали Тодор Живков, Янош Кадар, Эрих Хонеккер, Александр Дубчек, Владислав Гомулка и Николае Чаушеску. Эта новая когорта уже не была столь единой и стандартной в своем мышлении и стиле правления. Второе поколение партийных лидеров было вынуждено больше считаться с вызовом времени, приспосабливаться к реалиям окружающего мира, больше лавировать в непростых отношениях со “старшим братом”. Удаление Дубчека и его коллег-реформаторов и занятие в 1969 г. вершины властной пирамиды в Чехословакии Густавом Гусаком по сути означали новую попытку ортодоксов “железной рукой загонять людей к счастью”⁵, или чистейшей воды попятное движение.

Рубеж 70–80-х годов, но особенно вторая половина 80-х, в ряде стран ознаменовался выходом на политическую арену следующего, третьего и последнего поколения коммунистических правителей. Они оказались менее консервативными и зашоренными, но и менее яркими по сравнению со своими предшественниками. Не то, чтобы это третье поколение “хозяев жизни” оказалось менее способным или менее образованным (скорее наоборот), не то, чтобы его представители оказались лишены каких-то решающих атрибутов власти (все это полностью, как и у предшественников, находилось в их распоряжении), но они были вынуждены все же больше отходить от марксистско-ленинской догмы, пренебрегать подчас даже отдельными системообразующими устоями вскормившего их режима.

В 80-е годы стала очевидной неизбежность демократизации общественно-политической сферы, и лидеры второй половины 80-х годов, – а это было их время, – не могли уже проигнорировать эту неизбежность. Они вынуждены были распоряжаться предоставленной властью в интересах перемен. И в этом заключалась как их сила, так и их слабость. Например, в Польше были “у руля” в это время весьма невыразительные Эдвард Герек и Станислав Каня, но рядом с ними сверкнуло яркое имя Войцеха Ярузельского, генерала в темных очках, который, спасая Польшу от угрозы советской интервенции, сначала выступил в роли душителя польской оппозиции, а впоследствии пошел навстречу требованиям масс, на достижение общественного согласия в стране за счет ограничения безраздельного господства ПОРП, а затем и полного ее отстранения от власти.

В Венгрии на высшем партийном посту Кадара сменил Карой Грос, попытавшийся вместе с некоторыми партийными реформаторами в ру-

ководстве ВСРП возглавить процесс неизбежных перемен. Он начал новые реформы, желая придать “коммунистическому” режиму, что называется, респектабельный вид, но остановить стремительный поток демократизации, несмотря на все старания, ему не удалось. В стране настолько сильным оказалось стремление к политическому плюрализму (включая даже партийную среду высокого уровня), что в итоге эти запоздалые начинания привели только к краху правящей ВСРП, а затем к смене общественно-политического строя. Быть может, сказанное покажется кому-то парадоксом, но в Венгрии именно коммунистическая элита внесла решающий вклад в революционное дело развала просуществовавшей свыше 40 лет социалистической государственной системы.

Появление диссидентства, оппозиционных движений и организаций – еще один несомненный фактор эрозии социалистических устоев. Диссидентство как политическое явление дало о себе знать в регионе уже в 50-е годы. В ходе и после венгерской революции 1956 г. страну покинуло около 200 тыс. беженцев. Их тогда называли диссидентами, проголосовавшими ногами против возрождения сталинистского режима. В конце 60-х годов только Чехословакия знала в чем-то похожее явление. Но здесь отъезд или выталкивание из страны сторонников реформ в количественном отношении был менее значительным. Между диссидентами двух названных стран существовала определенная разница, которая сыграла свою роль в событиях конца 80-х годов. Так, если венгры, покинувшие свою родину в 1956 г., ко второй половине 80-х в своем большинстве уже интегрировались в западные общества и фактически были лишены возможности влиять на политическую ситуацию в ВНР, то чехи, которые выехали позже, после “Пражской весны”, еще не успели интегрироваться окончательно и пытались воздействовать на обстановку в ЧССР. Конечно, и в одной и в другой эмиграции была группа лиц, которая посредством западных радиостанций пыталась политически просвещать соотечественников и внесла свой вклад в “революцию сознания”, предшествовавшую антикоммунистической трансформации государственных и общественных структур.

Констатируя это, следует все же отметить, что среди диссидентов в ряде стран получило распространение гипертрофированное представление о своей якобы решающей роли в свержении “коммунистических” режимов. Роль-то они в этом сыграли, конечно, существенную, но не решающую. Определяющим обстоятельством, как представляется, стали глобальные изменения в системе, связанные прежде всего с горбачевским ускорением и последующей перестройкой. Советский фактор всегда играл решающую роль в судьбе любых начинаний в любой из стран советского блока, так как от отношения к ним Москвы зависела возможность реализации этих начинаний. Эпоха перестройки и нового политического мышления принесла больше свободы действий и самостоятельности для политических элит стран Центральной и Юго-Восточной Европы, особенно Венгрии и Польши. Она дала им новые импульсы и возможности для реализации своих устремлений, прове-

дения кардинальных преобразований. Партийные реформаторы воспользовались этой возможностью и, получая поддержку от возникших оппозиционных сил, существенно активизировались. Растерявшись, несколько иначе восприняли полученную, так сказать, из рук Горбачева свободу действий стоявшие у власти партийные лидеры других социалистических стран, но в итоге и они оказались вынужденными принять к сведению резкое падение интереса после 1985 г. советского руководства к странам-союзницам по СЭВ и Варшавскому договору. В конечном счете растущее безразличие СССР к региону в результате истощения источников его экономической подпитки, своеобразная политика невмешательства кремлевских властей в дела этого региона и позволили развернуться в 1989 г. кардинальным демократическим преобразованиям, означавшим по сути конец “восточноевропейского социализма”.

Таким образом, в развитии событий, предпосылки которых накапливались десятилетиями, особое место принадлежит 1989 г. – году революционного прорыва демократических сил. В Польше “Солидарность” получила признание и превратилась в партию, а затем овладела политической властью на свободных выборах. В Венгрии летом прошла “переговорная революция” в рамках Национального круглого стола, а в сентябре страна открыла свои границы перед беженцами из ГДР, способствуя тем самым развалу одного из наиболее догматичных неосталинистских режимов, удалению Хонеккера со своего поста в октябре того же года. Стремительные изменения не обошли и Чехословакию, где власти осенью еще применяли полицейский террор, но под влиянием массовых демонстраций вынуждены были уступить (в ноябре ушел со своего поста генсек ЦК КПЧ М. Якеш, а в декабре – президент страны Г. Гусак), и в конце года появилось первое коалиционное правительство. В Болгарии процесс перемен привел к отставке Т. Живкова, но самое кровавое проявление имел он в декабре 1989 г. в Румынии, где власть от Чаушеску перешла в руки Фронта национального спасения во главе с Ионом Илиеску. В Югославии события носили не столь однозначный характер и привели к противостоянию национальных республик.

Говоря о наиболее общих чертах процесса смены общественного строя, следует прежде всего отметить в целом его мирный характер. Исключение представляла, как отмечалось, Румыния, где без насильственного свержения жестокого и коррумпированного “коммунистического” режима демократические преобразования были невозможны, ибо с румынским диктатором вряд ли можно было провести соответствующий “круглый стол”. Правда, в дальнейшем процесс преобразований и там пошел по мирному руслу. Другая балканская страна – многонациональная Югославия стояла особняком: там разгорелись межнациональные распри, а не борьба “за преодоление социализма”. Характерно, что румынская и сербская коммунистическая номенклатура сохранила тогда свои позиции в правительстве, и именно она определяла характер и направление дальнейшего развития. В других же странах старая номенклатура сначала оказалась отстраненной от власти в результате первых

свободных демократических выборов, но, перекрасившись в социалистов или социал-демократов, сумела спасти свои позиции, особенно в экономике, а со временем – тоже в результате выборов – вернуться и к рычагам государственного управления. Но анализ этих проблем уже выходит за рамки данной статьи и заслуживает специального рассмотрения.

¹ Реформа хозяйственного механизма в Венгрии. Будапешт, 1968; Az MSZMP határozatai és dokumentumai (1967–1968). Budapest, 1974. 264–268. old.

² Valóság. 1986. 3. sz., 13. old.

³ См.: Новопашин Ю.С. Непраздничный юбилей // Кентавр. 1995. № 4. С. 8.

⁴ Közép-Európa mozgásában. Budapest, 1990. 123. old.

⁵ Бывшие “хозяева” Восточной Европы. М., 1995. С. 308.

ПОЛЬША 80-х ГОДОВ: ПОИСК ПУТИ К КОМПРОМИССУ

80-е годы в Польше – это период борьбы за демократию в рамках недемократической системы. Одна из причин жесточайшего кризиса польского режима кроется в фактическом отстранении народа от участия в управлении государственными и общественными делами, от влияния на политику. Общественная жизнь характеризовалась непрекращавшимся конфликтом между стремлениями к переменам и защитой статус-кво. С 1980 г. стороны конфликта оставались прежними: сохранялось состояние нескрываемой враждебности между коммунистической властью и значительной частью общества, связанной с идеалами “Солидарности” (“С”). Само по себе это не было чем-то новым. Часть польских исследователей считает весь послевоенный период историей борьбы за гражданское общество. При этом его возникновение они связывают с началом диссидентского движения, когда сам термин “гражданское общество” не всегда употреблялся, но отождествлялся с понятиями “независимая культура”, “альтернативное общество”, “самоуправляющееся общество”. Термин же “гражданское общество” стал использоваться прежде всего применительно к “Солидарности”, явившейся в известной мере итогом идейной эволюции и политического развития польской демократической оппозиции¹.

В середине 70-х годов нараставшее недовольство правлением коммунистов привело к организационному оформлению нелегальных оппозиционных структур и их консолидации. Все проявления протеста (по поводу изменения Конституции в 1976 г., прежде всего против введения в ее текст статьи о руководящей роли ПОРП в обществе), а также деятельность возникших в стране оппозиционных групп объединялись стремлением провести демократические реформы. Общими для них были и формы нелегальной деятельности, которая сводилась в первую очередь к публикации различных запрещавшихся цензурой изданий. Формирование независимой печати, ее доставка во все уголки страны должны были, по мнению идеологов оппозиции, “служить созданию общественных связей, уничтоженных в системе монопольной и централизованной власти”².

Характер взаимоотношений общества и государства предопределил особую историческую роль польской интеллигенции и католической церкви. Именно эти институты определяюще влияли на общественный климат в стране, являясь вдохновителями своеобразной, не контролируемой режимом самоорганизации народа. В то же время, как это ни парадоксально, появлению польской оппозиции в немалой степени способствовала либеральная политика самого “коммунистического” режима в области науки и культуры, предоставление миллионам поляков возможности посещать западные страны, пропаганда средствами массовой информации “потребительского образа жизни”, широкое

распространение в Польше западных фильмов и книг. В. Ярузельский впоследствии отмечал, что тоталитаризм в польских условиях был “дырявый, как дуршлаг”. Он поддерживал мнение проф. А. Валицкого, который утверждал, что будь ПНР страной «неизмеримо более тоталитарной, появление оппозиционных взглядов, их распространение, а впоследствии компромисс “круглого стола” и мирная передача власти оказались бы невысказанными даже в самой сложной экономической ситуации»³.

Особое место в истории политической оппозиции принадлежит Комитету защиты рабочих (КОР), созданному после июньских (1976 г.) демонстраций трудящихся против намерения властей повысить цены на продовольствие и товары ширпотреба, которые особенно массовый характер приняли в Радоме и Варшаве. Инициаторами его создания выступили Я. Куронь, А. Михник, Я. Карпиньский, Я. Липский, А. Мацеревиц. Организаторы КОР констатировали наличие в польском обществе огромных резервов протестной активности, условием высвобождения которой являлось создание возможностей для реального представительства всех социальных слоев. Самоорганизация общества рассматривалась не просто как идейный принцип, но и как реальный способ преодоления кризисной ситуации в стране. Вначале КОР объединял немногочисленную группу интеллигенции и студентов, но за короткое время вокруг него сплотились десятки людей, которые, не будучи членами КОР, оказывали ему всяческую поддержку. Число же формальных членов этой организации составляло в 1980 г., по данным Е. Хользера, 33 человека⁴. КОР привлек общественное мнение на сторону рабочих и тем самым способствовал преодолению существовавших до того времени барьеров между ними и интеллигенцией. В сентябре 1977 г. КОР был преобразован в Комитет общественной самообороны – постоянный диссидентский орган по защите гражданских прав польского населения от всевозможных нарушений этих прав со стороны государства⁵.

Таким образом, в середине 70-х годов КОР оказался наиболее влиятельной силой альтернативной политической жизни, но далеко не единственной. В это время появляются Конверсаторий “Опыт и будущее”, Товарищество научных курсов, Движение защиты прав человека и гражданина, Конфедерация независимой Польши и другие оппозиционные организации. К крупнейшим достижениям доавгустовской оппозиции польский исследователь Е. Эйслер относит возникновение негосударственной издательской деятельности, просветительскую работу Товарищества научных курсов (ТНК), способствовавшую созданию атмосферы большей интеллектуальной свободы, а также возникновение независимого от партийных и административных властей профсоюзного движения⁶. Однако в целом как рабочее, так и крестьянское и студенческое движения не приобрели в 70-е годы значительных масштабов.

Новый этап становления гражданского общества в Польше связан с возникновением в 1980 г. “Солидарности”. Непосредственные причины начала кризиса 80-х годов лежали в сфере экономики. Среди внешних факторов, ускоривших его начало, несомненно, было избра-

ние в 1978 г. на папский престол поляка и в 1979 г. визит папы Иоанна Павла II в Польшу. Как отметил Е. Хользер, это привело к “росту духовной независимости польского общества от коммунизма”, продемонстрировало стремление “католических масс” к самоорганизации вне существующих в стране общественно-политических структур⁷.

Массовые забастовки рабочих летом 1980 г. все существовавшие в стране оппозиционные группировки поддержали единым фронтом. Доавгустовские оппозиционеры объединились вокруг “С”, став “экспертами”, “советниками”, редакторами профсоюзных изданий. Установление контактов, а затем и тесного сотрудничества между бастующими рабочими и КОС-КОР – одно из наиболее значительных политических событий этого периода⁸. Официальная регистрация Верховным судом страны в ноябре 1980 г. Независимого Самоуправляемого Профессионального Союза “Солидарность” как следствие Августовских общественных соглашений, подписанных в Гданьске, Щецине и Ястшембе, пробила брешь в авторитарной политической системе. С сегодняшней перспективы не подлежит сомнению, что драматические события “польского лета 1980 г.”, когда практически все промышленные предприятия забастовали, выдвинув не только экономические, но и политические требования, свидетельствовали о начале конца в стране “реального социализма”.

“Солидарность” – разнородное движение, лозунгом которого был антикоммунизм, – объединяла в своих рядах всех, кто выступал за смену системы. Уравненное и весьма невысокое по европейским стандартам социально-экономическое положение квалифицированных рабочих и той части интеллигенции, которой не нашлось места в структурах власти, обеспечило их тесный социальный и политический союз на всем протяжении 80-х годов, что, по мнению некоторых польских социологов, было специфическим польским явлением. Количество членов быстро достигло 9–10 млн⁹.

В стране наступили месяцы эйфории свободы, взрыва активности общества, надежд на дальнейшие перемены. Одновременно с этим росло и напряжение. Как писал впоследствии В. Ярузельский, “взаимная подозрительность была характерной чертой того времени”; большим несчастьем, по его мнению, стало то, что “не был найден общий язык между умеренными силами. Экстремизм и с одной, и с другой стороны терроризировал уже всех, затруднял возможность компромиссных решений”. К такому же выводу пришел анонимный автор в эмиграционном журнале “Анекс” в январе 1983 г.: «“Солидарность” считала, что ей принадлежит все... А власть склонна была отдать что-то, но, без сомнения, не все»¹⁰.

То, что власти оказались не готовы признать происходящие перемены, их темп и масштабы, засвидетельствовал, в частности, IX Чрезвычайный съезд ПОРП в июле 1981 г. С одной стороны, он поддержал главные принципы реформы, основанной на самостоятельности, самфинансировании и самоуправлении предприятий¹¹. С другой же стороны, по мнению В. Ярузельского, “с перспективы времени видны, по меньшей мере, два серьезных, проявившихся на съезде, ограничения

мысли реформаторского течения в ПОРП: первое вытекало из приверженности тезису о политическом руководстве одной партией, иными словами, из отсутствия готовности отказаться от монополии на политическую власть; второе связано с принципом господства государственной собственности. Необходима была дистанция в несколько лет, чтобы бесплодность столь ограниченной программы реформ стала очевидной¹².

Ситуация еще больше осложнялась отсутствием единства в ПОРП, а также расхождением во взглядах представителей самой “С”. Последнее, кстати, не только неизбежно, но и естественно для движения, объединившего людей с широчайшим диапазоном идейно-националистических концепций, и к тому же не имевшего достаточно четкой программы. По словам М. Раковского, “ядро программы “Солидарности” - отрицание почти всего, что связано с существующим положением вещей”¹³. “С” превращается в мегапартию с отрицательным идейно-политическим знаком. Выдвигалась концепция “самоограничивающейся революции”. По убеждению А. Михника, общество должно самоорганизовываться, чтобы иметь возможность оказывать давление на власти для проведения реформ¹⁴.

В течение всего 1981 г. власть предпринимала попытки организации правительственно-профсоюзного “круглого стола”, но каждый раз эта инициатива отбрасывалась: существовало опасение, что каждый “круглый стол” склоняет к компромиссу, а это означает торможение наступления – главного преимущества “Солидарности”. В августе 1981 г. обострилась политическая конфронтация на фоне обнищания потребительского рынка, явившегося следствием резкого спада промышленного производства и нарушения функционирования экономико-финансового механизма, усиления хаоса в политической жизни. В результате допущенных обеими сторонами ошибок положение ухудшалось с каждым днем. Ни одной из сторон, как считает Е. Хользер, не удалось в этот период избежать взаимных провокаций и начала споров по самым значительным поводам. Силы конфронтации с обеих сторон объективно создавали ситуацию, которая неизбежно вела к столкновению. По определению В. Ярузельского, “поздней осенью 1981 г. уровень предубежденности и недоверия достиг апогея. Трезвый рассудок отходил на второй план. Верх брали эмоции”¹⁵.

Можно сказать, что в 1980–1981 гг. в Польше происходил очередной этап поиска компромисса между интересами СССР и польских коммунистов, с одной стороны, и устремлениями большинства общества – с другой. Е. Хользер называет эти события “мощной народной революцией”, считает, что несмотря на ошибки, «16 месяцев существования “Солидарности” останутся в памяти польского народа как урок истории, как легенда, дающая ему жизненную силу»¹⁶.

Осознавая неспособность остановить нарастание в обществе деструктивности политическими средствами и возможность вооруженного вмешательства извне, В. Ярузельский и его ближайшее окружение признали оптимальным выходом из ситуации (своего рода меньшим злом) введение в беспокойной, грозящей внутренним взрывом стране военного положения. Впоследствии в своей книге “Военное положение

ние. Почему...” он огмечал, что военное положение, хотя это и звучит парадоксально, очистило путь к диалогу. “В определенном смысле, – подчеркивал Ярузельский, – оно заморозило общественно-политический уклад, сформировавшийся на рубеже 1980–1981 гг., перенесло его в другое историческое время и геополитическое положение, в условия, в которых идея национального согласия стала единственной дорогой решения польских дел”¹⁷. А 1981 г., по его словам, – это другая эпоха, общество еще не дозрело тогда до исторического компромисса.

Однако некоторые исследователи полагают, что поражение генерала подтверждает то, что через 8 лет этот вопрос фактически в той же плоскости снова встал на повестке дня. На взгляд же автора этой статьи, более логичным можно считать мнение о “спасительном характере” данного решения, позволившего под “зонтиком” военного положения делать относительно плавные, быть может, не очень заметные для глаза стороннего (советского) наблюдателя, но все же реальные шаги в направлении перехода к демократии. Если, например, главной целью введения военного положения считалась ликвидация “С” как организованной оппозиции, то она была реализована только наполовину. “Солидарность” проиграла первое столкновение, но не дала свести себя до размеров группы диссидентов доавгустовского периода.

Важная черта общественной системы после 13 декабря – расширение возможностей ведения политической деятельности костелом. Польский исследователь А. Антошевский склонен трактовать это как продолжение тенденций, проявившихся на более раннем этапе. Сближение позиций власти и костела осенью 1981 г. давало обеим сторонам определенные политические выгоды. Костел получал возможность оказывать влияние на решения властей без формального вовлечения в политику; выступая в роли посредника в кризисные моменты, он повышал свой общественный авторитет. А власти, в свою очередь, обезопасили себя от использования этого авторитета против своих непопулярных решений, включая военное положение¹⁸.

Деятельность костела сыграла существенную роль в ослаблении одного из потенциальных результатов военного положения, каким могло стать упразднение горизонтальных общественных связей. Именно этой цели должны были служить такие действия, как ликвидация возможностей для существования организационных структур, не контролируемых ПОРП, стремление властей создать ситуацию информационной монополии, прекращение телефонной связи и ограничение свободы передвижения. В такой ситуации костелы становились местом укрепления связей в обществе и штабом формирования позиций в отношении внутренней и внешней политики государства. По убеждению А. Антошевского, политическая социализация, проводимая костелом, стала одним из факторов, ускоривших распад политической системы¹⁹.

Военное положение оказало влияние на убеждения и политическое поведение людей. Следовало сделать выбор между полной лояльностью, отказом от политической жизни или конспиративной деятельностью. Психологическим результатом стало укоренение представления о делении на “власть” и подчиненное ей “общество” как главном поли-

тическом конфликте (а также представления о неконституционном политическом давлении, неотделимом от “коммунистического” режима и сохранявшемся до конца 80-х годов).

Авторитет “Солидарности” в качестве протестного политического символа становился в общественном сознании тем значительнее, чем больше предпринималось властями усилий с целью поколебать этот авторитет. Среди направлений деятельности подпольной “Солидарности” наиболее существенное значение для хода политических процессов имела, как представляется, стратегия “отказа”, т.е. бойкот всех организаций и институтов, которые поддерживали существовавший строй. Ее непосредственным результатом явилось угасание институтов, призванных олицетворять собой “новую социалистическую демократию”, а также ускорение эрозии системы, важной составной частью которой они должны были быть. Эту позицию профсоюза Л. Валенса назвал “одной из крупных заслуг движения”. Существенную роль играла также уже упоминавшаяся выше независимая издательская, культурная и просветительская деятельность, проводившаяся вне официальных структур. Трудно измерить ее фактический эффект, но, по некоторым данным, в сфере оппозиционной прессы находилось около 2 млн человек²⁰.

Визит в Польшу Иоанна Павла II в июне 1984 г. стал не только религиозным, но и политическим событием. Он “дал властям возможность убедиться, сколь велика пропасть, существующая между ними и обществом”²¹. Следствием визита явилось усиление склонности к компромиссу с обеих сторон. С конца 1986 г. начинается процесс активизации реформаторов внутри ПОРП в направлении поиска новых путей и методов решения проблем. Состоявшийся в июле 1986 г. X съезд ПОРП, по замыслу властей, должен был стать очередным шагом на пути к нормализации. Но для настоящего перелома, т.е. признания за антикоммунистическим оппонентом статуса участника возможных переговоров, власти еще не были готовы. И все же процесс постепенной либерализации системы, обусловленный отчасти изменениями в международной ситуации, начался. Становилось ясно, что дальнейшее развитие событий в Польше все больше будет зависеть от позиции СССР, где во второй половине 80-х годов происходили многообещающие перемены. Фактором, способствовавшим либерализации, можно назвать третий визит в Польшу в июне 1987 г. Папы римского, который позволил “Солидарности” обрести второе дыхание, поддержал слабеющую волю к сопротивлению.

Определение дальнейшей стратегии польской оппозиции, выбор между сопротивлением и попыткой включения в легальную общественную жизнь, дальнейшая форма “Солидарности” и ее отношение к обещаемым властями реформам – вокруг этих вопросов с середины 1987 г. велась оживленная дискуссия в подпольной прессе. Прежняя модель деятельности “Солидарности” с акцентом на последекабрьской формуле конспирации и бойкота исчерпывала себя вместе с процессом известного смягчения “коммунистического” режима после отмены военного положения, однако иной просто не было. “Кажется, что сейчас наиболее прогрессивная часть истеблишмента понимает: классическую

систему спасти не удастся; можно выбирать только между ее медленным, но стихийным распадом или контролируемым процессом модернизации”, - писал тогда Р. Бугай в ежеквартальнике “21”, выражая общее мнение группы так называемых советников²².

Можно ли с этой частью аппарата власти прийти к соглашению? Отвечая на этот вопрос, “Солидарность” строила свою новую стратегию. Революционный путь решительно отбрасывался. Еще в 1985 г. А. Михник написал книгу “Такие времена... Речь о компромиссе”, в которой он впервые высказался за будущее соглашение. Книга представляла не только проект “полусвободных” выборов и создания мест для оппозиции в Сейме. С точки зрения будущего, более важной явилась формула о необходимости “компромисса сил, требующих реформы, со склонными к соглашению частями правящего класса”²³. Представители другого направления (Я. Куронь, Я. Литыньский, З. Буяк) меньше внимания уделяли анализу шансов соглашения, а больше общественным факторам перемены. Их главный лозунг – пробуждение гражданской активности и смелое использование открытых, благодаря либерализации, возможностей легальной деятельности (создание обществ и экономических кружков, рабочее и местное самоуправление). Совместное давление такого типа движений должно было привести к изменению облика системы. Следовательно, сторонники данного курса предлагали всего лишь новую версию стратегии “длительного марша”, основанную на прежней философии эволюционных перемен, идущих снизу. Однако, как оказалось, расчет на соглашение с коммунистической властью был более рациональным, чем вера в силу протестных общественных процессов в тоталитарной системе.

Развитие событий в конце 1987 г. еще не предвещало именно такого поворота. Однако постфактум как раз именно это время можно считать началом пути, ведущего к “круглому столу”. Переломным моментом для команды Ярузельского стало поражение на референдуме в ноябре 1987 г., когда предлагавшиеся этой командой реформы не получили необходимой поддержки. Следствие – падение престижа властей, а также вызванная этим необходимость идти на дальнейшие уступки. По словам секретаря ЦК ПОРП М. Ожеховского, “только после определенного времени мы начали отдавать себе отчет, что нельзя изменить экономическую систему без изменения системы политической, что нельзя создать современную рыночную экономику, оставляя анахроничную политическую систему, основанную на руководящей роли одной партии”²⁴.

1988 г. можно назвать периодом определения контуров содержания и границ возможного соглашения. “Дрейф к демократии” – так оппозиционный политик Ст. Стомма определял ситуацию в стране в это время. В февральском номере ежемесячника “Конфронтаць”, т.е. в прессе, контролируемой властью, представитель оппозиции Б. Геремек сделал официальное предложение о заключении антикризисного пакта, которое уже раньше появлялось в документах “Солидарности”. По его мнению, идея соглашения в 1988 г. имела больше шансов, чем в 1981-м. Обе стороны приобрели больше опыта: “Опытом общества является

то, что свои стремления оно должно держать в определенных границах; опытом власти - что без подлинных общественных сил нельзя совершить перелом, которого все хотят"²⁵. Он предлагал "разделить" сферы общественной жизни на две части. Одна из них должна была охватывать свободную профсоюзную деятельность, а другая – сохранять гегемонию ПОРП в ключевых для государства вопросах.

Забастовки апреля-мая 1988 г. привели к тому, что Польша снова становилась самой "невралгической точкой" в советской сфере влияния. Официальные оценки ситуации не были однозначными. Секретарь ЦК ПОРП Ю. Чирек в интервью газете "Трибуна люду" признал, что есть шансы на создание "своего рода прореформаторской коалиции, своеобразного антикризисного пакта"²⁶. Склонявшаяся к соглашению часть истеблишмента, которую представлял Ю. Чирек, вновь допускала возможность диалога, предостерегая, однако, что мыслимая в Польше модель плюрализма должна уважать основы социалистического строя страны (это, заметим, не противоречило тезисам Геремека), а "формы и правила игры в буржуазную демократию" недопустимы. ПОРП вынуждена была решать нелегкую для себя проблему соотношения между законодательно закрепленным принципом своей руководящей роли в общественном развитии и допускавшейся теперь ею же плюралистичной моделью этого развития. Летом 1988 г. коммунисты выступили с предложением провести встречу за "круглым столом" с "представителями различных общественных и рабочих кругов", что фактически открывало путь к предварительным переговорам. Важнейшее требование оппозиционного движения о легализации "Солидарности" отбрасывалось, однако взамен предлагалась реформа политической системы, идущая дальше, чем ожидала оппозиция. Это был перевернутый стиль мышления оппозиции: требование свободных профсоюзов выдвигалось в определенной мере вместо политической реформы, которую считали невозможной. Следует отметить, что в связи с переменами в СССР поле свободы руководства ПОРП, без сомнения, увеличивалось. Во время визита в Варшаву в июле 1988 г. генсек ЦК КПСС М.С. Горбачев положительно оценил умеренный реформаторский курс ПОРП, что давало В. Ярузельскому чувство безопасности.

Правительство М. Раковского, ставшего премьер-министром в сентябре 1988 г., предприняло еще одну попытку "улучшения" системы. Он считал важнейшими экономические вопросы, был убежден, что «поляков меньше интересует "круглый стол", а больше сыто накрытый стол». Средством, которое прежде всего вело бы к этой цели, должна стать либерализация экономики. Предполагался отход от догмы о примате государственной собственности и центрального планирования, создание условий для иностранного капитала и частного предпринимательства, свободной экономической деятельности. Вице-министр И. Секула вспоминал, что они были убеждены: "система реального социализма исчерпала возможности своего развития"²⁷.

Еще одним козырем должно было стать соглашение с оппозицией, к чему руководство ПОРП уже начинало склоняться. В это же время определялся и круг вопросов, которые предстояло обсудить с предста-

вителями оппозиции. Они перечислялись М. Раковским на встрече с М.С. Горбачевым в октябре 1988 г. в следующем порядке: “Поддержка реформ, перестройка политических структур, вторая палата сейма, совет национального согласия, включение в сейм конструктивно мыслящих людей из оппозиции, дальнейшая демократизация выборов через представительные органы”. Рисуя перед советским лидером картину конструктивности польских коммунистов, М.Раковский подчеркивал, что «Запад грубо, открыто оказывает финансовую помощь политической оппозиции. Причем в нынешнем году (т.е. в 1988 г. – *О.М.*) эта помощь усилилась. В такой ситуации все замороженные структуры “Солидарности” активизировались. С учетом этого и необходимо рассматривать идею “круглого стола”. Два круга факторов породили “круглый стол” – соображения, вытекающие из нашей ситуации, и стратегический подход...»²⁸. Заметим здесь, что стратегический марксистско-ленинский подход предполагал настолько “широкие” перемены с точки зрения коммунистов, чтобы вмонтировать конструктивную оппозицию в существовавшую систему, и настолько узкие, чтобы обязательно сохранить привилегированное положение ПОРП.

Однако осень 1988 г. – время очередных неудач правительственных попыток реформирования экономики. В сочетании со взрывным состоянием общественных настроений подобное положение подталкивало власти к соглашению. Важная плоскость совместных интересов – то, что избежать революционных потрясений хотели обе стороны. И в декабре 1988 г. при председателе “Солидарности” создается Гражданский комитет – коллективный партнер правительства в переговорах “круглого стола”.

Вместо последекабрьской альтернативы “быть или не быть” перед солидаристской оппозицией все яснее вырисовывалась другая альтернатива: совместно править или сосуществовать? Стремиться к участию в управлении страной или ограничиться занятием места легальной, “конструктивной”, но решительной оппозиции власти, по-прежнему осуществляемой ПОРП? Именно вокруг этой дилеммы формировались новые концепции протестного движения. Я. Куронь выступал не только за присутствие оппозиции в Сейме, но и за ее участие в исполнительной власти. Б. Геремек считал, что легализация профсоюза должна явиться предварительным условием заключения “нового общественного соглашения”, которое предполагало подписание трех пактов с властью. Первый из них – пакт о неагрессии, в котором обе стороны отказываются от действий, направленных друг против друга; второй – новая программа экономической реформы; третий – “соглашение по вопросам реформы строя, возвращающей демократический характер польской общественной жизни”. Ось предложений Р. Бугая – разделение общественного пространства на две сферы, управляемые различными законами (сказывалось влияние взглядов, высказывавшихся ранее Б. Геремек.) Предполагалось, что местом разрешения конфликтов, а также принятия согласованных экономических и общественно-политических решений станет институт, подобный предлагаемому правительственной стороной Совету Национального Согласия. Если видение Куроня мож-

но назвать концепцией максимального взаимодействия с властями, то Геремек – автор формулы минимального сотрудничества²⁹. В нелегальной публицистике отмечалось, что в оппозиционном мнении преобладала все же позиция осторожности в отношении предложений, исходящих из правящего лагеря.

К концу 1988 г., несмотря на заявления трехмесячной давности о готовности к “круглому столу” с властями, программа оппозиции все еще находилась в зачаточном состоянии: отсутствие четкой позиции в вопросах желаемого политического строя, а в экономических вопросах – колебания между либерально-рыночной концепцией и идеей рабочего самоуправления и опекунских функций государства, вмешивающегося в экономику под лозунгами социальной справедливости.

Политический перелом, которого с нетерпением ожидали в обществе, принеся состоявшийся в два тура в декабре 1988 – январе 1989 гг. X пленум ЦК ПОРП. Речь М. Раковского, согласованная с В. Ярузельским, представляла политическое наступление партийных реформаторов. Премьер решительно защищал идеи “круглого стола”, определяя последний как “попытку заключения генерального соглашения с конструктивной оппозицией”, т.е. с той, которая “стремится реформировать отношения в Польше без свержения существующего строя”. Глава правительства говорил о необходимости компромисса, о перспективе разделить ответственность с оппозицией с целью добиться массового общественного доверия. “Конфликты затормозили бы экономические реформы и инициированные партией общественно-политические перемены. Каким путем мы можем достигнуть в обозримом будущем общественного согласия?”, – спрашивал премьер своих товарищей. В этом контексте ставился “тот самый, и вместе с тем иной, чем в 1981 г.” вопрос признания “Солидарности”³⁰. Решение пойти в этом вопросе навстречу солидаристам подпитывалось предчувствием поражения. “Я все более убеждаюсь, что система, которая после второй мировой войны возникла в Польше, проиграла в историческом масштабе, – записал в конце 1988 г. в своем дневнике М. Раковский. – Ее следует заменить другой, попросту более производительной. Однако возникает вопрос, могут ли это сделать те, кто ее построил”³¹. Трудно определеннее выразить пессимистическое состояние духа партийных реформаторов.

Они с большим трудом, но все же сумели провести резолюции о политическом плюрализме, а также и о профсоюзном (фактически означавшем повторное вхождение “Солидарности” в политическую систему). Это было равнозначно принципиальной переориентации политики ПОРП в направлении демократизации, давало шанс на мирный, лишенный элементов насилия, переход к принципиально новой фазе общественного развития. Решение вызвало возрастание радикализма той части оппозиции, которая выступала против соглашения с коммунистической властью.

Следовательно, политический пакт можно оценивать как один из путей, ведущих к трансформации авторитарного режима в демократический. Вместе с тем следует отметить, что ограниченное представительство в “круглом столе” оппозиции, а также отказ от переговоров с

представителями более радикальных группировок, которым до 1991 г. был закрыт путь к парламентской арене, привели впоследствии к политической дестабилизации. Это нашло выражение, в частности, в снижении численности участвующих в выборах, “войне в верхах”, в трудностях по созданию коалиции после парламентских выборов 1991 г. и т.д. То, что власти решились вести переговоры исключительно с “Солидарностью”, в существенной степени влияло на стратегию обеих сторон, основывавшуюся на максимализации выгод и минимализации уступок, а не на стремлении расширить сферу общих интересов.

Итогом переговоров за “круглым столом”, проходивших с 6 февраля по 5 апреля 1989 г., явился сценарий, предполагавший проведение после четырехлетнего переходного периода свободных выборов, в которых планировалось участие на конкурентной основе свободно созданных политических партий. Соглашениями предусматривалось: 1) участие оппозиции в парламенте в намеченном объеме (35%); 2) полностью конкурентные выборы в сенат; 3) коалиционное правительство во главе с представителем ПОРП; 4) создание поста президента, гарантирующего политическую стабильность.

Для ведущих переговоры за “круглым столом” политических сил принятые решения означали далеко идущие уступки. Вместе с тем они содержали и определенные выгоды. Для ПОРП соглашения явились политической капитуляцией, хотя и представляли шанс на дальнейшее существование. Для “Солидарности” уступкой стал перенос выборов на конкурентной основе на четыре года и соглашение на роль парламентского меньшинства. Однако при этом создавалась возможность легализации движения. Причем парадоксом оказалось то, что цена соглашения для “С” – участие в недемократических выборах – преобразовалась в неожиданное вознаграждение, т.е. огромный успех движения на июньских выборах. Лишь третий участник переговоров – костел – не делал каких-либо уступок в чью-то пользу, для него “круглый стол” стал объективной победой и подтверждением собственной политической силы.

Вот как оценивали впоследствии “круглый стол” его участники. Л. Валенса отмечал, что он “важен как идея соглашения различных сил для реформирования Польши”. Генерал Ч. Кищак подчеркивал, что это было “оригинальным польским изобретением... Именно в Польше имело место великое политическое и историческое событие, которое сделало возможным провести перемены бескровным способом и стало образцом для других стран Варшавского договора”. Т. Мазовецкий – первый некоммунистический премьер считал, что “круглый стол” «явился началом. Тем камнем, который привел в движение лавину событий... Тогда нам казалось, что возможно бороться только за ограниченное пространство свободы. То, что перемены оказались такими глубокими, было заслугой обеих сторон и костела. Польша в результате “круглого стола” положила начало мирным переменам в постсоветском блоке. В этом великий исторический смысл “круглого стола”»³². Пример с “камнем” присутствовал и в докладе М. Раковского на конференции в Мичиганском университете (апрель 1999 г.), в котором, в ча-

стности, утверждалось, что «концом системы стало не падение берлинской стены, а “круглый стол”». На смысл событий 1989 г. указывает уже само название конференции “Обговоренное падение коммунизма”, а ее графический символ – расходящиеся круги, вызываемые брошенным в воду камнем, – наглядно свидетельствует об эффекте, который соглашения “круглого стола” имели в остальных странах советского блока³³.

Общая оценка соглашения между тогдашней властью и оппозицией, проведенная спустя десятилетие в ходе опроса общественного мнения в январе 1999 г., достаточно позитивна. 38% опрошенных поляков признают, что заключенный в 1989 г. пакт принес Польше больше хорошего, чем плохого; 19% видят отрицательных моментов больше, чем положительных; 27% считают, что плюсы и минусы уравниваются.

Один из активно обсуждаемых аспектов “круглого стола” — информированность общества о ходе и результатах переговоров. 61% респондентов считают ее плохой, 19% — хорошей³⁴. И эти цифры отражают реальное положение вещей. Содержание предварительных переговоров, проходивших в Магдаленке, обе стороны хранили в тайне. Для руководства ПОРП было важно, чтобы масштаб уступок в отношении оппозиции не стал раньше времени известен партийным массам, которые в большинстве выступали против легализации “С”. Менее понятны мотивы “Солидарности”, основной силой которой являлось общественное доверие. Образцом ведения переговоров с властью для большинства деятелей “С” оставался “Август 80-го”. Но такой стиль не мог повториться в 1989 г., слишком мало делалось для того, чтобы хотя бы частично вселить в людей чувство соучастия в процессе перемен. Это случилось уже в ходе июньских выборов, когда 1/3 имеющих право голоса не воспользовалась им.

Итак, “круглый стол” стал тем “камнем, который привел в движение лавину событий”. В ходе парламентских выборов, состоявшихся 4 и 18 июня 1989 г., 35% мест в Сейме и 99% мест в Сенате завоевала “Солидарность” (в чем и заключалась ее победа). 19 июня Президентом Польши был избран представитель ПОРП В. Ярузельский. Результат выборов — окончательный распад модели, которую олицетворяла коалиция ПОРП — ОКП — ДП. В свою очередь, изменение конфигурации сил в парламенте сделало возможным создание правительства во главе с представителем “С”. Впечатляли как масштаб успехов оппозиции, так и степень поражения ПОРП. “Власть забила гол в собственные ворота”, — комментировал Валенса. Уже вскоре то же можно было сказать и об оппозиции. В результате июньских выборов на четыре года раньше предусмотренного решениями “круглого стола” срока к руководству страной пришли новые политические силы. Конец установленной “круглым столом” политической модели датируется победой на президентских выборах в декабре 1990 г. Л. Валенсы.

Таким образом, польские события 80-х годов показывают, что появление политической альтернативы авторитарной системе, а также организация сторонников этой альтернативы в целенаправленное движение означают начало конца старой системы. Правящие круги

должны сделать выбор: либо отбросить политические требования протестующих как безосновательные и тем самым вольно или невольно подвинуть себя к возможности силового решения; либо стать одним из участников процесса демократизации и вследствие этого утратить свое привилегированное положение, но остаться на политической сцене. В 1981 г. руководство ПОРП решилось на первый вариант. Восемь лет спустя ему ничего не оставалось, как одобрить вторую возможность. Конечно, силовые ведомства еще подчинялись этому руководству и в 1989 г., но был уже и немалый опыт, свидетельствовавший о том, что решения о применении репрессивных мер могут заблокировать общественные стремления к демократии только на короткий период. Упомянутый опыт является также доказательством того, что революционный по сути демонтаж авторитарного режима вполне возможен на реформистском пути, т.е. посредством ненасильственного соглашения между представителями этого режима, с одной стороны, и оппозиционных сил – с другой.

¹ Гражданское общество в Польше. Теоретические представления и социальная практика. М., 1998. С. 7–22.

² Dokumenty Komitetu Obrony Robotników i Komitetu Samoobrony Społecznej "KOR". W-wa; Londyn, 1994. S. 138, 140.

³ Jaruzelski W. Stan wojenny. Dlaczego... W-wa, 1992. S. 282–283.

⁴ Holzer J. "Solidarność" 1980-1981: Geneza i historia. W-wa, 1990. S. 72.

⁵ Dokumenty... S. 296–298; Friszkie A. Opozycja polityczna w PRL. 1945–1980. Londyn, 1994. S. 416–418; Zuzowski R. Komitet Samoobrony Społecznej KOR: Studium dysydemtyzmu i opozycji politycznej w Polsce. Wrocław, 1996.

⁶ Eisler J. Zarys dziejów politycznych Polski. 1944–1989. W-wa, 1992. S. 148–149.

⁷ Holzer J. Op. cit. S. 61.

⁸ Antoszewski A. Erozja systemu politycznego PRL w latach osiemdziesiątych. Studium procesu. Wrocław, 1991. S. 153; Karpinski J. Portrety lat. Polska w odcinkach 1944–1993. W-wa, 1994. S. 232.

⁹ Eisler J. Op. cit. S. 178.

¹⁰ Jaruzelski W. Op. cit. S. 70, 184.

¹¹ IX Nadzwyczajny zjazd Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej 14–20 lipca 1981 r. Podstawowe dokumenty i materiały. W-wa, 1981. S. 113, 124.

¹² Jaruzelski W. Op. cit. S. 204.

¹³ Rakowski M. Czasy nadziei i rozczarowań?. W-wa, 1987. S. 124.

¹⁴ См.: Holzer J. Op. cit. S. 109–110.

¹⁵ Jaruzelski W. Op. cit. S. 407, 409–410.

¹⁶ Holzer J. Op. cit. S. 353.

¹⁷ Jaruzelski W. Op. cit. S. 407, 409–410.

¹⁸ Antoszewski A. Op. cit. S. 147–148.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Мокшин В.К. Трансформации политических режимов восточноевропейских стран во второй половине XX в. Архангельск, 1997. С. 164.

²¹ Holzer J., Leski K. "Solidarność" w podziemiu: Łódź, 1990. S. 71.

²² Цит. по: Skórzyński J. Uгода i rewolucja. Władza i opozycja. 1985–1989. W-wa, 1995. S. 46.

²³ Там же. С. 9–13.

²⁴ Цит. по: *Skórzyński J.* Op. cit. S. 51.

²⁵ Ibid. S. 59.

²⁶ Trybuna Ludu. 1988.16.05.

²⁷ Цит. по: *Skórzyński J.* Op. cit. S. 111.

²⁸ Архив Горбачев-Фонда. Фонд № 1. Горбачев М.С. Запись беседы М.С.Горбачева с М. Раковским. 21 октября 1988 г.

²⁹ Подробнее см.: *Skórzyński J.* Op.cit. S. 146–156; Idem. Kwadratura Okrągłego Stołu // *Rzeczpospolita.* 1999. 05.02. S. 18.

³⁰ Trybuna Ludu. 1989.16.01.

³¹ Цит. по: *Skórzyński J.* Op.cit. S. 136.

³² *Wył kamieniem, który ruszył lawinę* // *Rzeczpospolita.* 1999. 05.02. S.16.

³³ *Odrobina wolności. O Okrągłym Stole w Ann Arbor* // *Rzeczpospolita (Plus minus).* 1999. 17–18.04. S. 17.

³⁴ *Opinie o porozumieniach. Dobre skutki słusznej decyzji* // *Rzeczpospolita.* 1999. 05.02. S. 15.

СПЕЦИФИКА СОСТОЯНИЯ ПОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ 1989 г.

Конец 80-х годов в Польше совпал с завершением целой эпохи в жизни общества. Эпохи не столько в сугубо временном измерении – период социализма в стране продолжался немногим больше 40 лет, – сколько в ценностном, моральном. “Реальный социализм” стал достоянием истории. Не удалось попытки эффективного реформирования его экономической системы, не осуществилась и такая цель социализма, как формирование “нового человека”, самоотверженного борца за общее дело, коллективиста и атеиста. Особенности польского менталитета не поддались попыткам нивелировки системой, воспринимавшейся значительной частью общества чуждой, навязанной извне, с течением времени все больше утрачивавшей свою привлекательность.

Десятилетие, предшествовавшее событиям 1989 г., во многом изменило облик польского общества, которое именно за это время переосмыслило, подвергло переоценке многие, казавшиеся прежде незыблемыми, ценности и устои и предприняло практические шаги по приведению всей совокупности общественной жизни в соответствие с иными, отличными от прежних, идеями и представлениями. Почему же марксистско-ленинские идеи и представления, казалось бы, столь возвышенные и благородные, так относительно легко были отвергнуты польским обществом, почему всеобъемлющий кризис 80-х годов стал во многом, а быть может, и прежде всего, кризисом сознания, углубление которого в значительной степени предопределило катастрофический для коммунистов итог?

Произошло это во многом, как представляется, потому, что связь между словами коммунистов о построении справедливого социалистического общества и реальностью была весьма призрачной, иллюзорной. К какому бы аспекту своей жизни человек ни обратился, всюду он видел, что называется, невооруженным глазом, это несоответствие. Особенно ощутимо оно проявлялось для большинства населения в сфере распределения. Несоблюдение принципа “каждому по труду” невозможно было скрыть никакими пропагандистскими усилиями. Данные социологических исследований свидетельствуют: осознание несправедливости в системе распределения имело в послевоенный период несомненную тенденцию к росту и обострению. В последнее десятилетие коммунистического правления его адепты немало говорили об экономической реформе, пытались объяснять существовавшие трудности издержками ее проведения и призывали граждан еще немного потерпеть ради грядущего якобы в скором будущем неизбежного позитивного перелома. Однако эта идеологическая казустика к успеху не привела: реформа не стала “общенародным делом”, а дальнейшее усиление среди самых различных слоев населения недовольства своим реальным положением привело поляков к выводу, что нужны не ре-

формирование и совершенствование социализма, а отказ от него в пользу системы, построенной на принципах рыночной экономики.

Экономическая неэффективность социализма в сочетании с вполне осознаваемой несправедливостью распределения в 80-е годы воспринималась обществом тем более болезненно, поскольку такие столь привлекательные элементы социалистической системы, как равенство шансов, демократизм, доступ к культуре, социальная мобильность имели тенденцию в ходе истории Народной Польши не к укреплению и развитию, а, напротив, к угасанию и потере своего значения. Дифференциация общества, деление на “мы” и “они” (при всей условности этих широко применявшихся в польской социологии 80-х годов определений) явилось одним из существенных элементов в картине неравенства, разобщенности. Враждебный мир власти воспринимался как нечто чуждое, не помогающее человеку в решении его насущных проблем, преодолении трудностей, а напротив, эти трудности и проблемы усугубляющие. И чем сильнее утверждалось это ощущение враждебности внешнего мира, мира власти, тем меньше оставалось терпимости по отношению к социальной дифференциации, тем болезненней воспринималась собственная дискриминация.

У исследователей-полонистов стала уже общим местом констатация, что 80-е годы вписали весьма драматические страницы в историю польского общества. В сознании последнего далеко не утвердился образ “единой семьи трудовой”, где каждый занят своим делом, уважается за свой труд, получает вознаграждение, адекватное трудовым затратам, где “открыты все пути”, и всякий, выбрав себе дело по душе, может достичь желаемого. “Мы были недовольны, – писал участник социологического опроса начала 80-х годов, – нарастающим социальным неравенством и средствами массового оглушения людей. Говорили: труд во имя труда, благодаря труду, а на предприятиях кумовство, воровство...” Другой респондент вторит ему: “Наш социализм ведет к разладу, злу, бедности”. Третий формулирует позицию, к которой мог бы присоединиться едва ли не каждый поляк: “Чем должен быть социализм, я знаю только по лозунгам. Он всегда ассоциировался у меня с какой-то правильной, очень человеческой и очень прогрессивной идеологией. Но такого социализма я никогда не знал”.

Вот эта зияющая пропасть между идеальным и реальным социализмом и стала причиной в значительной степени, как уже говорилось выше, не только критического настроения польского общества к последнему, но и его полного отторжения. Процесс же отторжения социалистических порядков во многом обусловлен спецификой исторического сознания поляков, отражающего состояние общественного сознания в целом. Для населения Польши история всегда была не только наукой, но и чем-то большим. Специфика исторического развития польского народа породила наличие в обществе особой чувствительности к проблемам национальной истории, эмоционального к ней отношения. Идеолого-политическая борьба в стране нередко принимает облик споров о прошлом, о содержании и смысле исторического наследия. Не явились исключением и 80-е годы, когда именно в историческом сознании иска-

ли аргументы для подтверждения той или иной политической позиции или объяснения происходящего. К примеру, в лозунгах строительства “второй Польши”, “фасадности”, “пропаганде успехов” виделась уходящая вглубь веков склонность к переоценке своих возможностей, а в тяготении к западному образу жизни – не менее давнее “преклонение перед Западом”. Бытующие в обществе представления и стереотипы во многом показали свою жизнестойкость и по мере либерализации режима в 80-е годы, как бы пробуждаясь от летаргического сна, четко обозначились в общественном сознании.

Немалую роль в революционных итоговых событиях 1989 г. сыграла позиция польской молодежи, в частности особенности ее сознания. Как явствует из анализа состояния сознания молодежи, власть имущим отнюдь не удалось воспитать себе идейной опоры. Даже функционеры и активисты официальных молодежных организаций весьма сдержанно относились к декларируемым их “старшими товарищами” целям и задачам этих организаций, вовсе не отождествляя свою причастность к ним с борьбой за построение социализма, а ценили скорее культурно-просветительскую или благотворительную деятельность молодежных союзов. Падение интереса молодежи к разнообразным аспектам социальной активности отмечалось польскими социологами на протяжении нескольких десятилетий, но особенно интенсивно этот процесс протекал именно в 80-е годы. Попытки же активизировать молодежь в прокоммунистическом духе, придать ее социальной деятельности своеобразное “второе дыхание”, предпринимавшиеся сверху, не удались. Результаты исследований свидетельствуют о неверии молодежи в то, что в Польше происходят существенные перемены, что она движется по пути создания справедливого строя.

К середине 80-х годов, правда, наметилась тенденция к ослаблению интереса молодежи также и к деятельности оппозиции, определенному “смягчению” оценок правящей ПОРП. Учитывая преваляровавшую в сознании польской молодежи тех лет ориентацию на личную жизнь, интерес не к словам и абстрактным идеалам, а к реальным фактам, эти явления можно характеризовать как стремление к стабилизации, попытки “вживания” в систему, вскоре, впрочем, сменившиеся обвальным ростом настроений отрицания этой системы, ее неприятия.

В немалой степени этому способствовала специфика исторического сознания молодежи. Усилия властей сделать влияние официальной системы исторического образования и воспитания доминирующими явно не увенчались успехом. Более того, польский опыт свидетельствует о бесплодности попыток искусственного конструирования исторического сознания, не учитывающего специфику многовековых традиций, национальной самобытности и пытающегося произвольно трактовать неугодные факты. Не оправдались и упования на то, что в результате целенаправленной агитационно-воспитательной работы можно добиться формирования не соотносящихся с реальностью, но желаемых стереотипов сознания.

Неприятие официальной интерпретации истории и, напротив, весьма значительные масштабы распространения версии неофициальной в

немалой степени способствовали критическому отношению к действительности, поиску общественного идеала в сферах иных, ничего общего с властью и пропагандой не имеющих. В известном смысле поиск этого идеала был связан с польским диссидентским движением. Польская демократическая оппозиция послевоенного периода, несмотря на достаточно ограниченную сферу своего влияния в обществе, явилась фактором, оказывавшим заметное воздействие на общественное сознание, создающим определенный контекст в формировании ценностей гражданского общества. Применительно к последним десятилетиям существования системы “реального социализма” можно констатировать значительные перемены в облике польского общества. Оно шло по пути поисков проявления собственной субъектности, не желало мириться с огосударствлением практически всех сфер общественной жизни. Причем, если в 70-е годы оппозиционные проявления еще не носили массового характера, то в следующее десятилетие они, несомненно, обрели таковой в лице “Солидарности”. В программном документе движения говорилось: «“Солидарность” - это наиболее существенное завоевание польского общества, это пример самоорганизации для всех радикальных перемен в отношениях между властью и обществом. Централизованная диктатура над всей общественной жизнью в полной мере уже невозможна. НПС “Солидарность” является гарантией самоуправления во всех сферах общественной жизни: сельской, интеллектуальной, молодежной. Независимые общественные институты – профсоюзы, самоуправляемое крестьянское движение, творческие объединения, научные, культурные, студенческие организации – самим фактом своего существования способствуют преодолению глубокого кризиса, основанного на разрушении общественных связей»¹.

Ряд исследователей придерживаются мнения, согласно которому польская демократическая оппозиция разработала идеи, нашедшие свое реальное воплощение именно в “Солидарности”. Имеет место и другая позиция, отрицающая правомерность такого рода утверждений. В частности, по мнению Е. Шацкого, “Солидарность” внесла целый ряд существенных перемен в идеологию польской демократической оппозиции. “Идея автономии личности, – пишет этот автор, – являющаяся основой диссидентства, просто исчезла, идея гражданского общества подверглась модификации, которая основывалась на ее адаптации к другой ситуации, другой общественной среде, ее менталитету и традициям”².

В оценке соотношения деятельности “Солидарности” и оформлением гражданского общества существует несколько подходов. Сторонники одного из них считают возникновение “Солидарности” поворотным пунктом в создании (или воссоздании) гражданского общества в Польше. При этом предполагается, что при социализме гражданского общества не было. Я. Станишкис, например, видит в отсутствии гражданского общества при социализме фундаментальную особенность последнего, так как общественная собственность не допускает возникновения групповых интересов, государство и общество едины, между ними нет посреднических структур. “Солидарность” же сыграла роль формы самоорганизации общества.

Согласно другому подходу, “Солидарность” сама является гражданским обществом, ограниченным рамками этого движения, воплощением гражданского общества в его этической версии. По мысли сторонников третьего подхода, “Солидарность” следует рассматривать как эманацию гражданского общества, которое, согласно их позиции, существовало и при социализме, но в урезанном, усеченном виде. О наличии гражданского общества свидетельствуют, по этой версии, все внегосударственные и антигосударственные действия населения.

Третий подход представляется наиболее правомерным. В Польше, где существовала достаточно обширная сфера негосударственной собственности, где был весьма значительным авторитет таких независимых институтов, как католическая церковь и оппозиционные демократические движения (свидетельствовавшие о существовании своеобразного альтернативного общества), можно говорить о наличии элементов гражданского общества и в период, предшествовавший возникновению “Солидарности”. Но это, разумеется, не означает признания в тогдашней Польше гражданского общества в его классическом варианте, называемом иногда обществом коммерческим и неразрывно связанным с рыночной экономикой. Речь в данном случае идет скорее об образце этического гражданского общества, “связующим звеном в котором, – как замечает М. Халамска, – является общественный солидаризм, основанный на ощущении оппозиционности по отношению к государству”³.

Идеология “Солидарности” основывалась на протесте против диктатуры, на последовательной защите прав человека и гражданина, на признании либеральной демократии оптимальной моделью общественного устройства. Вместе с тем в идеологических установках движения просматривались и мотивы, позволявшие говорить об известной социалистичности “Солидарности”. При всей спорности подобного заявления, невозможно ведь не признать коллективистского характера идеологических принципов “Солидарности”, что весьма существенно отличало их от идеологии демократической оппозиции предшествовавшего периода.

Именно с начала деятельности “Солидарности” проявляется тенденция к идентификации гражданского общества с обществом как таковым, которое организовано выступило против правительства, воплотив в жизнь идеалы независимости и самоорганизации. По словам А. Михника, “первый раз в истории коммунистического строя осуществлялась реконструкция гражданского общества и достижение компромисса с государством”⁴.

Примечательно, что вопрос о том, каким должно быть общество, не возникал. Оно просто было. Существовало как объективная реальность, как сторона в отношениях с государством. Противопоставление общества и государства – традиционная черта сознания поляка, сформировавшегося в силу совершенно определенных особенностей истории страны: отсутствия на протяжении длительного времени собственных государственных институтов, настороженного отношения к органам власти, представленным чужеродной, ненациональной силой. В 80-е годы эта черта сознания проявилась в полной мере. Причем, именно отношение к

власти было определяющим в системе дифференциации общества: в 1976 г. отношение к власти как к фактору, разделяющему общество, декларировали немногим более 40% поляков, а уже в 1980 – 79,5%⁵.

Но в своем неприятии существующей системы поляки отличались одной характерной особенностью: это неприятие, этот бунт против государства всегда соседствовали с проявлением солидарности с какой-то, как замечает Е. Шацкий, пусть даже воображаемой негосударственной общностью: «Ею могла быть та или иная традиционная общность (и по большей части именно так и происходило), или же только еще формирующаяся общность “непокорных”, описанная и превознесенная диссидентами как “параллельный polis”, “независимое”, или “гражданское общество”. Так или иначе, но демонстрация автономии личности была, как правило, неотделима от желания участвовать в какой-то общности. Добродетелью стало не просто быть не таким, как требовало государство, но быть таким же, как другие, не подчинившиеся его диктату»⁶.

Этот пафос общественной солидарности, стремления к справедливости явно перевешивал в представлении оппозиции идеи самоценности и независимости личности. В условиях социализма изменилось соотношение частного и общественного. Частная сфера как бы расширила свои границы, включив в себя и то, что в других условиях относилось бы к общественному. Отрицание всего официального, государственного не означало принятия ценностей индивидуалистических, но, скорее, было разворотом в сторону ценностей истинно общественных, свободных от навязываемого “сверху” ложного содержания.

Таким образом, думается, что состояние сознания польского общества в период, предшествовавший событиям 1989 г., достаточно сложно определить однозначно. Несомненное отрицание реалий социализма сочеталось с принятием неких ценностей, идеальному социализму отнюдь не чуждых. События конца 80-х годов явились в представлении определенной части общества своеобразной моральной революцией, отказом от фальши и лжи предшествовавшего периода, открытием ворот в мир истинной, а не декларируемой справедливости. На деле все оказалось несколько по-иному. Проблемы не исчезли, а приобрели иные очертания, общество не начало жить заново, а продолжило свою жизнь, отнюдь не избавившись в одночасье от своих прежних представлений и взглядов.

¹ O sytuacji społeczno-politycznej w Polsce po porozumieniu Gdańskim // Dokumenty Komitetu Obrony Robotników i Komitetu Samoobrony Społecznej KOR. W-wa; Londyn, 1994. S. 593.

² Szacki J. Liberalizm po komunizmie. Kraków, 1994. S. 130.

³ Halamska M. Rocznica “Solidarności” a proces tworzenia się społeczeństwa obywatelskiego w Polsce // Edukacja wobec zmiany społecznej. Toruń, 1994. S. 171.

⁴ Michnik A. Szanse polskiej demokracji. Artykuły i eseje. Londyn, 1984. S. 69.

⁵ Domański H. Nierówności społeczne a świadomość konfliktów // Kultura i społeczeństwo. W-wa, 1982. N 2. S. 16.

⁶ Шацкий Е. Протолиберализм: автономия личности и гражданское общество // Полис. 1997. № 7. С. 78.

ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ ПОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1989 г.

Демократическая революция 1989 г. в Польше – первая революция такого типа в Центральной и Восточной Европе. По своим предпосылкам, движущим силам и ходу она весьма отличалась от большинства революций того времени в восточноевропейских странах. Она не была непосредственным следствием развития в 1989 г. массового общественного протеста: в Польше такой протест имел место раньше – во время событий 1980–1981 гг. Она явилась результатом договора между реформаторским крылом Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) и умеренной частью политической оппозиции, вышедшей из общественно-политического движения “Солидарность”, которое сформировалось как раз в 1980–1981 гг.

Этот договор стал результатом работы “круглого стола” между сторонами в феврале–апреле 1989 г., который и обеспечил более-менее оптимальные условия для перехода страны к демократии и рыночной экономике.

События 1980–1981 гг., введение 13 декабря 1981 г. военного положения привели к изменению расстановки политических сил в польском обществе, прежде всего к возникновению в стране массовой политической оппозиции “реальному социализму”, военно-политическому союзу Польши с СССР. Социологические опросы свидетельствовали о том, что в начале 80-х оппозиция охватывала 20–25% взрослого населения польского общества. По своей идейно-политической сущности это была антикоммунистическая, антисоветская, сориентированная на Запад и поддерживаемая им оппозиция.

После введения военного положения ее активная часть стала действовать в подполье и эмиграции. В подполье шла дискуссия относительно стратегии борьбы с правящим режимом: фронтальное столкновение с ним в форме прежде всего генеральной забастовки или “долгий марш”. Радикальное крыло в лице Конфедерации независимой Польши, “Борющейся Солидарности” выступало за всеобщую забастовку. Однако она оказалась нереальной. В итоге в “Солидарности” победило умеренное течение, выступавшее за “долгий марш”. Упор был сделан на издательскую, просветительско-образовательную и культурную деятельность. В мае 1982 г. в тексте “О сопротивлении” один из теоретиков оппозиции Адам Михник писал: «Стратегия “долгого марша” требует последовательности, реализма и терпения. Это не пустые фразы. Это перспектива работы над реформой экономики и администрации, а также распространение образа “Реформаторской Польши” в массовом сознании. Забота о форме этого сознания обуславливает эффективность наших действий»¹.

В 1982–1985 гг. в подполье издавались 1,7 тыс. газет и журналов, часть из них – только несколько недель или месяцев; было опублико-

вано 1,8 тыс. книг и брошюр, тиражи некоторых из них составляли 5–6 тыс. экземпляров. По данным министерства внутренних дел, бывали моменты, когда одноразовые производственные мощности подпольной полиграфии составляли 1 млн страниц формата А-4².

Наиболее массовой формой протеста являлся бойкот официальных институтов, особенно телевидения. Оппозиционная интеллигенция отказывалась от сотрудничества с властями, не принимала участия в мероприятиях, организуемых правящим режимом. 22 апреля 1982 г. в подполье была создана временная координационная комиссия “Солидарности”. В июле в Брюсселе возникает Координационное бюро “Солидарности”. Существовали в подполье и десятки других организаций. Как выяснилось в начале 90-х годов, основные подпольные структуры контролировались спецслужбами ПНР. Вместе с тем попытки создания весьма законспирированных комитетов общественного сотрудничества не удались.

К середине 80-х годов подпольная деятельность оппозиции ослабла. Ее лидеры были деморализованы и не пользовались уже особой поддержкой в обществе, которое занимало по преимуществу позицию “молчаливого большинства”. Большинство это ушло в частную жизнь, занималось семьей, бытом. Такое поведение было вызвано, во-первых, шоком введения военного положения, когда в течение каких-то нескольких дней власти сумели ликвидировать почти десятиmillionную “Солидарность”, а во-вторых, экономическим кризисом, обречшим людей на борьбу за выживание. В октябре 1985 г. состоялись выборы в Сейм. “Солидарность” призвала к их бойкоту. Как видно из официальных данных, явка на выборы составила 78,6%. Ничто до сих пор не свидетельствует, что эти данные тогда завысили, т.е. фальсифицировали. Это был большой политический успех властей.

В ситуации невключения оппозиции в политическую систему резко возросла общественно-политическая роль католической церкви, которая вынуждена была выполнять функцию посредника между властью и обществом. Ее симпатии были на стороне оппозиции. Они приобретали форму моральной и материальной поддержки (распределение гуманитарной помощи, полученной от западных благотворительных фондов), предоставления убежища оппозиционным деятелям и пр. Спустя пять дней после введения военного положения 17 декабря 1981 г. при главе польской католической церкви кардинале Ю. Глемпе был создан комитет помощи лишенным свободы лицам и их семьям. Часть епископов и ксендзов в своих проповедях открыто поддерживали “Солидарность” и призывали к ее восстановлению. В 1983 и 1987 гг., визиты папы Иоанна Павла II в Польшу морально поддержали оппозицию.

Однако часть руководства польской католической церкви, проявляя реализм, была противницей дестабилизации ситуации в стране, не прерывала отношений с властями и участвовала в разрешении различных конфликтов. Сам Глемп весьма сдержанно относился к “Солидарности”. За эту его позицию подпольная печать часто критиковала главу польской католической церкви.

Как следует из социологических опросов, сторонники “реального социализма”, правящего “коммунистического” режима составляли 20–25% польского общества. Внутри ПОРП, ее руководящих структур шла борьба между реформаторами, возглавляемыми В. Ярузельским, и консерваторами, которых в первой половине 80-х годов активно поддерживал Советский Союз. Первые пытались осуществить экономические и политические реформы в рамках обновления, совершенствования “реального социализма”. Вторые всячески противодействовали этому.

С 1 января 1982 г. началось осуществление экономической реформы с целью создания нового хозяйственного механизма, обеспечивающего рациональность деятельности производственных единиц всех уровней, высвобождавшего инициативу и укреплявшего чувство ответственности за результаты труда. Составной частью этого механизма должна была стать стратегическая функция центрального планирования. Предусматривалась ликвидация бюрократической системы народнохозяйственного управления. На уровне предприятия реформа заключалась в реализации трех принципов: самостоятельность в принятии решений и управлении, самофинансирование текущей деятельности и самоуправление как форма участия трудового коллектива в управлении производством.

Однако практическое применение всех положений новой системы в условиях глубокого экономического неравновесия не представлялось возможным. Поэтому для каждого года вводились временные хозяйственные нормативы, ограничивавшие действие реформы в ряде областей. В частности, государство было вынуждено административно удерживать уровень цен примерно на половину товаров, а там, где цены не покрывали затрат, предоставлять дотации из госбюджета. Не удалось ввести в достаточных масштабах оптовую торговлю средствами производства.

Вместе с тем в 1983–1985 гг. экономическая реформа оказала динамизирующее воздействие на развитие народного хозяйства, хотя выявила также различные противоположные интересы в обществе. Они привели к тому, что к концу 1985 г. нововведения притормозили, а представители партийно-государственного аппарата стали открыто высказывать взгляды, что реформа была результатом давления улицы во время событий 1980-1981 гг. и противоречит принципам социализма.

К 1986 г. произошла стабилизация переходного, гибридного хозяйственного механизма, в котором сосуществовали механизмы старой и новой системы, нередко противоречившие друг другу. В 1985–1986 гг. в форме “ручного управления” – инструкций, совещаний, дотаций, льгот, правительственных заказов – стала восстанавливаться прежняя директивно-административная система. Самое главное, отсутствовал перелом в двух ключевых областях: структуре, функциях и роли государства в экономике и использовании товарно-денежных отношений. В обеих этих областях сохранялись механизмы, типичные для централизованной рыночной экономики.

Одновременно развернулись реформы в области политики. Они были направлены на либерализацию “коммунистического” режима в рамках “развития социалистической демократии”. Получили, в частности, право на жизнь различные институты так называемой прямой демократии (консультации с общественностью при принятии важнейших решений и законопроектов, референдум, систематическое зондирование общественного мнения). Именно в Польше после отмены военного положения 22 июля 1983 г. впервые в Восточной Европе стали культивироваться элементы гласности. Правительство, ПОРП стремились действовать “при открытом занавесе”: оповещали население через средства массовой информации о своих программах и планах работы, о ходе их реализации. Стенограммы пленумов ЦК ПОРП и заседаний сейма начали печататься в доступных широкому читателю изданиях. Пресс-секретарь правительства еженедельно организовывал для иностранных и польских журналистов брифинги, в ходе которых освещались различные вопросы внутренней и внешней политики.

Для упрочения законности и укрепления гарантий прав и свобод граждан в Польше были созданы неизвестные прежде в социалистических странах Европы институты – Главный административный суд, Государственный и Конституционный суды, институт общественного представителя по гражданским правам. Расширили роль так называемых союзнических партий – Объединенной крестьянской партии (ОКП) и Демократической партии (ДП) в определении политики, управлении государством. Эти изменения получили название коалиционного способа осуществления власти. Широкой платформой объединения сторонников правившего режима стало Патриотическое движение национального возрождения.

Однако те изменения, на которые были способны партийные реформаторы, уже не соответствовали возросшим запросам и устремлениям большинства польского общества, находили в нем слабый отклик. В 1986 г. социально-экономическая ситуация в стране стала ухудшаться. Партийные реформаторы заговорили о “новом этапе социалистического обновления”, “втором этапе экономической реформы”. Практически весь 1987 г. прошел под знаком подготовки второго этапа экономической реформы, главную цель которого определили как создание современного народного хозяйства. К ключевым целям были отнесены: последовательное высвобождение, поддержка и распространение предприимчивости; углубление перестройки управления и руководства народным хозяйством; достижение сбалансированности экономики. Предусматривалось изменение роли государства, которое раньше должно было за все отвечать, распределять все и для всех. Теперь его задача виделась прежде всего в создании условий для того, чтобы каждый гражданин желал и мог полностью реализовать свои возможности с пользой для себя и общества. В целом второй этап экономической реформы представлял собой не что иное, как новый шаг на эволюционном пути к рынку.

При этом правительство З. Месснера отдавало себе отчет в том,

что ускорение реформы, особенно в области цен и доходов, не может не вызвать роста социальной напряженности в стране. Оно предложило вариант форсированного роста цен (на потребительские товары и услуги на 40%, на продовольствие – на 110%, квартплату и тарифы на тепло- и энергоснабжение жилья на 140–200%), с тем чтобы начать второй этап экономической реформы с более или менее сбалансированным внутренним рынком и госбюджетом.

Осень–зима 1987 г. и первая половина 1988 г. прошли в стране под знаком обострения проблемы цен. В связи с тем, что их повышение неоднократно в прошлом вело к резкому усилению социальной напряженности, было принято решение о выборе варианта политики в этой области на основе результатов всепольского референдума. Он был проведен в ноябре 1987 г. На референдум были вынесены два вопроса: “1) Выступаешь ли ты за полную реализацию внесенной сеймом программы радикального оздоровления экономики с трудным двух-трехлетним периодом быстрых перемен. 2) Поддерживаешь ли ты польскую модель глубокой демократизации политической жизни, целью которой является укрепление самоуправления, расширение прав граждан и увеличение их участия в управлении страной?” При этом было заявлено, что референдум будет признан действительным, если более половины граждан, имеющих право голоса, позитивно ответят на его вопросы. Несмотря на призывы Л. Валенсы к бойкоту референдума, явка составила 67,3%. Позитивно на первый вопрос ответили 66% проголосовавших, на второй – 69%. (Однако, принимая во внимание всех имеющих право голоса, – 44 и 46%.)

Стало очевидным, что без расширения политической базы власти, т.е. соглашения с оппозицией, дальнейшие экономические реформы невозможны. Советская перестройка, учитывая расстановку политических сил в Польше, объективно способствовала либерализации общественно-политической атмосферы и ситуации в стране. Она внесла определенную дезориентацию как у партийных верхов, так и у оппозиции. Наиболее дальновидные политики с обеих сторон осознавали, что перемены в СССР повлекут за собой и изменения в Польше. 17 сентября 1986 г. министр внутренних дел Ч. Кищак заявил об освобождении из тюрем всех политических заключенных. Вышли на свободу 225 человек. Польша стала единственной страной Варшавского договора, в которой не стало политических заключенных. 29 сентября Л. Валенса создал Временный совет “Солидарности”, который функционировал открыто, хотя и был незаконной структурой. Вскоре заявил о восстановлении своей открытой деятельности исполнительный комитет “Солидарности” региона Мазовше.

6 декабря 1986 г. при председателе Государственного совета В. Ярузельском был создан Консультативный совет. Из 56 его членов три четверти составляли беспартийные, в том числе “народовец” М. Гертых, защитник деятелей оппозиции в политических процессах В. Сила-Новицкий, главный редактор журнала “Республика”, который выходил в подполье, М. Круль и др. Однако лидеры оппозиции отказались войти в его состав. В рамках Консультативного совета происходил свобод-

ный обмен мнениями по актуальным проблемам страны. Стенограммы обсуждений публиковались без вмешательства цензуры.

В течение 1987 г. разные группы оппозиции выходили из подполья, легализуясь де-факто и создавая различные клубы, организации, журналы и пр. В апреле состоялось первое публичное заседание правого Клуба политической мысли “Дзекания”. Чтобы обеспечить координацию этих групп оппозиции, в мае 1987 г. Л.Валенса пригласил 62 их представителя на встречу. Они собирались еще несколько раз, выдвигая требования проведения реформ в стране.

В октябре 1987 г. были распущены все прежние руководящие органы “Солидарности” и создана единая, функционирующая открыто Всепольская исполнительная комиссия. Этап подпольной деятельности фактически завершился. С 1 января 1988 г. власти прекратили глушение передач иностранных радиостанций на польском языке. В феврале в журнале “Конфронтанце” появилось интервью с видным деятелем оппозиции Б. Геремком, в котором он выступил с предложением заключить “антикризисный пакт” между властью и оппозицией.

В феврале и апреле правительство Месснера повысило розничные цены в среднем на 36%. Как и предполагалось, эта мера привела к усилению социальной напряженности в стране. Доходы в значительной степени вышли из-под контроля. Руководство некоторых предприятий увеличивало зарплату в размерах, которые превышали возможности, вытекающие из эффективности их производства. В результате доходы существенно превысили динамику цен и поставок на рынок. К маю 1988 г. стало ясно, что основные цели в области цен и доходов не достигнуты. Усилилась инфляция, произошло ухудшение рыночной ситуации.

В апреле–мае и в августе на некоторых предприятиях вспыхнули забастовки. Активизировались заводские комитеты “Солидарности”. Ч. Кицак вспоминает: “В конце концов я, человек некомпетентный в экономических вопросах, по поручению генерала Ярузельского поехал в Краков и Гданьск, чтобы оценить ситуацию, сложившуюся после забастовок, встретиться с трудовыми коллективами, с представителями общественности этих городов, а также с церковной иерархией. Оказалось, что источники конфликтов нельзя ликвидировать в один день. Барьеры не исчезли, реформирование экономики наталкивалось на препятствия, а чрезвычайные полномочия, предоставленные в мае 1988 г. правительству, дали совсем немного. В результате правительство Збигнева Месснера вынуждено было уйти в отставку”.

Стало очевидным, что возможности реформирования экономической и политической системы в рамках “реального социализма” были исчерпаны. Реформаторское крыло ПОРП оказалось перед дилеммой: или пустить все на самотек, или начать под своим контролем более основательную трансформацию политической и экономической системы. Второй путь предполагал открытие шлязов для оппозиции, ее включения в политическую систему. Однако де-факто он означал и отказ от руководящей роли ПОРП. В 1987–1988 гг. Комиссия по вопросам реформы государства, созданная руководством партии, подготовила про-

ект коренных политических реформ. Он предусматривал введение политического плюрализма, включение оппозиции во властные механизмы, установление парламентской демократии.

В начале августа 1988 г. варшавский Клуб католической интеллигенции под влиянием религиозных иерархов принял решение, чтобы его председатель А. Стельмаховский через секретаря ЦК ПОРП Ю. Чирека установил контакт с В. Ярузельским. Вскоре начались секретные консультации между Ч. Кищакком и секретарем ЦК ПОРП С. Чесоком, с одной стороны, и Стельмаховским и В. Силой-Новицким – с другой. 24 августа Чесоку была вручена записка, подготовленная Б. Геремеком и Стельмаховским, в которой предлагались темы для переговоров: профсоюзный плюрализм, “элементы общественно-политического плюрализма” и “антикризисный пакт”.

26 августа идея “круглого стола” обсуждалась на заседании Политбюро ЦК ПОРП, и предложение оппозиции было принято. Затем партийное руководство вынесло этот вопрос на консультативную встречу членов ЦК, что явилось полной неожиданностью для них. Один из членов ЦК с негодованием заявил, что вместо того, чтобы мужественно противостоять врагам социализма, руководство ищет с ними соглашения. Ч. Кищак десятилетие спустя вспоминал: “В 1988 г. очень немногие в партийных верхах видели необходимость переговоров с оппозицией. Узкая группа реформаторов опасалась, что очередной кризис в Польше... в конечном счете приведет к большому кровопролитию”³. Консерваторы в партии по-прежнему считали, что “есть палки и газ, в конце концов, и танки, которые уже решали любую проблему и решать будут дальше”⁴.

26 августа министр внутренних дел Кищак выступил с официальным предложением проведения “круглого стола” между правящей коалицией во главе с ПОРП и оппозицией. 31 августа на правительственной вилле он встретился с Валенсой. Хитрый лидер “Солидарности” в качестве свидетеля пригласил епископа Б. Домбровского, Кищак для равновесия – Чесока. В 1999 г. Л. Валенса, вспоминая то время, говорил о подстраховке, чтобы, дескать, его не обвиняли в измене, он позаботился иметь “во время важных переговоров всегда кого-то, кому можно было доверять, кто не вмешивался в дискуссию, – ксендзы, епископы”⁵. Встреча 31 августа была первым после 13 декабря 1981 г. официальным контактом представителей властей с оппозицией. 16 сентября на вилле Магдаленка под Варшавой собрался более широкий круг политиков от ПОРП, “Солидарности”, официальных профсоюзов, Объединенной крестьянской партии и Демократической партии. Во встрече приняли участие и представители католической церкви. Последние в лице Б. Домбровского, Г. Гоцловского, А. Оршулика участвовали во всех предварительных встречах, а затем в заседаниях “круглого стола” в качестве третьей силы, а не стороны. Они должны были быть своеобразным моральным гарантом соглашения, хотя на самом деле поддерживали оппозицию.

Лидер официальных профсоюзов А. Мёдович вызвал Л. Валенсу на “поединок” по телевидению, который состоялся 30 ноября. В ходе теле-

визионной дискуссии победил лидер “Солидарности”. В результате рейтинг “Солидарности” в польском обществе стал быстро расти. В декабре при председателе “Солидарности” был создан Гражданский комитет из 135 человек, который занялся подготовкой к “круглому столу”. В ответ радикальные лидеры “Солидарности” сформировали свою рабочую группу, объявив бойкот “круглому столу”.

Однако основные события развернулись внутри ПОРП. Путь к “круглому столу”, к политическому и профсоюзному плюрализму открыли решения X пленума ЦК ПОРП (декабрь 1988 г., февраль 1989 г.). Вторая его часть проходила после более чем месячного перерыва и в условиях нарастания критики линии руководства партии во главе с В. Ярузельским. В перерыве заседаний Ярузельский, Кищак, Сивицкий и Раковский заявили на политбюро о своем намерении уйти в отставку. После окончания перерыва Ярузельский проинформировал членов ЦК “о решении четырех”. Наступило отрезвление. Уход Ярузельского означал бы углубление политического кризиса в партии. В ходе дальнейшей работы пленума голосовался вотум доверия руководству партии. Только четыре члена ЦК воздержались, остальные проголосовали “за”. Пленум в своем решении высказался за включение в политическую систему конструктивной оппозиции.

Во время встречи в Магдаленке 27 января 1989 г. были обсуждены все детали, связанные с проведением “круглого стола” и одобрены основные направления политических реформ в стране. “Круглый стол” начал свою работу 6 февраля 1989 г. Намерения сторон продемонстрировали выступления Кищака и Валенсы. Первый требовал, чтобы “Солидарность” совершила “необходимую переоценку ценностей” и заявила, что намеревается “уважать конституционные реалии”, “вписаться в облик коренным образом реформируемого польского социализма”, подходить “к себе как к профсоюзу”. В вопросе политических реформ он предложил отход от “догм”, а также “всестороннюю дискуссию над моделью, структурой и принципами функционирования общественной жизни в Польше”. Конкретизацию такого подхода Кищак видел в идее “неконфронтационных выборов в сейм ПНР”. Результатом должен был стать новый парламент. Будучи “более плюралистическим”, последний внес бы изменения в Конституцию, нацеленные на гарантирование “нерушимости социалистических основ государства”. Новый парламент мог бы сформировать правительство, представляющее “широкую коалицию”⁶.

В свою очередь Л. Валенса заявил, что пришел конец “политической или общественной монополии”, что он ожидает “такой перестройки, которая государство одной партии превратит в государство всего народа и общества”. Он требовал легализации “Солидарности”. Валенса обещал поддержку экономической реформы, если она будет “истинной” и освободит экономику “от политической монополии номенклатуры”, если “представит равные права всем типам собственности и восстановит законы рынка”⁷.

Обсуждение конкретных проблем велось в рамках рабочих групп. Их было три: по вопросу профсоюзного плюрализма, экономики и

социальной политики и политических реформ. В целом в разных формах работы “круглого стола” приняли участие 452 человека. Правящая коалиция стремилась сделать оппозицию ответственной за дела в государстве и экономике при сохранении контроля власть предержащих за ходом общественных процессов. Оппозиция же хотела получить как можно больше контроля за деятельностью власти. Заключительное заседание “круглого стола” состоялось 5 апреля. Выработанные в ходе его работы соглашения по своей сути предусматривали политические и экономические преобразования в рамках демократического социализма, проводимые эволюционным мирным путем. В ходе социологического опроса, проведенного в мае, на вопрос, в чем должен состоять смысл общественно-политических перемен в Польше, 22,4% респондентов ответили, что в реформе существующей модели социализма, 38,6% – во введении новой модели социализма, 22,4% – в отказе от социалистического строя, 17,3% опрошенных не дали ответа⁸.

В документе “круглого стола” под названием “Позиция по вопросу политических реформ” общей целью правящей коалиции и протестного движения объявлялась “независимая, суверенная, безопасная равноправными союзами, демократическая и сильная в экономическом отношении Польша”⁹. Будущая политическая система предполагала в своей основе следующие принципы: политический плюрализм, свобода слова, демократический порядок формирования всех правительственных органов государственной власти, независимость судов, сильное, обладающее полнотой прав и свободно избранное территориальное самоуправление. “Эти принципы, как записано в документе, – должны были определить дальнейшую политическую эволюцию”¹⁰. Ближайшими реформами объявлялись: реализация принципа профсоюзного и общественного плюрализма (прежде всего новая регистрация верховным судом “Солидарности”), признание права политической оппозиции на легальную деятельность, новый закон об общественных объединениях, начало реформы права и судебной системы, расширение свободы слова, а также существенная демократизация принципов выбора представительных органов. Основой демократизации структур на всех уровнях государства объявлялось разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Предусматривалось введение новой палаты парламента – сената и учреждение поста президента с большими полномочиями.

При этом предполагалось сохранение контроля за упомянутыми преобразованиями со стороны партийных реформаторов. В соответствии с решениями “круглого стола” ПОРП должна была получить в сейме 38% мест (и вместе со своими союзниками – Объединенной крестьянской партией, Демократической партией и светскими католическими организациями 65%). На 35% мест были объявлены свободные выборы. Они предназначались для “беспартийных кандидатов, выдвинутых независимыми группами граждан”¹¹, т.е. оппозицией. Выборы в сенат были свободными. В Магдаленке согласовали, что президентом станет В. Ярузельский. Однако последующее развитие событий показало, что все эти политическо-арифметические построения были

лишь иллюзиями, поскольку не учитывали возросшей остроты противоречий и дальнейшего падения авторитета ПОРП и органов власти в обществе.

Теперь признается, что в отличие от программы политических реформ “Солидарность” не располагала четкой программой экономических преобразований. По мнению одного из участников переговорного процесса, крупного экономиста З. Садовского, “экономический стол” “круглого стола” не имел большого значения. В его решениях была выражена лишь добрая воля обеих сторон... То, что было записано в экономической программе, было записано. Не думаю, что кто-нибудь серьезно считал, что эти требования будут реализованы”¹². Однако последнее касалось таких разделов, как улучшение снабжения рынка и условий жизни населения, защита населения от последствий инфляции и пр. Они не учитывали реального состояния польской экономики и носили популистский характер.

Вместе с тем надо привести и другое мнение. Документ “круглого стола” под названием “Позиция по вопросу социально-экономической политики и системных реформ” содержал, как подчеркивал руководитель “экономического столика” со стороны правившей тогда коалиции В. Бака, “концепцию социально ориентированной рыночной экономики, которая обеспечивала полное самоуправление и широкие социальные права трудящихся”¹³. Новый экономический порядок предусматривал: развитие самоуправления трудовых коллективов, свободное формирование структуры собственности, развитие рыночных отношений и конкуренции, ликвидацию остатков директивной системы и ограничение центрального планирования экономической политикой государства, реализуемой при помощи экономических инструментов, проведение единой финансовой политики в отношении предприятий, подбор руководящих кадров на предприятиях в соответствии с критерием профессиональной компетентности¹⁴.

17 апреля парламентские выборы были назначены на 11 и 18 июня. 20 мая верховный суд в Варшаве вновь зарегистрировал “Солидарность”, которая в ходе избирательной кампании заняла наступательную позицию. “Солидарность” активно поддерживала католическая церковь. Сторонники Валенсы решили выйти на выборы единым фронтом. Роль политического, избирательного штаба играл Гражданский комитет при председателе “Солидарности”. Он же подбирал и выдвигал кандидатов. В конце апреля все кандидаты от Гражданского комитета, встретились в Гданьске с Л. Валенсой и каждый из них с ним сфотографировался. Эти фотографии были вывешены в избирательных округах и служили ориентиром для избирателей. Тем самым ставился заслон кандидатам, выдвинутым другими группами оппозиции.

ПОРП же вела себя пассивно, полагая, что она уже и так обеспечила себе относительное большинство в сейме на основе соглашений “круглого стола”. Это оказалось серьезным тактическим просчетом. В первом туре парламентских выборов (4 июня) явка избирателей составила 62,7%. Успех был на стороне оппозиции. Из 161 места в сейме

она выиграла 160. В сенате “команда Валенсы” получила 92 места из 100. Из 299 мест правящая коалиция в первом туре заняла только пять. Из 35 кандидатов правящей коалиции, которые шли по всепольскому избирательному списку, а в нем была вся верхушка реформаторов из ПОРП и союзнических партий, прошли только два кандидата. Такого рода партийный список в масштабах всей страны характерен для пропорциональных выборов и для его прохождения в парламент отнюдь не нужно более 50% голосов всех избирателей, принявших участие в голосовании. Однако реформаторам ПОРП не хватило воображения, и в результате они не попали в сейм.

Первый тур выборов в обществе был воспринят как триумф “Солидарности” и поражение правящей коалиции, что вызвало эйфорию у оппозиции и панику в лагере власти. Во втором туре (18 июня) явка избирателей составила только 25%. “Солидарность” завоевала дальнейшие семь мест в сенате (99 из 100) и оставшееся одно место в Сейме. Правящая коалиция получила все причитающиеся ей места и завоевала одно место в сенате.

Результаты парламентских выборов изменили общественно-политические настроения и ситуацию в стране. Они сыграли роль неформального плебисцита “за или против коммунизма”. ПОРП потерпела поражение. Создались условия прихода к власти оппозиции на четыре года раньше, чем предусматривалось соглашениями “круглого стола”.

23 июня депутаты сейма и сенаторы от оппозиции создали фракцию – Гражданский парламентский клуб. 3 июля в “Газете wyborczej” появилась статья А. Михника “Ваш президент, наш премьер”. 19 июля Национальное собрание (общее заседание сейма и сената) большинством в один голос избрало В. Ярузельского президентом. Последний предложил на пост премьера-министра Ч. Кищака, который и был назначен сеймом на эту должность 2 августа. Оппозиция не могла согласиться с тем, чтобы во главе государства стояли два генерала. Ее представители отказались войти в состав правительства Кищака. Л. Валенсе удалось расколоть прежнюю коалицию ПОРП с Объединенной крестьянской и Демократической партиями и заручиться поддержкой этих партий. 21 августа президент предложил кандидатуру советника лидера “Солидарности” Т. Мазовецкого. Управление страной перешло в руки антикоммунистических сил, которые и возглавили процесс революционных перемен. Реальный социализм окончательно потерпел в Польше поражение и стал историей. Стране предстояло развиваться по пути демократии и рыночной экономики.

После “круглого стола” прошло десять лет. Подавляющее большинство как политических элит, так и всего общества оценивает его как способ мирного выхода Польши из “коммунизма”. Теперь поляки живут значительно лучше, чем десять лет назад. Польша является лидером экономических преобразований в Центрально-Восточной Европе. В стране окрепла парламентская демократия. Консенсус “круглого стола” позволил найти место в новой системе и людям, связанным с предыдущим строем, и новым социальным группам. Тем самым “круглый стол” получил общественное признание и поддержку.

- ¹ Цит. по: *Fijakowska B., Godlewski T.* Polskie dylematy polityczne. 1939–1995. Olsztyn, 1996. S.176.
- ² *Majcherski J.* Pierwsza dekada III Rzeczypospolitej. 1989–1999. W-wa, 1999. S.8.
- ³ Ibid. 1999. N 6. S.4.
- ⁴ Ibid. S.6
- ⁵ Ibid.
- ⁶ *Życie Warszawy.* 1989.7.02.
- ⁷ Ibid
- ⁸ *Nowe Życie Gospodarcze.* 1999. N 21. S.43.
- ⁹ Porozumienia Okragłego Stołu. Olsztyn, 1989. S.5.
- ¹⁰ Ibid. S.6.
- ¹¹ Ibid. S.8.
- ¹² *Nowe Życie Gospodarcze.* 1999. N 21. S.4.
- ¹³ Ibid. S.43.
- ¹⁴ Porozumienia... S.24.

К ВОПРОСУ О РОЛИ “КРУГЛОГО СТОЛА” В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

“Круглый стол” повсеместно трактуется как способ мирного перехода от “коммунистического тоталитаризма” к демократии. На мой взгляд, такая трактовка не выдерживает критики. Во-первых, ленинско-сталинский тоталитаризм никогда не был имплантирован в нашу страну полностью¹. Во-вторых, эрозия польского его варианта, разумеется, весьма облегченного по сравнению с советским прототипом, продолжалась в течение нескольких десятилетий. Поэтому о тоталитарном характере действовавших в 80-е годы структур ПНР и общественного сознания страны можно говорить разве что как о журналистском стереотипе, который используется или для принижения уровня эксклюзивности некоммунистических группировок на политической сцене III Речи Посполитой, или, напротив, для возвышения на этой сцене роли римско-католического костела, который один лишь якобы идейно-политически постоянно противостоял влиянию ПОРП². На самом же деле в 80-е годы в Польше был не только полуторагодовой период военного положения, но куда более длительный период почти неограниченного функционирования свободы слова, демократических выборов руководства всех общественных организаций, повсеместного соблюдения таких ценностей, как достоинство личности и гражданская солидарность. Следовательно, Польшу 80-х годов никак нельзя считать принадлежавшей к тоталитарным структурам, и в данной статье как раз и предпринимается попытка показать неправомерность утверждения, что непосредственным результатом заседаний “круглого стола” явилось введение демократии.

* * *

Для начала все же следует обратиться к концепциям тоталитаризма. В качестве его важнейших характерных черт, по мнению Ж. Линца, предстают: 1) монистический центр осуществления власти, контролирующий с помощью репрессивно-силовой системы все государственные институты и все разрешенные этим центром общественные объединения и организации; 2) специфическая идеология, претендующая на исключительность в определении смысла истории, воздвигающая свои запретительные барьеры в интерпретации действительности и называемая А. Безансоном и др. “политической эсхатологией”; 3) наличие в партийно-государственной структуре эффективных мобилизационных механизмов, способных к динамичной передвижке в интересах правящей верхушки больших групп населения³.

Ни один из этих критериев нельзя считать применимым для Польши 80-х годов. После введения 13 декабря 1981 г. военного положения

предпринимались попытки преобразовать “Солидарность” в подчиненную ПОРП структуру, но этот замысел реализовать не удалось. Как не удалось и уничтожить конспиративные структуры “Солидарности” не только с точки зрения массовости общественного сопротивления (в 1982 г. около 1 млн человек), но и с учетом неприменения уже в это время повсеместных радикальных репрессий. Самый суровый приговор в 80-е годы за политическую деятельность – тюремное заключение сроком на 12 лет, а убийство ксендза Ежи Попелушко 19 октября 1984 г. закончилось колоссальным скандалом в верхах и осуждением непосредственных исполнителей – четырех офицеров службы безопасности.

Марксистско-ленинская талмудистика исключалась из партийной пропаганды в пользу национально-государственной идеологии. Причиной подобных манипуляций стал не только огромный рост уровня политической зрелости польского общества (несколько миллионов человек были постоянными читателями печатавшихся нелегально книг и периодических изданий). Это также явилось результатом свойственного практически всем деятелям партийно-государственного аппарата понимания неадекватности, просто беспомощности советского новояза в попытках объяснения с так называемых классовых позиций, например, повсеместно известного факта огромной (свыше 80%) поддержки “Солидарности” рабочими.

Неудивительно, что официальные шествия по случаю праздника труда 1 мая и в 1982 и в 1983 гг. не отличались в больших городах такой массовостью, как организованные нелегальной еще тогда “Солидарностью”. Из этого же, кстати, ряда и тот факт, что на референдуме, организованном властями в 1987 г. для придания законной силы туманно очерченным реформам, не было получено половины имевших право голоса, требовавшейся для одобрения этих реформ. Это стало свидетельством не только отступления от замысла, но и существенного снижения уровня формальной легитимности всей коммунистической системы.

Этому негативному для власть предержащих процессу способствовал распад ПОРП. С августа 1980 до конца 1982 г. правящую партию покинул 1 млн человек, что составляло около 1/3 общей ее численности. Данный процесс, хотя и не столь интенсивно, продолжался и позднее. Так, с января 1984 до начала 1986 г. из рядов ПОРП вышли около 190 тыс. человек. Систематически уменьшался процент в партии молодежи, т.е. ее членов моложе 30 лет, а также жителей наиболее урбанизированных воеводств⁴. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что функционирование многих партийных организаций, например, в учебных заведениях, превращалось в бюрократическую фикцию.

Таким образом, можно поддержать наблюдение Я.Станишкис⁵, согласно которому в Польше в 80-е годы мы имели дело с омертвевшей, окостеневшей тоталитарной структурой, которая уже не могла функционировать в соответствии с правилами, характерными для подобных систем. Эта структура все больше преобразовывалась в типично авторитарную (выборочный террор, рост уровня общественной апатии) при господстве военно-бюрократической номенклатуры. Однако постоян-

ное существование независимых от государства оппозиционных структур при все возраставшей поддержке альтернативных идеологических замыслов и в условиях неотвратно снижавшейся легитимности коммунистического правления объективно усиливали нестабильность всей системы. Парадоксально, но перестройка Горбачева, которого, впрочем, явно поддерживала команда генерала Войцеха Ярузельского, только способствовала нестабильности власти. Следует подчеркнуть, что перемены в СССР впервые за многие десятилетия давали шанс увеличить степень независимости Польши от Кремля: становилось реальным осуществление модели “финляндизации”.

Руководство подпольной “Солидарности”, принявшее в 1982 г. стратегию “длительного марша”, а следовательно, строительства независимого от структуры власти общества (посредством развития собственной прессы, некоммунистического образования, культуры и т.д.), должно было принимать в конце десятилетия во внимание новые элементы ситуации. На общественную сцену вступало молодое поколение – нетерпеливое, более радикально и решительно антикоммунистически настроенное. Иными словами, возрастала опасность фронтального столкновения с властями. И надо сказать, что обе стороны отдавали себе в этом отчет. Налицо было понимание необходимости, во-первых, преодоления состояния взаимной враждебности, а во-вторых, создания таких механизмов и институтов, которые могли бы эффективно противодействовать фронтальному общественному столкновению.

Первым значительным сигналом такого понимания стало интервью с проф. Б. Геремек (принадлежавшим к узкому кругу советников Л. Валенсы), опубликованное в 1988 г. во втором номере ежемесячника “Конфронтаць”. Герemek предлагал властям легализовать профсоюзный плюрализм (а следовательно, признать “Солидарность”) взамен на признание оппозицией руководящей роли ПОРП (т.е. согласие на ограниченную монополию коммунистов в области внешней и оборонной политики и представительской системы)⁶. В соответствии с этим предложением всю сферу общественной жизни предполагалось разделить на две части: государственную, подчиненную ПОРП и брежневской доктрине “ограниченного суверенитета”, а также гражданскую, в которой действовали бы принципы свободы объединения, слова, собраний и печати. Обе сферы могли бы решать свои споры в рамках совместных квазипарламентских институтов.

Вначале реакции властей не последовало. Первые симптомы готовности к переговорам между представителями руководства государства и Л. Валенсой появились на нескольких металлургических предприятиях и Гданьских судоверфях в ходе апрельско-майских забастовок⁷. Однако В. Ярузельский избрал в тот момент вариант использования полицейских сил против забастовки на шахте им. Ленина в Кракове (5 мая 1988 г.). Возобладало мнение, что еще слишком рано начинать переговоры⁸. В то время считали, что в официальные политические структуры удастся вовлечь умеренные круги солидаристской оппозиции. Речь шла об организации процесса расширения общественной поддержки властей, который начался с создания в 1986 г. Консультативного

Совета при Председателе Госсовета (т.е. при Ярузельском), включавшего, в частности, ряд независимых интеллектуалов. Однако в 1988 г. оппозиция нацеливалась уже на гораздо большее, чем свобода слова для избранных лиц. Наиболее важной уступкой ПОРП стало согласие на значительное расширение содержания принципа свободы объединения. Приняли коммунисты также требование создания коалиционного правительства с участием оппозиции⁹. Но важнейшее ее требование – легализация “Солидарности” – принято не было.

Конец тупику положили августовские стачки, охватившие 14 шахт, Щецин, Гданьск и Гуту в Сталёвой Воле¹⁰, главным лозунгом которых стал: «Нет свободы без “Солидарности”». 31 августа, после серии заявлений, состоялась первая встреча Л. Валенсы и генерала Ч. Кищака, министра внутренних дел, назначенного главным для ведения переговоров с “Солидарностью”. Обе стороны выразили готовность начать встречи за “круглым столом”. Валенса обязался прекратить забастовки, однако в ключевом вопросе о легализации “Солидарности” соглашения достигнуто не было¹¹. Валенсе действительно (хотя и с трудом) удалось добиться окончания забастовок; при этом был расширен состав участников переговоров и их перенесли в более уединенное место – Магдаленку под Варшавой, но дело все же продвигалось медленно.

Отставка правительства Зб. Месснера и назначение на пост премьера М. Раковского свидетельствовали о радикальном изменении народно-хозяйственной политики. Вводился принцип свободы экономической деятельности (отказ от концессии в пользу регистрации), было легализовано хождение иностранной валюты и ускорен процесс номенклатурной приватизации, т.е. присвоения государственного имущества функционерами партийно-государственного аппарата, а также представителями директорского корпуса. Соглашение с оппозицией могло только помешать этой “прихватизации”. И поэтому нет ничего удивительного в том, что, несмотря на неформальные встречи, не принимались какие-либо решения, а напротив – накапливались трудности.

Переломным моментом оказалась состоявшаяся 30 ноября 1988 г. телевизионная дискуссия в прямом эфире между шефом Всепольского соглашения профсоюзов (ВСПС), членом Политбюро ЦК ПОРП А. Мёдовичем и Л. Валенсой. Данная дискуссия была воспринята как признание властями того факта, что лауреат Нобелевской премии мира 1983 г. перестал быть частным лицом. А это тотчас же привело к изменению имиджа как Валенсы, так и “Солидарности” среди значительной части общественной базы аппарата власти¹². Тем самым отсутствие решительных действий в пользу соглашения с “Солидарностью” еще более ускоренным темпом, чем раньше, повело к утрате и так весьма незначительной поддержки власть предержащих со стороны общества. А в связи с тем, что на сотнях предприятий уже фактически открыто действовали комиссии “Солидарности”, неуступчивость коммунистов по вопросу признания последней по существу добровольно обрекала общество на дрейф в направлении политической катастрофы. Наиболее четко это сформулировал Раковский в ходе второй части X Пленума ЦК ПОРП в январе 1989 г.: “Взрыв недовольства может

принять размеры, которые перечеркивают шансы достижения какого-либо прогресса в области реформирования экономики, а следовательно, и социализма”¹³. Теперь гораздо большую угрозу представляло отсутствие соглашения с “Солидарностью”, чем ее легализация.

Решение X Пленума ЦК ПОРП на снятие “в условиях национального соглашения ограничений на создание новых профсоюзов”¹⁴ означало, что “Солидарность” с юридической точки зрения не будет считаться преемницей послеавгустовского независимого и самоуправляемого профсоюза. Следовательно, данный вариант считался наиболее приемлемым из всех возможных вариантов согласия на легализацию “Солидарности”. Так или иначе, но это решение было признанием важнейшего требования “Солидарности”. Оставалось, таким образом, согласовать детали общественного контракта.

Сразу же после Пленума ЦК в Магдаленке состоялась подготовительная встреча. Было согласовано, что важнейшей задачей “круглого стола” будет установление формулы неконфронтационных выборов. Речь шла о проведении таких парламентских выборов, в которых не будет соперничества за мандаты, а точнее – значительная часть мандатов заранее достанется ПОРП и ее союзникам. Представители “Солидарности” в свою очередь отказались от предложения участвовать в общепольском избирательном списке, в который вносились представители обеих сторон. Тем самым отрицался смысл создания коалиции, а впоследствии и правительства, в состав которого предполагалось включить представителей “Солидарности”. Следовательно, еще до начала формальных переговоров было предопределено, что возвращение к модели правительства национального единства, реализованной в Польше в 1945–1947 гг., невозможно.

Открытие заседаний “круглого стола” состоялось 6 февраля 1989 г. в тогдашней резиденции Совета Министров в Краковском предместье, т.е. в центре Варшавы. Открывая заседания, генерал Кищак ясно сформулировал принцип “что-то за что-то”. За согласование идеи неконфронтационных выборов и поддержку политических и экономических реформ он обещал “Солидарности” принять решение, отменяющее блокаду профсоюзного плюрализма¹⁵. Валенса, выступавший сразу же после Кищака, одобрил все программные и организационные предложения предыдущего оратора. Это означало подтверждение договоренностей, заключенных в Магдаленке.

Огромное значение имели дебаты в трех рабочих комиссиях: экономической, политической и профсоюзной. Кроме того, было создано 11 подкомиссий, а также большое количество групп; в целом же в заседаниях приняли участие 452 человека¹⁶.

Переговоры длились восемь недель, вплоть до последнего дня перед подписанием окончательного соглашения 5 апреля. Одной из главных проблем явился вопрос индексации заработной платы в связи с объявленным отказом правительства от фиксированных цен на продовольствие. Этот вопрос превратился в поле ожесточенной борьбы между ВСПС и “Солидарностью”, выступавшей в роли профсоюза. При прогнозирувавшейся инфляции в несколько сот процентов борьба фак-

тически касалась масштабов влияния среди рабочих. Вопросами, дискутировавшимися в течение длительного времени, были также закон о выборах и сфера компетенции президента. Другой проблемой, вызывавшей противоречия, стало соотношение между Сеймом и сенатом. Выборы в высшую палату парламента должны были быть полностью демократичные. Следовательно, с расширением полномочий сената увеличивалась бы и сфера влияния общественности на формирование законности.

В конце концов 5 апреля были подписаны соглашения “круглого стола”; уже 7 апреля согласованные положения об изменении строя принимаются Сеймом, а 17 апреля легализовалась “Солидарность”. Таким образом, в соответствии с договоренностью 65% мест (т.е. 299 мандатов) в Сейме заранее гарантировались для членов ПОРП, а также ОКП и ДП как сателлитных партий и еще трех проправительственных организаций, именовавших себя христианскими. Поскольку борьбу за эти мандаты могли вести только кандидаты, назначенные соответствующим руководством вышестоящих организаций, оставшиеся 35% (161 мандат) подлежали принципу свободных выборов. Предвыборную борьбу в данном случае должны были вести кандидаты, собравшие 3 тыс. подписей граждан, имевших право голоса. Это означало согласие на обладание исполнительной властью ПОРП и ее многолетними сателлитами.

Верхняя палата парламента – сенат – состояла из 100 человек, избираемых по два представителя от каждого воеводства, а от двух наиболее населенных (Катовицкого и Варшавского) – по три. Получалось, что сенаторы из небольших аграрных воеводств, в которых позиции “Солидарности” были слабы, будут более многочисленны, чем избранные в сильно урбанизированных воеводствах. Однако выборы в сенат должны проходить на свободной основе. К тому же эта палата получала право вето в отношении постановлений, принятых Сеймом, которые могли быть отклонены большинством в 2/3 голосов. Демократическое, хотя и избранное на непропорциональных выборах, представительство народа, заставляло таким способом правящее большинство заключить компромисс, по крайней мере, с частью депутатов, избранных в рамках 35% резерва мандатов.

Новым институтом стал также пост президента, избираемого на шесть лет Национальным собранием (Сейм и сенат). Таким образом, право избирать президента было признано за 299 депутатами, избранными из резерва мандатов ПОРП и ее сателлитов, поскольку они составляли более 50% из 560 (460 депутатов + 100 сенаторов) членов Национального собрания. Президент получил право законодательного вето (преодолеваемого Сеймом большинством в 2/3 голосов) и роспуска в определенных случаях Сейма. Помимо этого в его компетенцию входило верховное командование вооруженными силами, контроль за внешней политикой и безопасностью государства. Президент, следовательно, должен был стать гарантом нерушимости так называемых международных союзов, а значит, зависимости Польши от КПСС.

В результате возникла сложная конструкция политической систе-

мы, главная задача которой – создание механизма, вынуждающего обе стороны общественного конфликта 80-х годов постоянно заключать компромиссы и соглашения. В важнейший институт согласования политических действий превращался Сейм. Тем самым центр государственной власти перемещался из ЦК ПОРП в здание Сейма. Президент и сенат в этой конструкции выполняли роль стражников и блокирующих невыгодные решения для какой-либо из сторон или склоняющих их к очередной попытке соглашения. Следовательно, эта система обеспечивала ПОРП монополию на осуществление исполнительной власти при одновременном вмонтировании механизмов, защищающих от нагромождения конфликтов без возможности их институционального решения, а также заставляющих обе стороны взаимно признавать собственное существование. Цель подобной системы – политическая стабилизация, обеспечение этой системе квазидемократической легитимации, а тем самым гарантия ПОРП доминирующего места в политической и социальной структуре. Речь шла о предотвращении сценария ликвидаторской конфронтации между ПОРП и “Солидарностью”, реализованной генералом Ярузельским в 1981 г.

Итак, соглашения “круглого стола” были ничем иным, как приданием общественно-институциональной формы политической системе, функционировавшей в Польше в течение всего десятилетия 80-х годов. ПОРП отказалась от окостеневшей тоталитарной структуры и совместно с “Солидарностью” сформировала авторитарную политическую систему. Правда, контракт “круглого стола” в этом понимании сохранился только до выборов 4 июня 1989 г. После них оказалось, что кандидаты от “Солидарности” получили все (кроме одного сенаторского) возможные мандаты. Сателлитные партии с целью собственного выживания должны были выказать послушание в отношении ПОРП. Сама же эта партия начала стремительно рассыпаться и в конце концов из двух миллионов в январе 1990 г. в ней осталось только 60 тыс. членов, образовавших новую партию левой ориентации. Без согласия “Солидарности” нельзя было избирать президента. Единственный выход заключался в передаче портфеля премьера кандидату “Солидарности” в обмен на пост президента для генерала Ярузельского. Передача портфеля премьера Т. Мазовецкому и формирование последним первого за послевоенную историю страны некоммунистического правительства стало своего рода знаковым импульсом для всей Центральной и Юго-Восточной Европы. Соглашение, известное под лозунгом “ваш президент, наш премьер”, тоже продержалось недолго, только до второй половины 1990 г., когда состоялись первые всеобщие президентские выборы.

Таким образом, польский “круглый стол” – это не переход от коммуно-тоталитарной системы к демократии, а ключевой момент трансформации политической системы Польши из тоталитарной в авторитарную. Однако созданная польскими коммунистами совместно с антикоммунистической оппозицией политическая конструкция, учитывающая анахроничность всей партийно-государственной системы советского типа, ее крайнюю нефункциональность, а также высокий уровень

политической зрелости польского общества, оказалась чрезвычайно недолговечной. Следовательно, вопреки намерениям участников контракта, “круглый стол” все же объективно стал одним из важнейших этапов перехода, с одной стороны, от польского коммуно-тоталитаризма к демократии, а с другой – от квазиколониальной зависимости от КПСС к состоянию суверенности польского народа.

¹ *Bäcker R.* Totalitaryzm w Polsce lat 1948–1956 // *Czasy Nowożytne: Periodyk poświęcony dziejom polskim i powszechnym od XV do XX wieku.* 1999. T. VII. S. 7–16.

² *Raina P.* Droga do “Okragłego Stołu”: Zakulisowe rozmowy przygotowawcze. W-wa, 1999. S. 7.

³ *Linz J.* Totalitarian and Authoritarian Regimes // *Handbook of Political Science.* 1975. Vol. 3; *Bäcker R.* Gnoza polityczna systemu totalitarnego // *Bäcker R., Hubner P.* Skryte oblicze systemu komunistycznego. U źródeł zła... Warszawa. 1997.

⁴ *Morawski J.* Normalizacja partii rządzącej: powrót do biurokratycznej anarchii // *Krytyka.* 1987. N 23/24. S. 1–11.

⁵ *Staniszki J.* Ontologia socjalizmu. W-wa, 1989.

⁶ *Zakowski J.* Bronisław Geremek odpowiada, Jacek Zakowski pyta. W-wa, 1990. S. 10.

⁷ *Giełżyński W.* Gdansk. Maj 1988. Anatomia strajku. W-wa, 1988.

⁸ *Skórzyński J.* Ugoda i rewolucja. Władza i opozycja. 1985–1989. W-wa, 1995. S. 65.

⁹ *Raina P.* Op. cit. W-wa, 1999. S. 203.

¹⁰ *Garbacz D.* Strajk w Stalowej Woli 22 sierpnia–1 września. Stalowa Wola, 1989.

¹¹ *Dubiński K.* Magdalenka – transakcja epoki: Notatki z poufnych spotkań Kiszczak – Wałęsa. W-wa, 1990. S. 5–7.

¹² *Tajne dokumenty Biura Politycznego i Sekretariatu KC. Ostatni rok władzy 1988–1989.* Londyn, 1994. S. 196.

¹³ *Trybuna Ludu.* 1989. 18.01.

¹⁴ *Trybuna Ludu.* 1989. 20.01.

¹⁵ *Okragły stół. Cz. 1. Zeszyty Dokumentacyjne PAP. Seria monograficzna.* W-wa, 1989. N 7–8. R. XXIX. S. 260–261.

¹⁶ *Smoleński P.* Szermierze okragłego stołu. Zwątpienia i nadzieje. W-wa, 1989; *Okragły stół. Kto jest kim. “Solidarność”.* Biogramy. Wypowiedzi. W-wa, 1989.

Л.Б. Милякова

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ПОЛЬСКОЙ ОППОЗИЦИИ (1980–1989 гг.)

В концепциях польской оппозиции 80-х годов вопросы внешней политики, конечно, затрагивались, но они по преимуществу связывались с борьбой за изменение общественного строя в стране. Как правило, внешнеполитические цели определялись на переходный период – время, когда Польша добьется подлинного суверенитета, – и носили в значительной степени тактический характер. Весьма редко формулировались стратегические принципы польской внешней политики в расчете на будущее посткоммунистическое развитие. И тем не менее можно выделить три основных направления приложения внешнеполитических усилий. Первое по значимости – польско-советские (а в случае распада СССР – польско-российские) отношения. Второе – восточноевропейское региональное направление. Третье – отношения с Западом. И хотя чаще речь у польских авторов из оппозиционного коммунистам лагеря заходила применительно к внешней политике о прикладных вещах, все же многие из них отнюдь не чужды были концептуальных построений.

* * *

Подходы оппозиции к трактовке СССР были исключительно негативными: Советский Союз рассматривался в качестве враждебной силы, благодаря которой в Польше сохранился отвергавшийся большинством общества “коммунистический” режим¹. Оппозиция сознавала, что по причине неравенства потенциала Польша не могла оказать решающего влияния на СССР и содействовать осуществлению там необходимых демократических изменений. Расчет строился на возможности появления в самом Советском Союзе или же на международной арене факторов, которые могли способствовать изменениям в этом государстве. Среди них назывались такие, как самопроизвольный распад имперской державы или изменение принципов ее политики под воздействием экономической конкуренции со стороны Запада и т.д. Большинство же оппозиционных авторов сосредотачивалось на анализе развития самого Советского Союза, полагая, что только внутренние изменения могут стать основой эволюции внешней политики СССР². Суть предлагавшейся польской оппозицией тактики заключалась в том, чтобы нащупывать такого рода факторы прогнозирувавшихся изменений, “подключаться” к ним, используя их в интересах продвижения Польши к демократическим реформам.

Одно из наиболее ранних (по времени его появления) предложений оппозиции в отношении восточного соседа предусматривало налаживание непосредственных контактов с советскими лидерами минуя руководство ПОРП.

Еще в конце 70-х годов Ст. Киселевский, входивший в группу интеллектуалов, группировавшуюся вокруг журнала “Станьчик”, а позднее вошедший в оппозиционное “Движение реальной политики”, выступил со статьей “Утратила ли геополитика свое значение?”. В ней он предложил оппозиции “постараться достучаться до русских, чтобы показать им, что в случае возникновения международных осложнений геополитическим партнером для них в Польше не может быть слабая, непопулярная, некомпетентная власть..., что им (русским) следует расширить партнерскую базу...”³. В середине 80-х Киселевский повторил свои тезисы, приспособив их к тогдашней ситуации. При этом он исходил из определенных постулатов, таких, как сохранение на неопределенное время прежней международной системы, в целом удобной для Запада, а также из необходимости поиска возможностей для оппозиционной деятельности в этих условиях. Таким образом, исходный тезис Киселевского: оппозиция должна учитывать интересы России в процессе борьбы за изменение существовавшего в стране режима. Коммунистические лидеры утверждают, писал Киселевский, что господствовавший строй является необходимым условием существования у поляков собственного государства; любые же изменения приведут к оккупации страны. По мнению автора, такие утверждения нужны были польской партийной верхушке для сохранения власти и для поддержания “у русских” иллюзии, что польская “антирежимная” оппозиция (как ее характеризовал автор) является фактически “антирусской” оппозицией. В связи с этим Киселевский предлагал, с одной стороны, найти способ удостовериться, насколько был правдив тезис о существовании зависимости между сохранением польской государственности как условием сохранения в стране советского строя, а с другой – советовал оппозиции отказаться от всего, что могло спровоцировать обвинения в антироссийском характере ее деятельности. “Обязанностью... политической мысли (любого политика), – подчеркивал он, – является принятие факта, что мы останемся под (властью) России, и именно в “восточном направлении” оппозиция должна вести поиск путей эволюционного демократического развития страны⁴. Можно добавить, что в 1981 г. появилась известная декларация 35 польских интеллектуалов (ее подписали также и различные общественные организации), в которой от имени всего польского народа прокламировалось сохранение союза с СССР.

Предложения Ст. Киселевского широко критиковались. Авторы основных возражений признавали, что оппозиция не должна быть настроенной антироссийски (согласно их определению, русские являлись одним из первых покоренных коммунистами народов). Вместе с тем они считали, что оппозиция не может не быть антисоветской, т.е. антикоммунистической, и обязана стремиться к изменению геополитических реальностей в регионе и Европе в целом. Поэтому утверждали критики Киселевского, демократические преобразования в Польше неизбежно затронут европейские интересы СССР, приведут к их нарушению⁵. Эту точку зрения поддерживал в своих выступлениях Стефан Братковский, известный интеллектуал, примыкавший

к оппозиционному объединению Конверсаториум “Опыт и будущее”. В 1986 г. он отправил письмо генсеку ЦК КПСС⁶, а впоследствии Центральный Комитет Солидарности Работничей Социал-демократов” признал эти положения в качестве официальной позиции своего объединения.

Данную проблематику Братковский затронул впервые еще в 1982 г. Поддерживая идею установления контактов между польской оппозицией и советскими властями, он выступил с утверждением, что в республике существует возможность создания коалиционного правительства (конечно, при наличии оппозиционных партий, которые могли бы со временем появиться в стране). Это правительство должно было гарантировать Советскому Союзу сохранение его интересов в Польше по минимуму⁷. Позднее в других статьях он старался доказать, что для СССР не годится существовавший в стране союзник в лице ПОРП, которая в случае конфликтной ситуации не смогла бы, по его мнению, гарантировать безопасность коммуникаций и поведения “союзнической” польской армии.

Братковский признавал, что польское общество считает характер отношений с СССР неравноправным. (В то же время, замечал он, польскому обществу в своем социальном протесте и антиправительственных выступлениях не к лицу пользоваться антисоветскими и антирусскими лозунгами.) В заключение он выдвигал постулат о необходимости для СССР начать переговоры со всеми польскими политическими силами (исключая партию власти).

Если мнения упомянутых авторов, как и их критиков, строились на убеждении, что в случае заключения соглашения с советскими властями оно будет носить вынужденный тактический характер, то часть оппозиции объясняла необходимость союза с восточным соседом стратегическими соображениями, упирая на общность исторических корней и определенных интересов обоих государств. Согласно логике последних, русский народ, независимо от судьбы Советского Союза, останется соседом поляков так же, как украинский и белорусский народы, и в силу прежде всего геополитических причин поляки должны будут ориентироваться на отношения добрососедства с Россией. В связи с этим Польше в будущем, после получения ею подлинного суверенитета, тоже следует продолжать союзнические связи с Российской Федерацией. Сторонники этой позиции ссылались на исторические примеры, доказывая, что существует возможность союзничества России и Польши при наличии в них различного общественного строя⁸. В целом же подобная позиция предусматривала реализацию демократической программы реформ внутри собственной страны и поддержание нормальных добрососедских отношений с Россией.

Иных взглядов придерживались представители немногочисленной в тот период части оппозиции, отрицавшей разделение Европы на сферы влияния в результате ялтинских договоренностей. Пожалуй, впервые они были высказаны в воззвании “Карта-84”, которое адресовывалось к странам-участницам ялтинской конференции и являлось протестом против ее решений. В связи с этим в нем отрицалось право

Советского Союза на вмешательство в польские дела. Обращаясь к СССР, авторы “Карты-84” писали: “Ваше так называемое право держать Польшу в восточном блоке мотивируется тем, что оно вытекает из послевоенных реалий. Мы не считаем себя связанными решениями какой-либо конференции”⁹. Обращаясь к правительствам США и Англии, поставившим свои подписи под решениями Потсдамской конференции, составители “Карты-84”, к которым впоследствии присоединились авторы “Ялтинского воззвания” и КОСовцы, требовали, чтобы те заняли официальную позицию в вопросе возвращения полякам суверенного права самим решать проблемы внутреннего устройства и заключать союзы с государствами по собственному выбору и согласно собственным интересам. Один из авторов “Карты” в качестве “антиялтинской программы” предложил создать в Центральной Европе демилитаризованную зону (без войск и милиции), включающую Австрию, оба немецкие государства, Чехословакию и Польшу¹⁰.

Приведенные выше взгляды оценивались в оппозиционной прессе по-разному. Критики подобных концепций объясняли, что послевоенная ситуация – не столько результат конкретных договоренностей великих держав, сколько отражение реального соотношения сил в мире. В то же время они особо подчеркивали, что даже если польское протестное движение не имеет больших возможностей для воздействия на международную ситуацию в Европе, оно должно так или иначе доводить до сведения Запада свою точку зрения с тем, чтобы последний имел представление о внешнеполитических подходах польской оппозиции и мог их учесть в случае каких-либо серьезных изменений ситуации на континенте.

Вторым по значимости направлением внешнеполитических разработок, находившимся в центре внимания оппозиции, являлось восточно-европейское. В эти разработки включались и такие народы Советского Союза, как украинцы, белорусы и литовцы.

Обозначение столь широких рамок восточноевропейского пространства свидетельствовало о стремлении польской оппозиции налаживать сотрудничество с диссидентским движением не только близлежащих Венгрии, ГДР и Чехословакии, но и не упустить из вида Прибалтику и балканский субрегион. Только развитие такого сотрудничества через головы правящих партий и госорганов, полагали идеологи польской оппозиции, способно содействовать устранению существовавших в Восточной Европе антипольских стереотипов, в первую очередь в вопросе территориальных споров. Предложения по сотрудничеству выдвигались авторами, занимавшимися восточноевропейским направлением, прежде всего, в отношении народов, живших за восточной границей Польши (украинцев, белорусов, литовцев). Тем самым подчеркивалось, что именно они, а не русский народ, являются соседями и потенциальными союзниками в будущем для польского государства.

В основе концепций восточноевропейского сотрудничества лежало убеждение, что только скоординированные действия всех народов региона против Москвы могут ослабить советское господство. Подобные воззрения ставили, конечно, оппозицию в положение конфронтации с советскими властями, так как предложения по развитию сотрудниче-

ва с украинцами, белорусами, литовцами, в обход этих властей соседствовали с почти обязательными постулатами о необходимости совместной борьбы “за нашу и вашу свободу”.

На первом этапе средством сплочения восточноевропейских народов должно было стать налаживание контактов между эмигрантскими кругами и оппозицией внутри стран. С этой целью был начат диалог с наиболее организованной украинской эмиграцией, созданы нелегальные “Польско-чехословацкая Солидарность” (1982 г.), “Польско-венгерская Солидарность” (1987 г.). Основным в концепциях восточноевропейского сотрудничества являлся вопрос о формах и субъектах предлагавшейся интеграции. Постановка этого вопроса служила цели подготовки общественного сознания к необходимости изменения существовавшего в стране строя, популяризации предлагавшихся схем будущего развития страны. В ряде случаев авторы концепций готовили общество к восприимчивости идеи появления в регионе каких-либо федеративных образований. В восточноевропейское объединение, в зависимости от предлагавшихся форм интеграции, должны были войти различные страны и народы, но в качестве потенциальных союзников Польши во всех предложениях оппозиции фигурировали Украина, Белоруссия и Литва.

Так, в одной из концепций речь шла о “Содружестве Центрально-Восточной Европы” как форме образования в регионе сравнительно свободной федерации или конфедерации. Кроме Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии (с которыми Польшу связывали общие задачи освобождения от Москвы), в это объединение, по мысли ее авторов, должны были бы войти Чехословакия, Венгрия, Румыния и Югославия¹¹. Еще одна любопытная концепция предлагала варианты коалиции (с включением Польши, Украины, Белоруссии и Литвы) или же Центральноевропейской федерации (Польша, Венгрия, Чехословакия). Сторонники этой концепции рекомендовали обратить особое внимание на народы, не входившие ранее в польские внешнеполитические планы: словаков, лемков и лужичан¹². Один из крупнейших деятелей оппозиции, Бр. Геремек, говоря о федерализме, считал необходимым учитывать тот факт, что Польшу, с одной стороны, связывают с Литвой и Украиной католическая традиция, а с другой – с Венгрией, Чехией и Словакией общие цели завоевания суверенитета. Он считал, что при разработке программы сотрудничества между данными странами (при этом форма федерации не являлась обязательной) следовало учитывать обе данные тенденции¹³.

Концепции восточноевропейского сотрудничества получили в конце 1980-х годов дополнительную мотивацию. Налаживание регионального сотрудничества стало рассматриваться как необходимый этап, который должен был способствовать более органичному вхождению в будущем восточноевропейских стран, в том числе и Польши, в западноевропейские структуры. Кроме того, требования восточноевропейской интеграции, как противовеса мощи немецкого государства (или как защита от германской угрозы), звучали на протяжении всех 80-х годов, а в конце десятилетия, в связи с прогнозирувавшимся объединением Германии, они

только усилились¹⁴. Независимо от предлагавшихся форм будущего регионального сотрудничества, авторы названных концепций часто указывали, что границы при этом должны быть открыты как можно более полно, чтобы обеспечить гражданам право свободы передвижения.

Против подобного подхода к проблеме будущего межгосударственного сотрудничества выдвигалось немало возражений. Одно из них касалось вопроса о военно-экономической слабости потенциальных союзников Польши по региону. Согласно другому возражению, распад СССР не может отвечать интересам Польши, поскольку появившиеся в результате новые независимые государства, в первую очередь Украина, могут предъявить территориальные претензии к Польше¹⁵. Основным поводом отказа от дальнейшей более глубокой разработки этой концепции явилось стремление “не раздражать СССР”, содействуя общественно-политическим изменениям в его республиках. В связи с этим основные усилия оппозиции концентрировались на поиске путей и средств изменения существовавшего в Польше строя, т.е. на внутренних проблемах.

Проблематика политики Польши в отношении Запада относится к наименее разработанной в концепциях оппозиции. Большинство авторов принимало за аксиому положение, что с Западом Польша должна поддерживать дружественные отношения. Однако постулат о необходимости в недалеком будущем интеграции страны в западноевропейские структуры появился только в конце рассматриваемого периода. (Нечастые высказывания по этому вопросу отмечались и раньше, но они носили общий характер.) Однако позитивному подходу к проблеме интеграции с Западом мешало опасение, что при наличии значительной диспропорции в экономическом развитии Польша (в рамках Европейского сообщества) будет полностью зависеть от других стран¹⁶.

В большей части соответствующих публикаций превалировало убеждение, что западные страны (прежде всего США) заинтересованы в поддержании статус-кво в Европе и сохранении Польши в орбите СССР, по крайней мере до момента их победы над Советским Союзом в глобальном масштабе¹⁷. Стефан Киселевский писал: «В восточном блоке мы, бунтуя, мешаем и вызываем неприятности у России – это для Запада выгодно со стратегической точки зрения. Однако какие неприятности бы имел от нас Запад, если бы мы там оказались: экономический кризис, “спорные” территории, немецкий вопрос...»¹⁸ В принципе к этой позиции примыкала и точка зрения Зб. Бжезинского, который, с одной стороны, предупреждал США о необходимости сохранять осторожность в вопросе сфер влияния и разделения Европы, а с другой – призывал западноевропейские страны к проведению скоординированной политики, направленной на преодоление ялтинских соглашений¹⁹. Большинство польских оппозиционеров не верило в возможность осуществления такой политики.

В то же время часть из них считала, что оппозиция должна тем не менее проводить активную политику, стремясь не только “выбивать” закордонную помощь под свою деятельность, но также постоянно давить на Запад с целью более энергичного воздействия последнего на

руководство Польши в плане осуществления в стране необходимых демократических изменений. В одной из статей были перечислены достижения, проводимой оппозицией внешней политики, а именно: политическая солидарность со стороны Запада (в том числе в виде дипломатического и экономического давления на польские власти), организация поддержки в форме кампаний в прессе и получения материальной помощи и т.д.²⁰ В других выступлениях говорилось о необходимости действий, направленных на преодоление государственной монополии на внешнеполитическую деятельность; это должно было бы показать Западу, что власти не могут представлять на внешней арене большинство польского общества.

Ряд статей касался и проблемы Германии. Хотя по “германской проблеме” высказывания появлялись нечасто, в них отчетливо звучало убеждение, что немцы будут стремиться к объединению. Польская сторона, даже если это ей окажется невыгодным, должна признать данное право немецкого народа, и кроме того, она просто не в состоянии помешать объединительному процессу. Наряду с подобными публикациями к концу 80-х годов стали появляться отдельные статьи, где доказывалось, что Германия может играть позитивную роль в реализации польских интересов, и рекомендовалось проводить активную политику по достижению польско-немецкого сближения. Следует отметить, что таких высказываний было сравнительно немного. В качестве примера стоит привести слова Яцека Мазярского, который отмечал, что “дорога на Запад ведет через Германию и только она может дать нам пропуск в Европу»²¹. Из этого сам собой напрашивался вывод, направлявший усилия идеологов оппозиции на разворот сознания поляков в сторону пронемецкой ориентации. При этом часть авторов, подчеркивавших значение Германии для реализации задач внешней политики Польши, отмечала значение фактора поддержания корректных отношений и с СССР, часть же считала необходимым избрать в традиционной польской дилемме “немецкую оптику”²².

* * *

Опираясь на приведенные выше высказывания авторов оппозиции по вопросам внешней политики, можно сделать вывод, что принципиальной проблемой в этой области был курс в отношении Советского Союза. Такое положение объяснялось следующим: признавалось, что либерализация польского “коммунистического” режима напрямую зависит от изменений в советской политике, а в перспективе – от ослабления или распада СССР. Редкими были публикации об отношениях Польши с другими странами, в том числе западные государства трактовались чаще всего в инструментальном ключе: как источники политической и материальной поддержки в борьбе оппозиции за изменение режима в стране. Отсюда можно сделать вывод: один из существенных моментов, под влиянием которого формировались рассмотренные взгляды, – уверенность польской оппозиции в сохранении раздела Европы на два блока в течение еще длительного времени.

- ¹ *Wolny J. (Kostrzewa-Zarbas G.) Niezależne orientacje polityczne // Myśl Niezależna. 1983. N 19. S. 16.*
- ² *Zalewski M. KRN. Cienie roku 1918 // Wolny czyn. 1987. N 8. S. 15.*
- ³ *Res Publica. 1979. N 1; Ibid. 1980. N 7.*
- ⁴ *Kisielewski S. Wstęp do programu opozycji. W-wa, 1984. S. 6.*
- ⁵ *Niepodległość. 1984. N 31–32. S. 15–20.*
- ⁶ *Bratkowski S. List do Sekretarza Generalnego KPZR // Przedświt-Solidarność Robotnicza. 1986. N 12.*
- ⁷ *Kultura. 1982. N 5. S. 18–19.*
- ⁸ *My i Rosja. Rosja i my // Spectator. 1982. N 1.*
- ⁹ *Karta 84 // Wolność. 1984. N 1.*
- ¹⁰ *Rewera M. (Urbański A.) Wolność i pokój // Wola. 1985. N 127.*
- ¹¹ *См.: Декларация политическая Польского Фронта Народowego // Świadomość. 1989. N 1.*
- ¹² *Niepodległość. 1989. N 1.*
- ¹³ *Głos. 1989. N 54. S. 17.*
- ¹⁴ *“21”. 1988. N 7. S. 64.*
- ¹⁵ *Niepodległość. 1988. N 73–74. S. 5.*
- ¹⁶ *Stańczyk. 1986. N 3. S. 30–32.*
- ¹⁷ *См. высказывание Л. Могульского (Opinia Krakowska. 1987. N 34. S. 8).*
- ¹⁸ *Spotkania. 1988. N 27–28. S. 47.*
- ¹⁹ *Brzezinski Zb. Przyszłość Jalty // Tygodnik Mazowsze. 1985. N 122.*
- ²⁰ *Wyzwolenie. 1985. N 3. S. 4–5.*
- ²¹ *Maziarski J. My Niemcy // Holzer J. i inni. Mysli o naszej Europie. Wrocław. 1986. S. 39.*
- ²² *Miszalski M. Polacy a zjednoczenie Niemiec // Kurs. 1988. N 37. S. 34–35.*

**ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ:
ПЕРИПЕТИИ ДВИЖЕНИЯ
К “БАРХАТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ”
(1945–1989 гг.)**

Интеллигенция, в первую очередь творческая, – одна из движущих сил восточноевропейских революций конца 80-х годов¹. А ее составляющая часть – историки? Какова была их роль в падении дряхлевших, но еще державшихся на ногах коммунистических режимов? Видимо, она была неодинаковой в разных странах и даже на отдельных этапах их развития. В Чехословакии, прежде всего в Чехии, где историки всегда почитались и активно участвовали в общественно-политической жизни, они оказывали большое влияние на состояние умов, и поэтому их поддержкой постоянно стремились заручиться власть предержащие, чтобы укрепить свое положение. Обозреть путь, проделанный чехословацкой историографией за почти столетия ее развития, в одной статье невозможно, равно как не под силу это сделать одному человеку. Отсюда – ограничение поставленной задачи. Во-первых, речь пойдет лишь о новейшей историографии, касавшейся проблематики второй мировой войны и послевоенного времени; во-вторых, внимание будет сосредоточено на раскрытии тем “историк и власть”, “историк и общество”, “историк и политика”, что обуславливает обращение к отдельным, главным образом знаковым для своего времени работам, но не предполагает ни их аналитический разбор, ни стремление охватить всю историческую продукцию того или иного периода; главное здесь – определить этапы развития историографии и показать их основные, характерные черты, взвешивая все позитивы и негативы.

Итак, на сегодняшний день можно выделить четыре таких этапа, предшествовавших “бархатной революции”. Хронологически они выглядят примерно следующим образом: первый – от освобождения страны до конца 40-х годов; второй – охватывает 50-е годы; третий – 60-е; четвертый (самый продолжительный) – начало 70-х – конец 80-х годов. Конечно, хронологические границы этапов весьма условны, поскольку работы, характерные для одного периода, могли появиться и на завершающей стадии предыдущего, и в начальной стадии последующего. Намеченные временные отрезки по существу совпадают с определенными этапными вехами послевоенной Чехословакии. Это именно так, поскольку историческая наука была частью культурной жизни страны и развивалась вместе с ней, зачастую не имея возможности, но иногда все же стремясь абстрагироваться от внутри- да и от внешнеполитической обстановки и испытывая на себе ее воздействие.

Думается, что на каждом этапе развития исторической науки были элементы континуитета и дисконтинуитета, т.е. преемственности и ее нарушения. Их баланс или дисбаланс зависели от конкретно-историче-

ской обстановки и задач, решаемых обществом и его элитами. Поэтому не случайно на VII съезде чешских историков (сентябрь 1993 г.) явственно прозвучала мысль о справедливом взвешивании всех позитивов и негативов прошлого развития². Обратимся к характеристике каждого из обозначенных этапов, акцентируя внимание на двух последних. После войны большая часть чешской и словацкой интеллигенции поддержала идею народной демократии и одну из ведущих политических сил общества – Коммунистическую партию Чехословакии (КПЧ). Это проявилось, в частности, на первом съезде словацких деятелей искусства и науки в Баньской Быстрице 27–28 августа 1945 г., одним из активных организаторов которого был поэт и публицист коммунист Л. Новомеский³. Среди чешской интеллигенции отношение к проблеме ориентации в области культуры было более дифференцированным. Шли достаточно острые дискуссии между коммунистами и национальными социалистами о демократии и диктатуре, о социализме, о взаимодействии национального и интернационального факторов в развитии науки и культуры. Сторонники тезиса о культурном мосте между Востоком и Западом (в частности, В. Черны) выступали против знаменосцев ориентации исключительно на Советский Союз (Л. Штолл, Г. Бареш). Незадолго до парламентских выборов, состоявшихся в мае 1946 г., почти тысяча деятелей культуры (не только коммунисты) подписали открытое обращение, в котором демонстрировали “свою верность, свое восхищение, свою преданность и уважение” КПЧ. В обращении говорилось: “За время своего существования Коммунистическая партия Чехословакии показала себя средоточием прогресса, свободы и человечности. Мы, деятели культуры, увидели в учении коммунистов вершину человеческого познания и гарантию дальнейшего развития человека и с благодарностью демонстрируем сегодня связь усилий КПЧ с усилиями прогрессивного творчества в области культуры... Мы видим в этой партии, – подчеркивалось в обращении, – руководящую силу нашего народа, наследницу и носителя ее наилучших традиций, силу, которая по праву претендует на роль наиболее ответственной, государственносозидающей и правительственной партии”⁴. Столкновение взглядов и несхожесть позиций проявились на первом съезде чешских писателей в июне 1946 г. Он состоялся вскоре после VIII съезда КПЧ (март), взявшего курс на идеологизацию и социализацию культуры, и после парламентских выборов, на которых коммунисты одержали внушительную победу. Общая обстановка в стране не могла не сказаться на атмосфере съезда. Большинство выступавших поддержали теорию “научного социализма” и политическую практику КПЧ⁵.

Социалистические взгляды после войны получили среди чехословацкой интеллигенции широкое распространение, хотя в понятие “социализм” вкладывались совершенно разные представления о его сути. Заслуживает внимания объяснение поведения чешских интеллектуалов, данное французским политологом Ж. Рупником: “Чешская культура, в отличие от политики, всегда была более прогрессивной. Чешские интеллектуалы по сравнению с *консервативной* политической репрезентацией XIX в. выглядели большими либералами. Когда пришло время

либеральных политиков, интеллектуалы стали *демократами*. Когда после первой мировой войны политическое руководство стало *демократическим*, интеллектуалы перешли на сторону *радикальной левицы*”. В 1948 г. значительная часть чешских (но в определенной мере и словацких) интеллектуалов поддержала коммунистический переворот⁶. Если на съезде чешских писателей проявилась определенная конфронтационность позиций, то на втором съезде чехословацких историков (октябрь 1947 г.) она особенно не ощущалась, хотя столкновение взглядов и имело место⁷. В съезде участвовало 800 чешских историков (словаки отсутствовали), абсолютное большинство которых разделяло идеи “демократического социализма” бенешевского толка, горячо обсуждали вопросы реорганизации работы историков, ее плановости и централизации, решительного приближения к жизни, использования в случае необходимости методов коллективизма. Однако непосредственной реакции на ситуацию в стране, характеризующуюся усилением политической напряженности, участники съезда не продемонстрировали. Небольшая группа (19 человек) довольно воинственных сторонников коммунистической идеологии после съезда выступила с утверждением о принципиальном идейном столкновении с “массой закоренелых реакционеров”, фальсифицируя результаты съезда в выгодном для партии свете. Впоследствии в историографии закрепилась трактовка о резко конфронтационном характере съезда.

Что касается характеристики интересующей нас исторической тематики, то можно сказать, что в первые послевоенные годы только обозначилось намерение (прежде всего со стороны публицистов) заняться историей военных лет. Вышедшие тогда статьи и немногочисленные книги, преимущественно по истории Словацкого национального восстания (СНВ) и чешского Сопrotивления, не могут быть отнесены к историографии в строгом смысле слова, а принадлежат к жанру мемуарной литературы и в лучшем случае – публицистики. Их ценность заключается в том, что авторы представляли различные политические течения и создавали свои работы по горячим следам событий.

Второй из обозначенных выше этапов начинается после фактического захвата коммунистами монопольной власти в феврале 1948 г. и связан со становлением и развитием в это время так называемой марксистской чехословацкой исторической школы. Тогда Чехословакия, как и все европейские народно-демократические страны, отмежевалась от Запада, в том числе и от его науки и культуры, и политически примкнула к Советскому Союзу, испытывая его возрастающее влияние на всю свою внутреннюю жизнь, включая развитие гуманитарных наук, в частности историографии. Воздействие советской исторической науки на чешскую и словацкую в конце 40-х–начале 50-х годов нельзя оценить иначе, как негативное. Осенью 1948 г. в СССР и странах народной демократии торжественно отмечалось десятилетие выхода в свет сталинского “Краткого курса истории ВКП(б)”, который был признан образцом для подражания при написании исторических работ и кладзем марксистской мудрости. Наступил конец плюрализма в области науки и культуры. Первым шагом на этом пути стали обширные чистки,

которые под руководством “комитетов действия” проходили сразу после февраля 1948 г. в творческих объединениях, высших учебных заведениях, научно-исследовательских институтах, редакциях газет и журналов.

Составной частью программы, принятой IX съездом КПЧ (май 1949 г.), стали вопросы, касавшиеся политики в области науки и культуры. Выдвигались задачи преодоления буржуазной идеологии, усиления воздействия идей научного социализма, воспитания интернационализма, утверждения марксистского мировоззрения. Что касается старой интеллигенции, то необходимо было либо привлечь ее на сторону строящегося в стране социализма советского типа, либо нейтрализовать. Одновременно ставилась цель воспитания новой интеллигенции, связанной по своему социальному происхождению и идеологии с рабочим классом и трудящимся крестьянством. В 1950 г. под контроль государства перешло издательское дело. Массовыми тиражами стали издаваться произведения классиков марксизма-ленинизма, деятелей чехословацкого и международного революционного движения. В 1951 г. курс марксизма-ленинизма был введен как обязательный во всех высших учебных заведениях. Разработка общих принципов политики в области культуры вменялась в обязанность созданному в 1948 г. Совету по культуре ЦК КПЧ. Конкретизировались и реализовывались эти принципы партийным аппаратом, в первую очередь отделом ЦК КПЧ по пропаганде и культуре во главе с Г. Барешем, а также возглавляемыми коммунистами министерством образования (З. Неедлы) и министерством информации и просвещения (В. Копецкий). В обстановке нараставшей международной конфронтации и усвоения компартиями тезиса об “обострении классово-борьбы” по мере построения социализма началось становление новой “марксистской” историографии в Чехословакии. Ее основной задачей, как она понималась тогда, было создание истории коммунистической партии – авангарда противостоявшего буржуазии рабочего класса.

Лишь незначительная часть историков старой школы находилась под влиянием марксистской идеологии и готова была активно выступить на стороне коммунистического режима. Но в то же время и тех, кто встал на позиции откровенной враждебности этому режиму, насчитывалось немного. В начале 50-х годов историки старшего поколения или “сошли со сцены” (некоторые по возрасту, другие, будучи признаны буржуазными специалистами, непригодными для решения новых задач), или занимались периодами более ранней истории чешского и словацкого народов. Проведение “курса на единомыслие” в исторической среде встретило поддержку представителей “новой школы”, только что вступивших на поприще истории и подходивших к ее написанию как бы с “чистого листа”. Эти молодые люди пришли в науку либо из партаппарата, либо из вузовских аудиторий; они имели весьма ограниченный жизненный опыт и слабую профессиональную подготовку, но были вооружены идеей борьбы за “светлое социалистическое будущее” под руководством КПЧ и во главе с Советским Союзом. В основном они были коммунистами или комсомольцами и реализацию линии

партии считали своим непосредственным долгом и святым делом. Некоторые из них обучались в СССР и, естественно, впитали в себя всю “марксистскую премудрость”, вкладываемую тогда в головы советских студентов. И советская действительность, и состояние дел в советской исторической науке виделись ими в идеализированном свете и абсолютизировались.

Конкретная ситуация, которая складывалась в начале 50-х годов в исторической науке хорошо показана М.Ю. Досталь на примере словацкого Института истории⁸. Поставленные тогда перед учеными гуманитарного профиля задачи формулировались так: “1) Произвести ревизию методологии; 2) работать по единому коллективному плану; 3) исходить из общественно-культурных потребностей”. А после съезда компартии Словакии в апреле 1950 г., начавшего борьбу против словацкого буржуазного национализма, историческая наука уже прямо должна была руководствоваться рекомендациями генерального секретаря ЦК КПС Ш. Баштёванского сосредоточиться на разработке “отдельных важных периодов национальной истории с упором на классовую борьбу нашего народа” и “в соответствии с нашими потребностями строительства социализма”. В числе обязательных перед историками ставились задачи изучения произведений классиков марксизма-ленинизма и трудов советских ученых, борьбы против буржуазного национализма и учебы у “идейно более зрелой советской науки”. Одной из актуальных научных задач стала подготовка краткой истории Словакии “на основе марксистско-ленинской теории”. Этой работой уже занимались представители молодого поколения историков (Я. Дубницкий, М. Госиоровский, Я. Декан, Я. Тибенский), ученых “старой школы” к ней привлечь не удалось.

Особое внимание обращалось на разработку проблем и периодов, которые ранее либо не исследовались вообще, либо, как считалось, извращались буржуазной историографией: социальное-экономические отношения, классовая борьба, революционное рабочее движение. В это же время началась и разработка (конечно же под определенным углом зрения) проблем антифашистской национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов (Й. Грозиенчик, М. Кропилак, Ч. Аморт, Й. Долежал, Б. Граца, Я. Шолц). Основное внимание по-прежнему уделялось СНВ, но уже в приоритетном ракурсе – подчеркивалась руководящая роль коммунистической партии в восстании. Однако и тут возникли трудности: партия действовала без своего верховного органа – V нелегального ЦК КПС, – члены которого (К. Шмидке, Г. Гусак, Л. Новомеский) объявлялись буржуазными националистами. В 1950 г. в рамках набиравшего силу “поиска внутреннего врага строительства социализма” против них была развязана мощная политическая кампания. Своего апогея фальсификация СНВ достигла в 1954 г., когда отмечалось 10-летие восстания. Тогда в результате проведенного политического процесса Гусака приговорили к пожизненному заключению, а Новомеского – к 10 годам лишения свободы.

Смерть И.В. Сталина, положившая начало некоторой либерализации режимов советского образца в восточноевропейских странах (на-

пример, в Венгрии), стала толчком и к определенному оживлению общественно-политической жизни в Чехословакии. Роль наиболее сильного импульса сыграл тут XX Съезд КПСС (февраль 1956 г.), который осудил культ личности Сталина и положил начало реабилитации миллионов советских граждан, безвинно пострадавших от политических репрессий советского режима. Разоблачения XX Съезда произвели в чехословацком обществе, как и во всем коммунистическом мире, эффект разорвавшейся бомбы. Вера в Советский Союз как идеальное социалистическое государство оказалась сильно поколебленной. Стала набирать силу идея обновления социализма, очищения его от “искажений” сталинизма. В стране развернулась внутривнутрипартийная, а затем всенародная дискуссия по основным вопросам строительства нового общества. Критике подвергались допущенные здесь деформации, но одновременно подчеркивалась необходимость укрепления руководящей роли партии и осуществления принципа коллективного руководства ею.

Вместе с тем на собраниях в ряде высших учебных заведений, армейских партийных организаций, государственных учреждений, научно-исследовательских институтов и творческих союзов раздавались резкие суждения о положении в Чехословакии и деятельности КПЧ. Особенно показательным являлся в этом плане второй съезд чехословацких писателей (апрель 1956 г.), на котором подвергались сомнению руководящая роль компартии и рабочего класса, принцип партийности и классовой обусловленности литературы и научного творчества, прозвучал тезис об особой роли интеллигенции. Однако дальше этого дело не пошло. Подобные выступления не стали многочисленными и были осуждены властями как ревизионистские. Антитоталитарные движения в Польше и Венгрии летом и осенью 1956 г. не встретили широкой поддержки в Чехословакии. В 1957 г. ревизионизм был объявлен главной опасностью для строительства социализма в стране. Представляется, что в это время в чехословацкой исторической науке не наступило явственно ощущаемого подъема и перелома.

Однако было бы неправильно считать, что историография в это время находилась в состоянии застоя, спокойного пребывания на занятых ею ранее позициях. Говоря современным языком, “шоковая терапия” XX съезда КПСС (этот термин очень подходит, чтобы определить значение его решений для развития исторической науки как в СССР, так и в других странах советского блока) требовала времени для осмысления происшедшего, высвобождения из сковывавших пут догматизма, для внутренней перестройки историка, прежде всего занимавшегося современностью. В этот период обнаружилось стремление к более глубокому изучению источников и фактов и ослабление внимания к “марксистской” методологии, что, впрочем, было понятно: она дискредитировала себя. Но глубокое осознание этого факта пришло все же позже, а пока что в резолюции, принятой третьим съездом историков, отмечалось, что ревизионистские тенденции не нашли серьезного проявления в исторической науке и что “позитивизм не сформировался в целенаправленное течение, которое представляло бы серьезную угрозу для нашей историографии”⁹. Следует здесь согласиться с мнением груп-

пы историков-шестидесятников, которые, возражая против создания новых легенд в историографии, отмечали в 1994 г., что “новая интеллигенция, воспитанная на идеологии марксизма-ленинизма, только постепенно осознавала действительное положение вещей и бралась за ум”¹⁰. Но все же к началу 60-х годов явственно обозначилась идейная и политическая дифференциация творческой интеллигенции, особенно проявившаяся в общественных науках, в области литературы и искусства. Историография, как и все общество, медленно, но неуклонно освобождались от гипноза коммунистической идеологии с ее черно-белым изображением мира. Вторая половина 50-х и начало 60-х годов стали для чехословацкой исторической науки временем внутреннего метания и поисков направления дальнейшего развития, “временем бутона”, набирающего силу для цветения. Если и дальше использовать этот образ, то можно сказать, что время цветения пришло на 60-е годы.

Чехословацкие историки внимательно следили за развитием исторической науки в СССР, для которой тогда тоже было характерно стремление отойти от существовавших догм и схем¹¹. Благоприятно влияло на развитие чехословацкой историографии и расширение контактов с коллегами из других социалистических стран, особенно Польши и Венгрии, где историки стали активной составляющей общественно-политической жизни. Расцвету чехословацкой исторической науки способствовал и ее выход на “европейскую арену”, установление связей с западными исследователями. “В исторической науке на Западе, – писали Я. Кржен и В. Курал в 1965 г., – существуют очень сильные прогрессивные течения и демократические тенденции в рядах немарксистских, но безусловно антифашистски и патриотически настроенных историков, с которыми необходимо установить активные контакты, сотрудничать с ними, в ряде вопросов учиться у них и одновременно на них активно воздействовать”¹². Большое значение в деле прогресса чехословацкой исторической науки имело усиление интереса к ней в стране со стороны самых широких слоев населения, и в первую очередь интереса к недавнему прошлому чешского и словацкого народов. И историография, поощренная общественным вниманием к ней, будучи востребованной обществом, не могла не откликнуться на это. Застрельщиками, инициаторами тут явились исследователи среднего поколения, те, кто “делали” историю страны в 50-е годы по указке сверху и не могли не ощущать всей порочности подобного метода. Они накопили уже определенный профессиональный опыт, но, к счастью, были еще не в том возрасте, чтобы закостенеть в догматических взглядах и схемах, и без особого труда стали сбрасывать со своих плеч довлевший над ними груз стереотипов и построенных на песке концепций.

В это же время некоторые чехословацкие историки получили, хотя и вопреки желанию властей, возможность знакомиться с журналом “Свидетельство” (Svedectvi), который начал издаваться в Париже в 1956 г. послефевральской чехословацкой эмиграцией. Он выходил достаточно регулярно и уже в 1957 г. приступил к публикации обширных исследований по современной истории Чехословакии. Весьма пристально следивший за развитием событий и изменением настроений в стране,

журнал стал, по выражению его главного редактора П. Тигрида, политической силой на родине, содействуя стремлению прогрессивной части общества добиться более широких свобод¹³.

В центре внимания историков, занимавшихся проблемами современности, по-прежнему находилась вторая мировая война и национально-освободительная борьба чешского и словацкого народов. В 1960 г. был создан Комитет по ее изучению. Первым его председателем стал Б. Лаштовичка, а с 1963 г. (и до ликвидации в 1970 г.) профессор Я. Кладива. В Комитете с чешской стороны активно работали К. Бартошек, Ф. Беер, А. Бенчик, Й. Долежал, Ф. Яначек, О. Янечек, Я. Кржен, В. Курал, Я. Навратил, Й. Новотны, Б. Пекарек, В. Пречан, Я. Тесарж и др., со словацкой стороны – Я. Шолц (председатель словацкого комитета, созданного в 1964 г.), Б. Граца, С. Фалтян, Г. Гусак, Й. Хренё, Й. Яблоницкий, А. Штвртецка, Ш. Пажур, Я. Ушия, Я. Шуфлярский. Научные и организационные результаты деятельности Комитета освещались в специальном ротапринтном издании “Спротивление и революция. Сообщения”¹⁴.

Одной из задач Комитета было содействие формированию действительно научной источниковой базы изучения проблемы национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов. В середине 60-х годов вышел ряд весьма объемных сборников документов, имевших чрезвычайно важное значение для научного анализа этой проблемы, сборников, к которым до настоящего времени обращаются исследователи, но которые, как представляется, использованы все еще недостаточно. Многие из опубликованных в них документов по разным причинам оставались как бы вне поля зрения историков, и прежде всего те, которые касались деятельности представителей некоммунистических течений Спротивления. В 1965 г. был издан сборник документов о Словацком национальном восстании, составленный В. Пречаном и с его обширным предисловием, где дана характеристика всех архивных фондов, содержащих соответствующие материалы. В сборник включены 593 документа из 17 архивов Праги, Братиславы, Баньской Быстрицы, Москвы и Киева, дающих представление о политическом развитии в Словакии в 1943–1945 гг., о вызревании и ходе восстания, о деятельности и позициях отдельных антифашистских групп и политических течений¹⁵. По сей день не утратил своего научного значения и ряд других изданных в то время сборников документов по истории Чехословакии в период второй мировой войны¹⁶. Ряд принципиально важных для изучения проблемы Спротивления документов увидел свет в исторических журналах 60-х годов¹⁷. В то же время вышеупомянутый Комитет вел работу по написанию трилогии о национально-освободительной борьбе чешского и словацкого народов. В 1965 г. был опубликован макет задуманной работы “Спротивление и революция. 1938–1945”¹⁸, подготовленный авторским коллективом: Я. Кржен и В. Курал (они написали большую часть книги), Г. Бареш, К. Бартошек, А. Бенчик, Й. Долежал, О. Янечек (руководитель), Л. Климешова, О. Крайняк, Л. Липтак, Й. Новотны, Б. Пекарек, А. Штвртецка. Считая свою работу незавершенной, авторский коллектив видел ее смысл и

значение в том, чтобы создать рабочую гипотезу чехословацкого Сопrotивления, указать на недостатки или просто неисследованные вопросы, а также на деформации, допущенные в прошлом при освещении проблемы. В 60-е годы было положено начало действительно научному изучению таких вопросов, как характер нацистского режима в чешских землях и его опорных структур в стране (Я. Тесарж, Т. Пасак), история и роль отдельных организаций в Сопrotивлении (В. Менцл, Ф. Яначек, О. Янечек, В. Курал, Я. Пржикрыл), история чешской и словацкой эмиграции на Западе в начальный период войны (Я. Кржен), партизанское движение (Й. Долежал, А. Бенчик, В. Курал), майские события 1945 г. в чешских землях и восстание в Праге (К. Бартошек, Й. Долежал, С. Замечник).

В 60-е годы в корне была пересмотрена история Словацкого национального восстания¹⁹. Политическая реабилитация его руководителей, словацких коммунистов Г. Гусака, Л. Новомеского, К. Шмидке на апрельском и декабрьском пленумах ЦК КПС в 1963 г. (из тюрьмы Гусак был освобожден в 1959 г. и работал научным сотрудником в юридическом кабинете Словацкой академии наук), создала благоприятные условия для решительной переоценки всего сделанного ранее в освещении вопроса о восстании. Написанная Гусаком и вышедшая в 1964 г. книга “Свидетельство о Словацком национальном восстании”²⁰ оказала большое влияние на историографию СНВ. Книга, являвшая собой своеобразный сплав воспоминаний активного участника событий и научного труда (автор защитил ее на звание кандидата исторических наук), предлагала отличную от прежней концепцию восстания, по новому оценивала участие в нем V нелегального руководства КПС, буржуазного крыла Сопrotивления, словацкой армии, партизан, позиции противостоявших повстанцам сил, деятельность Словацкого национального совета и т.д. В общем, это был настоящий переворот во взглядах на восстание.

Для историков СНВ книга Гусака сыграла, если иметь в виду концептуальный аспект, роль “путеводной звезды”, особенно в 70–80-е годы, когда ее автор возглавил сначала компартию, а потом страну. Однако крупнейший историк восстания Й. Яблоничский полагает, что хотя “книга содержала много новых сведений и оценок, ее автор все же не сумел выйти из рамок участника [событий] с субъективным взглядом”²¹. Первым действительно научным обобщением новых подходов к истории СНВ была книга “Исторический перекресток”²².

Активно разрабатывались в 60-е годы и вопросы чехословацкой истории первых послевоенных лет. В связи с 20-летием восстановления ЧСР на страницах научной литературы развернулась дискуссия по вопросу о характере революции 1944–1948 гг. Многие чехословацкие историки, анализируя сложные общественные процессы того времени, вновь обратились к забытому в 50-е годы термину “чехословацкий путь к социализму”. Наиболее полно этот вопрос рассматривался в сборнике “Чехословацкая революция в 1944–1948 гг.”²³, куда вошли материалы конференции в Либлицах (март 1965 г.); в “Сборнике исторических работ о нашем пути к социализму”, изданном Высшей партийной шко-

лой при ЦК КПЧ в 1966 г.²⁴; в работе Я. Опата “За новую демократию”²⁵ и в ряде статей К. Каплана, М. Реймана, Я. Опата, Я. Кладивы и др., опубликованных в 1964–1966 гг. в журналах “К вопросам истории КПЧ”, “Чехословацком историческом журнале” и др.²⁶. Обсуждение этой проблематики стало весьма актуальным в связи с критикой допущенных ранее искажений нового строя и поисками путей его реформирования в направлении построения “социализма с человеческим лицом”.

Идея национального пути к социализму, принятая вскоре после войны на вооружение многими компартиями с ведома Сталина, акцентировала необходимость учитывать особенности, отличия, специфические условия отдельных стран при переходе к социалистическому строительству. В 50-е годы, когда упор делался на копировании советского опыта этого строительства, упомянутая идея стала своеобразным запретным плодом для гуманистариив. Вопрос был затронут в отчетном докладе Н.С. Хрущева XX съезду КПСС, а затем в документах совещаний коммунистических и рабочих партий в 1957 и 1960 гг. Тогда проблема и привлекла к себе внимание чехословацких обществоведов, активно обсуждавших возможность реализации альтернативной сталинизму модели демократического социализма²⁷. Акцент был сделан на исследовании специфики процессов, происходивших в стране в 1944–1948 гг. В научной литературе снова появился термин “чехословацкий путь к социализму”. К. Каплан писал тогда, что в этой концепции середины XX в. “отразились некоторые черты революции и перестройки общества в промышленно развитой стране с политическими и демократическими традициями”²⁸. Сторонники указанных взглядов полагали, что чехословацкая революция 1944–1948 гг. относится к типу западноевропейских революций, особенности которых определялись тем, что в XIX в. на Западе была создана позитивная реальность в форме буржуазной демократии, парламентаризма, гражданского общества. Вместе с тем подчеркивалась специфика развития революционного процесса в Чехословакии, обусловленная конкретно-историческими внутренними и внешними обстоятельствами конца второй мировой войны и тесной связью революции с антифашистской освободительной борьбой. Отмечалось органическое единство национальных, демократических и социалистических целей революции. Большое внимание уделялось социально-экономическим (национализации промышленности и банков, аграрной реформе) и политическим преобразованиям первых послевоенных лет. Достиженные революцией успехи относились на счет “творческой, демократической политики КПЧ”²⁹.

Несомненным признаком научной активности чехословацкого исторического сообщества явились дискуссии. Одна из них касалась роли Национального фронта в послевоенной истории страны. Обсуждение этого вопроса связывалось с оценкой предложенной VII конгрессом Коминтерна политики народного фронта на страницах печатных органов итальянской и французской компартий. Проведенная в конце 1965 г. в Институте истории КПЧ встреча историков была реакцией на итальянскую дискуссию³⁰. Вывод гласил: политика “фронтов” не исчер-

пала себя, в ней много такого, что можно критиковать, но много и такого, что можно развивать. Некоторые чехословацкие историки поддержали тезис о том, что слабость политики народного фронта коренилась в ее связи с советской моделью социализма. В частности, М. Гюбл и Ф. Яначек полагали, что наибольшее противоречие VII конгресса состояло в принятии тезиса о необходимости искать новые формы и подходы к революции, конечной целью которой продолжала считаться советская модель³¹. Рассматривая вопрос о чехословацкой революции, историки стали указывать на тесную взаимосвязь внутренних и внешних условий ее развития (Я. Опат, М. Рейман, К. Каплан, Я. Шедивы). Февральские события 1948 г. они квалифицировали как результат давления внешних обстоятельств и полагали, что специфические условия развития революции в Чехословакии вели к новой модели социализма. В то же время оппонировавший им Й. Белда считал, что в 1944–1948 гг. речь шла не о целенаправленном создании некоей новой модели, а лишь о попытке мирным путем реализовать унифицированную советскую модель³². (Новейшие исследования в этой области, думается, подтвердили правоту последнего.) В общем и целом дискуссия о характере революции 1944–1948 гг. и чехословацком пути к социализму, имевшая, несомненно, творческий и новаторский для своего времени характер, не вышла – да и не могла тогда еще выйти – за рамки марксистско-ленинской доктрины с ее аксиоматическим постулатом о руководящей роли компартии в социалистической революции и созидании нового строя.

Дискуссии и новые подходы к оценкам событий недавнего прошлого не могли не вызвать интереса в пришедшем в движение чехословацком обществе. Политическая ангажированность историков новейшего времени была налицо. Они, несомненно, внесли свой вклад в подъем национального самосознания и общественной активности народа в конце 60-х годов и сыграли важную роль в подготовке “пражской весны” 1967–1968 гг. На сей раз историки активно поддерживали позиции литераторов, выраженные на IV съезде Союза чехословацких писателей (июнь 1967 г.), который стал как бы предвестником назревавших в обществе перемен³³. Выступавшие на съезде, в том числе и молодой драматург В. Гавел, привлекли внимание к проблемам борьбы за демократию и прогресс, за реализацию гуманистических целей социализма, высказались за свободу слова и отмену цензуры. Гуманитарная интеллигенция, включая историков, приложила немало усилий для реализации январского (1968 г.) курса, олицетворением которого стал А. Дубчек, участвовала в подготовке “Программы действий КПЧ” (апрель 1968 г.), в пропаганде идей “пражской весны”. 300 историков новейшего времени, собравшиеся на философском факультете Карлова университета в июне 1968 г., выступили с требованием свободы научной работы и беспрепятственного распространения ее результатов, высказались за естественную конкуренцию всех марксистских и немарксистских школ, потребовали освобождения исторической науки от политической и идеологической опеки, отказа от административных методов управления научной работой и создания автономных демократических организаций самих историков. В программных принципах первоначаль-

но намеченного на лето 1968 г. XIV съезда КПЧ эти требования получили довольно полное отражение³⁴.

1968–1969 гг. – апогей третьего из упомянутых выше этапов развития чехословацкой историографии, вершина политической ангажированности историков и одновременно переход к последнему двадцатилетнему периоду, времени казавшегося укрепления, но фактически все более слабевшего тоталитарного режима. Подавляющая часть историков решительно осудила оккупацию Чехословакии 21 августа 1968 г. войсками пяти стран Варшавского договора³⁵. Резолюция протеста была принята, в частности, вышеупомянутым Комитетом по изучению антифашистской национально-освободительной борьбы. События и настроения в одном из значимых в ту пору Институте истории ЧСАН описал В. Пречан – тогда его сотрудник. Институт насчитывал в 1968 г. около 100 сотрудников, в том числе более 50 научных работников и специалистов. Возглавлял его академик Й. Мацек. Вечером 21 августа по радио прозвучало заявление коллектива Института, в котором говорилось со ссылкой на Мюнхен 1938 г. о бесперспективности политики капитуляции и которое заканчивалось словами о том, что свободный народ не может жить на коленях. Мацек как депутат парламента активно участвовал в эти дни в его работе. Сотрудники Института готовили тексты листовок и обращений, поддерживали связи с радио и редакциями свободных изданий. 24 августа вышел специальный номер “Чехословацкого исторического журнала” с изложением позиции его главного редактора Ф. Грауса и некоторых других сотрудников Института. 27–28 августа после опубликования коммюнике о московских переговорах была сформулирована общая позиция коллектива Института, снова призывавшая сограждан отказаться от капитуляции перед оккупантами: “Каждая уступка при переговорах с властями является шагом по наклонной плоскости, шагом по пути, конец которого нельзя увидеть”. Ф. Граус при этом заявил: “Добровольно мы не должны уступать ни в чем. Самыми худшими оказались бы настроения, что ничего нельзя сделать. Уже поздно строить иллюзии. Нашим оружием должна стать пассивная резистенция... Оккупация никогда не может называться иначе, чем оккупация... Нас могут заставить замолчать, но никого нельзя принудить говорить так, как хотят оккупанты”³⁶.

В те же дни родилась идея документально зафиксировать все, что “народ пережил и как вел себя”. “Прага в борьбе против оккупантов” – одно из первых, рабочих названий задуманной публикации. Идею одобрил Й. Мацек, и книга готовилась открыто. Ее основу составлял материал, который, по словам Пречана, буквально “лежал на улицах”, т.е. был тем или иным способом опубликован: пресса (и свободная, и советская печать), листовки, тексты передач “свободного радиовещания”, личные свидетельства, фото- и киноматериалы, плакаты, карикатуры, стишки и т.д. Коллективом из 15 человек, подготовившим книгу, руководили М. Отагал и В. Пречан. Уже в ноябре 1968 г. она вышла в свет под названием “Семь пражских дней. 21–27 августа 1968 г.”³⁷ тиражом около 3 тыс. экземпляров с пометкой “для внутреннего пользования”. На прилавки магазинов книга не поступила. Она была разослана по 800

заранее определенным адресам, 500 экземпляров ушло в Словакию. Черная обложка книги и документированные в ней события способствовали тому, что она получила и неофициальное название “Черная книга”. О ее издании вскоре стало известно по всей стране, узнали о ней и за рубежом. В декабре были сделаны переводы книги на английский и немецкий языки. Общеакадемическая партийная конференция рекомендовала подготовить второе издание книги.

О книге стало известно и в Москве. 6–8 декабря 1968 г. на встрече с чехословацкой делегацией в Киеве Л.И. Брежнев швырнул книгу на стол как доказательство того, что “нормализация” идет плохо. А 27 декабря чехословацкое правительство получило советскую ноту протеста в связи с изданием книги, искажавшей “политику Советского Союза в отношении братской Чехословакии” и клеветущей на внутреннюю и внешнюю политику и вооруженные силы СССР. Составители публикации обвинялись в стремлении поддержать и продлить антисоветскую, националистическую кампанию. “Грубая фальсификация действительности, содержащаяся в сборнике, – говорилось в ноте, – не может иметь ничего общего с исторической наукой”. Особо критически оценивалась роль Института истории ЧСАН и его директора члена ЦК КПЧ академика Мацека в подготовке и издании книги. Москва выразила надежду, что публикация будет изъята из обращения, а причастные к ее выпуску “призваны к ответственности”³⁸. Президиум чехословацкого правительства в этом духе и принял постановление, но председатель ЧСАН академик Шорм пытался защитить Институт и составителей книги от нависшей над ними кары. Коллегия истории ЧСАН приняла решение присудить коллективу, подготовившему это издание, свою ежегодную премию. Именно это и стало предлогом для нападок Г. Гусака в его первом выступлении после избрания главой КПЧ в апреле 1969 г., но коллектив Института тогда еще отстаивал публикаторов книги. В их поддержку выступил и объединенный комитет первичных организаций КПЧ институтов ЧСАН.

Однако 15 мая 1969 г. “Руде право” поместила заявление Клуба друзей советской науки и культуры и подготовительного Комитета Левого фронта с жесткой критикой не только книги, но и всего Института истории ЧСАН. Академик Мацек, попытавшийся предотвратить неизбежные “оргвыводы”, взял на себя всю ответственность за последствия издания “Черной книги” и подал в отставку с поста директора Института и члена президиума ЧСАН. Отставку приняли, и, казалось, вопрос исчерпал себя. Но этого не случилось. В рамках начатой 1 марта 1970 г. реорганизации Института, преобразованного в Институт чехословацкой и всемирной истории, возглавляемый Отагалом отдел новейшей истории ликвидировали, а проблематику нового исторического учреждения хронологически ограничили 1938 годом. В июне 1970 г. “компетентные органы” завели уголовное дело по обвинению в публикации “Черной книги”. В качестве главных фигурантов по этому делу проходили Отагал и Пречан. В 1973 г. дело переквалифицировали и вели уже по статье, карающей за подрыв республики³⁹.

После оккупации и в 1969 г. историки, прежде всего чешские, еще

продолжали курс на эмансипацию исторической науки от политики и идеологии. В Словакии сложилось несколько иное положение: здесь интеллигенцию, поддерживавшую в основном Гусака, занимал главным образом национальный вопрос и возможности его решения в создавшейся ситуации (1 января 1969 г. вступил в действие закон о федерации). В чешских исторических журналах примерно до весны 1970 г. продолжалась публикация статей, свидетельствовавших о “вольномудстве” их авторов. Большая часть историков участвовала в движении ненасильственного сопротивления оккупантам, выступая в печати, по радио и телевидению до тех пор, пока СМИ не стали инструментом так называемой “нормализации”. Этот процесс, начавшийся осенью 1968 г.⁴⁰, особенно ускорился, после того, как в апреле 1969 г. вместо А. Дубчека на пост первого секретаря ЦК КПЧ был избран Г. Гусак. В числе выдвинутых им первоочередных задач значились борьба с правым оппортунизмом, восстановление единства партии на принципах марксизма-ленинизма и ее руководящей роли в обществе, укрепление функции социалистического государства как органа власти рабочего класса и трудового народа. Ускорила консолидация так называемых здоровых сил общества, особенно усиливших свои позиции в партийных верхах и начавших кампанию по изоляции сторонников Дубчека.

Процесс освобождения от “засилья правых и антисоциалистических сил” постепенно охватил партийные и общественные организации, государственные и хозяйственные органы, средства массовой информации, научные и культурные учреждения. Президиум ЦК КПЧ принял постановление о борьбе с проникновением антикоммунистической идеологии и пропаганды в Чехословакию. Одной из первых жертв этой борьбы среди историков стал уже в июне 1969 г. ректор Высшей политической школы ЦК КПЧ М. Гюбл, кстати давнишний соратник и личный приятель Гусака, который как член ЦК КПЧ помог ему взойти на вершину партийного Олимпа. Ему удалось убедить ряд влиятельных членов партийного ареопага в том, что только под гусаковским руководством можно хотя бы отчасти сохранить реформаторский курс. Новый лидер КПЧ “отплатил” Гюблу совершенно в духе большевистской традиции: летом 1972 г. ему предъявили стандартное обвинение в подрыве республики и определили судебным решением на тюремные нары на шесть с половиной лет.

Летом 1969 г. сменили руководство в Военно-историческом институте, распустили Военно-политическую академию. Осенью по существу ликвидировали академический Институт истории европейских социалистических стран, а вместо него учредили (точнее воссоздали) Чехословацко-советский институт во главе с ортодоксом В. Кралем. В результате вновь объявленного конкурса 12 бывших сотрудников Института, в том числе Т. Брод, Ф. Лукеш, Я. Опат, Я. Валента, лишились работы. Заведующий идеологическим отделом ЦК КПЧ Я. Обзина выступил инициатором ликвидации “правых центров” в Академии наук. Возглавлявшего ее академика Шорма, еще в августе 1968 г. направившего Президенту АН СССР протест против акции 21 августа, а в октябре 1968 г. не проголосовавшего в парламенте за договор о вре-

менном пребывании войск пяти стран Варшавского договора в Чехословакии, вывели из состава ЦК КПЧ и сместили с поста председателя ЧСАН. Его занял академик Я. Кожежник.

В марте 1970 г. была принята новая редакция закона о ЧСАН, наносившего удар по принципу ее автономии и введившего подчинение в ряде важных персональных вопросов правительству, которое получило право назначать новых членов Академии и ее президиума, а также лишать членства в Академии. Ее председатель стал назначаться Президентом ЧССР.

1 марта 1970 г. как уже отмечалось, реорганизации подвергся Институт истории ЧСАН, директора которого академика Мацека отправили рядовым сотрудником в Институт чешского языка. Окончательно, без права участия во вновь объявленном конкурсе, уволили М. Отагала, К. Бартошека, Й. Долежала, К. Каплана, В. Пречана, Я. Тесаржа, В. Менцла. Конкурсная комиссия во главе с Кралем отказала в приеме на работу и другим научным сотрудникам, благонадежность которых ставилась под сомнение. В их числе оказались Б. Черны, А. Гайянова, Б. Легар, Я. Новотны, И. Сейдлерова, Й. Смолка, З. Шолле и др.

В марте–апреле 1970 г. на основании решения президиума ЦК КПЧ об обмене в течение года партийных билетов началась массовая охота на “правооппортунистических ведьм”: антисоветчиков, ревизионистов, контрреволюционеров и т.д. Проверке подлежали все члены партии, которые в результате разделялись на три категории: исключенные, вычеркнутые, проверенные. В соответствии с этим решался и вопрос об их работе: отказ – перевод на менее ответственную и ниже оплачиваемую должность – повышение. Среди историков особенно пострадали от “чисток” те, областью научных интересов которых был XX век. Уже в первой фазе проверок буквально разгромили Институт истории социализма и Высшую политическую школу ЦК КПЧ, в которых работали видные специалисты по истории чехословацкого и международного рабочего движения. Так, из Института истории социализма, прославившегося своим вольномыслием, подчистую уволили профессионально состоявшихся и известных оригинальными исследованиями ученых: М. Гаека (директор), Я. Менцлову, Я. Новака, Й. Сладека, З. Брадача, О. Янечека, А. Вацлаву, Л. Климешову, З. Градилака, Й. Белду и др. Институт прекратил свое существование как самостоятельная научная единица и стал составной частью вновь созданного Института марксизма-ленинизма, обеспечивая потребности идеологического отдела ЦК КПЧ. Из Высшей политической школы была уволена почти половина преподавателей, в том числе историки Ф. Яначек, Я. Кржен, М. Рейман, Ф. Сватек. Институт международной политики и экономики лишился К. Коржалковой, В. Котыка, А. Орта, Я. Шедивого, Р. Вагнера и др. От руководства философским факультетом Карлова университета отстранили профессора В. Кладиву, в прошлом члена ЦК КПЧ, коммуниста с довоенным стажем, отсидевшего во время войны в концлагере. Ряд историков подвергся более или менее длительному тюремному заключению: М. Гюбл, Я. Мезник, Я. Шедивы, К. Каплан, К. Бартошек, Й. Белда, Я. Тесарж и др.

Все эти факты о разгроме чешской исторической науки (в Словакии положение было несколько иным) скрупулезно собрал по горячим следам и позднее опубликовал за рубежом В. Пречан⁴¹. Он же обобщил и методы, которыми осуществлялась “нормализация” в исторической науке: назначение нового руководства на соответствующие факультеты, кафедры, в институты, архивы, музеи; увольнение нескольких сот историков (в 1975 г. неполный их список, содержащий 145 фамилий, был передан Международному съезду историков в Сан-Франциско); ликвидация или коренная реорганизация негодных институтов; закрытие исторических журналов (“История и современность”, “Ревю истории социализма”, “История в школе”) или назначение новых редакционных советов; пересмотр издательских планов и запрещение публиковать труды тех, кто стал жертвами “чисток”; прекращение работы над рядом крупных научных проектов: история национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов в годы второй мировой войны, история коллективизации сельского хозяйства в Чехословакии, многотомная (переосмысленная) история КПЧ; изъятие из библиотек, переводение в спецхран, запрещение цитировать труды историков, подвергшихся остракизму⁴². Как следует из вышеперечисленного, методы борьбы с диссидентством, т.е. инакомыслием, в исторической науке были те же, что и после февраля 1948 г. Отличие состояло в том, что не проводилось громких политических процессов, а все делалось без особого шума, совместными усилиями партаппарата и госбезопасности: проверки, чистки, обыски, изъятие рукописей и книг, ведение следствия, аресты и т.д.

Реорганизация постигла, конечно, и словацкую историческую науку, но здесь ее последствия оказались менее разрушительными, чем в Чехии. В первую очередь пострадали известные историки, чьи интересы были связаны с проблематикой новейшего времени: Э. Фриш, Л. Липтак, Й. Яблоницкий, А. Штвртецка, Ю. Фабиан. Их уволили с работы с запретом заниматься научной деятельностью. Б. Граца и С. Фалтян продолжали работать, но им не разрешали публиковаться. Но в целом, по словам Й. Яблоницкого, словацкие историки, писавшие, в частности, о Словацком национальном восстании, пострадали меньше, чем их чешские коллеги⁴³.

Таким образом, историческая наука после относительной свободы 60-х годов оказалась под сильным идеологическим прессингом. Выступая на семинаре историков-коммунистов в ноябре 1972 г., Я. Обзина говорил: “Мы будем поддерживать такую научную деятельность, которая осознанно служит делу социализма, социалистического строительства и однозначно ведет борьбу со всеми антикоммунистическими и враждебными партии взглядами”. Он подчеркнул, что КПЧ никогда не откажется от руководства наукой⁴⁴. Те же мысли развивал и главный “нормализатор” от истории Крал⁴⁵, который выступил с резкой критикой взглядов “шестидесятников”⁴⁶.

Новейшая историография была заклеяна как ревизионистская, буржуазно-объективистская, порвавшая с марксизмом-ленинизмом, выступающая под флагом “пресловутого демократического социализ-

ма”. Оценки давались только негативные, все сделанное изображалось одной черной краской, но действительно научной критики, анализа вышедших в 60-е годы трудов не было. Этот разбор заменялся манипулированием фактами и цитатами, чтобы сконструировать миф “историографической контрреволюции”.

Конкретные направления исторических исследований в 70-е годы определялись документом “Развитие, современное состояние и задачи общественных наук в ЧССР”, подготовленным президиумом ЦК КПЧ в мае 1974 г. Перед исторической наукой выдвигалась задача помогать процессу консолидации в области идеологии: именно так ставился вопрос на состоявшихся в 1975 г. съездах Чешского и Словацкого исторических обществ. “В сегодняшнем классово разделенном мире на передний план выступает идеологическая функция науки”, – говорилось в резолюции XII съезда словацких историков⁴⁷. В соответствии с этим центром внимания исследователей опять становилась революционная борьба народных масс, рабочего класса и коммунистической партии, приведшей народ к “победе социализма”.

70–80-е годы, и особенно первое из этих двух десятилетий, были достаточно сложными для исторической науки, и прежде всего для того отряда историков, которые занимались новейшей проблематикой. Уход из науки (да и из высших школ) значительного числа профессионально подготовленных и активно работавших историков – в основном людей среднего поколения, находившихся в расцвете творческих сил, – создал определенный “кадровый вакуум”. Нужно было ждать, пока подрастут воспитанные на “марксистской методологии” (как она тогда понималась) новые исследователи. Возможности тех, кто остался “на плаву”, ограничивались рамками официально допущенного способа мышления и имеющих право на существование идей, главной из которых являлось утверждение тезиса о руководящей роли компартии. “Финальная продукция, – пишет Й. Яблоницкий, – проходила через такую сеть контроля, что практически не мог появиться труд, который отклонился бы от официальной линии”⁴⁸.

Но внешне все обстояло благополучно. Число опубликованных работ было огромно, о чем свидетельствуют, в частности, и подготовленные тогда библиографии⁴⁹. Что касается тематики в области новейшей истории, то выходила главным образом так называемая юбилейная литература, посвященная созданию и деятельности коммунистической партии (1971, 1976, 1981, 1986 гг.), Словацкому национальному восстанию (1974, 1979, 1984 гг.)⁵⁰, освобождению Чехословакии и Майскому восстанию 1945 г. (1975, 1980, 1985 гг.), февральским событиям 1948 г. (1978, 1983, 1988 гг.), “победе” над “пражской весной” (1978–1979, 1984–1985 гг.).

В начале 80-х годов официально был взят курс на приоритетность исследований в области современной, т.е. после 1938 г., истории. Это продемонстрировал и пятый съезд чехословацких историков в феврале 1982 г., потребовавший первоочередного внимания к “изучению начатого Великой Октябрьской социалистической революцией перехода человечества от капитализма к социализму, руководящей роли рабочего

класса и коммунистической партии в этом процессе”. Историки должны были содействовать “укреплению убеждения, что победа социализма и коммунизма в широком масштабе закономерна и неотвратима... что империализм исторически изжил себя и осужден на исчезновение”⁵¹. Все это в той или иной форме, часто с привлечением нового фактического материала, утверждалось и в официальной историографии. Отрицательно повлияло на состояние и развитие чехословацкой исторической науки и ограничение ее связей с западной историографией, которая снова стала восприниматься как единое, недифференцированное целое, идеологически враждебное и противостоящее “марксистскому” направлению.

Большая часть историков-асов, лишенных возможности официально заниматься своей профессиональной деятельностью, вынуждена была зарабатывать на жизнь, нанимаясь коچهгарами, сторожами, вахтерами, строителями, мойщиками окон или в лучшем случае выполняя вспомогательные работы в архивах, музеях и других учреждениях культуры. Однако идеи и мысли, родившиеся в 60-е годы и казавшиеся похороненными, на самом деле продолжали существовать, поджидая своего времени. В официальной историографии “нормализаторского” и “консолидационного” периодов, как представляется, существовало двухуровневое отношение к литературе 60-х годов: первый – яростное неприятие и негативная ее оценка как ревизионистской, второй – понимание правильности взятого в 60-е годы курса при сдержанно-критическом отношении к отдельным оценкам той поры, стремление не растерять идейный багаж предшествовавшего периода, использовать накопленный опыт в дальнейшей работе. Думается, сторонников этого второго подхода было немало как среди тех, кто продолжал разработку новейшей тематики, так и среди молодого пополнения историков, заявивших о себе в конце 70–80-е годы.

Первые признаки выхода чешского общества из шока, в который оно было ввергнуто усилиями так называемых здоровых сил, обозначились во второй половине 70-х годов и были связаны с рождением гражданской инициативы “Хартия–77”. Движение, выступившее с воззванием 1 января 1977 г., заявило о себе как о “свободном, неформальном и открытом сообществе людей разных убеждений, вероисповеданий и профессий, которых объединяет воля индивидуально и вместе добиваться уважения гражданских и человеческих прав” в Чехословакии и мире⁵².

В правовом отношении движение опиралось на ратифицированные чехословацким парламентом в конце 1976 г. и опубликованные в своде законов международные (Хельсинкские) соглашения об экономических, социальных и культурных правах человека. Поэтому, несмотря на мощную пропагандистскую кампанию, направленную властями против движения (а может быть, как раз и благодаря ей), оно не только не прекратило существования, но постепенно набирало силу (прежде всего в Чехии), хотя и не стало массовым. В январе 1977 г. под “Хартией” стояли подписи 241 человека, в конце 1980 г. – 1065 человек. Деятельность “Хартии–77”, среди подписавшихся и активистов которой были и исто-

рики, то набирала силу, то становилась малозаметной из-за репрессий властей. Но и “Хартия”, и связанный с ней “Комитет защиты несправедливо преследуемых” продолжали действовать до конца 80-х годов и вместе с другими диссидентскими группами образовали 19 ноября 1989 г. движение “Гражданский форум”.

Возникновение и деятельность “Хартии-77” важны еще и тем, что вместе с ней начала развиваться параллельная информационная система в виде так называемого самиздата (этот русский термин прижился в чехословацком обществе), занимавшегося распространением документов и заявлений “Хартии”, сообщений о незаконных действиях полиции, политических судебных разбирательствах и т.д. Тем самым был дан импульс к появлению независимой (диссидентской, свободной, оппозиционной, подпольной – она называлась по-разному) литературы, которая доходила до общественности сначала в виде нескольких машинописных экземпляров. Конечно, знакомство с ней было, как правило, ограничено узким кругом специалистов, к тому же близких по духу к автору. Так, в Чехословакии возникло творческое сообщество независимых историков, которые, будучи заняты на разных, не требующих особой квалификации работах, не бросали своего профессионального дела.

XV международному съезду историков в Бухаресте (август 1980 г.) был представлен библиографический обзор, содержащий 183 аннотированных названия работ чехословацких историков, которые в 70-е годы подверглись дискриминации. Проведенный В. Пречаном анализ показал, что 150 из этих трудов посвящались проблематике XIX и XX веков, в том числе более 70 приходилось на период после 1938 г.⁵³

Конец 70-х годов ознаменовался не только количественным приращением новых работ, но и началом организованной “издательской” деятельности. В Чехии до конца 80-х годов функционировало около 70 независимых издательств; общее число их периодических изданий достигало 200 (литература, философия, история, экономика, политическая публицистика, мемуары и т.д.). В январе 1978 г. появился первый выпуск машинописного (самиздатского) сборника “Исторические исследования” (Historicke studie), который выходил дважды в год. Редакционный совет сборника возглавляли Я. Мезник, М. Отагал, Я. Кржен. Выходили и работы монографического плана, в частности, касающиеся некоммунистических организаций в чешском Соппротивлении⁵⁴.

Одним из факторов, способствовавших развитию “самиздата”, явилось сотрудничество “внутренней эмиграции” с коллегами, оказавшимися за рубежом, главным образом в Германии и во Франции. Из историков в разное время эмигрировали, например, В. Пречан, М. Рейман, К. Каплан, Я. Тесарж, Й. Слама, Б. Ловенштейн и др. Эмигрантские издательства и журналы “Сведецтви”, “Листы”, “Студие”, “Промены”, “Обрыс”, “Розмлювы” публиковали значительную часть чешской и словацкой исторической продукции, которая выходила сначала в “самиздате”. Основная часть тиража предназначалась для Чехословакии, куда тайно и переправлялась. С середины 80-х годов в помощь “самиздату” стали тоже тайно поставяться копировальные машины, видеокамеры и другие технические средства. В это же время большую под-

держку чехословацким независимым издательствам оказал Фонд “Хартии–77” в Стокгольме, спонсируемый несколькими частными западными фондами. Он предоставлял стипендии авторам оригинальных исследований, средства для закупки технического оборудования, присуждал премии, содействовал изданию на Западе ряда книг чешских и словацких авторов⁵⁵.

В конце 80-х годов чехословацкое общество пришло в движение. Важным фактором дестабилизации режима явилось развитие событий в Советском Союзе, Польше и Венгрии. В течение одного 1988 г. в дополнение к “Хартии–77” и “Комитету защиты несправедливо преследуемых” возникла целая структура независимых гражданских инициатив с политизированными программами, включающими и претензию на участие во власти. Осенью был обнародован манифест “Демократия для всех”; один из подписавших его – В. Гавел – назвал документ важнейшей “политической картой” 1988 г. Манифест явился “призывом к обществу включиться в политику”, отвергал догму о руководящей роли партии и утверждал в качестве основного политического принципа демократический плюрализм. В июне 1989 г. началась и всю осень продолжалась кампания сбора подписей под манифестом “Несколько фраз”. Несмотря на мощную контрпропагандистскую кампанию средств массовой информации, его подписали 37 тыс. граждан. Осенью 1989 г. был создан “Круг независимой интеллигенции”.

Активизация общественной жизни, существование “исторического подполья”, его связи, с одной стороны, с эмигрантскими кругами на Западе, а с другой – неформальное общение со многими представителями официально допущенных к профессиональной деятельности историков, оказывали свое влияние и на позиции последних. Отражением начавшегося “брожения умов” было, в частности, письмо, направленное шестому съезду чехословацких историков (февраль 1989 г.) и подписанное не только “нелегалами” и эмигрантами, но и официально работавшими учеными, прежде всего из числа молодых. Общий смысл письма сводился к требованию изменения положения дел в исторической науке, отказа от идеологического пресса, независимости науки от политики, возможности существования разных школ, допущения плюрализма и самостоятельности мнений и взглядов, упрочения связей с мировой наукой, свободы дискуссий, ликвидации цензуры и т.д. В резолюции, принятой съездом, говорилось о необходимости перестройки исторической науки, как части перестройки всего общества, о дальнейшем развитии теории и марксистско-ленинской методологии при одновременном искоренении схематизма, конъюнктурщины и стереотипов в исторических исследованиях, об обращении к тематике, которая разрабатывалась неадекватно или обходилась молчанием, об открытии доступа к архивам и “другим источникам информации” в библиотеках (имелись в виду спецхраны. – В.М.), о проведении научных дискуссий и т.д.⁵⁶

Поставленные задачи по своей сути совпадали с теми, которые выдвигались чехословацкими историками еще в 60-е годы, но не были реализованы в связи с подавлением “пражской весны”. Однако, в отличие от 60-х годов, когда историки являлись одной из активнейших

общественных сил, готовых бороться за утверждение социализма “с человеческим лицом”, официальная чехословацкая историческая наука не содействовала победе “бархатной революции” ноября 1989 г., хотя представители независимой и эмигрантской историографии, несомненно, внесли определенный вклад в развитие гражданских инициатив, приведших к падению уже весьма ослабленного коммунистического режима.

¹ См., например: Власть и интеллигенция: Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы. М., 1992; Власть и интеллигенция: Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы. М., 1993. Вып. 2; Власть и интеллигенция. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920–1950-е годы. М., 1999. Вып. 3.

² *Dějiny a současnost. Kulturně historická revue*. Praha, 1993. N 6. S. 60–61.

³ *Vartíková M. Kulturná politika slovenských komunistov v prvom roku oslobodenia // Príspevky k dejinám KSČ*. Praha, 1966. N 4.

⁴ *Drapala M. Spisovatelé na rozcestí // Soudobé dějiny*. Praha, 1994. N 4–5. S. 451.

⁵ Подробнее см.: *Копашова М.И.* Интеллигенция и культурная политика Чехословакии (1944–1948 гг.) // *Власть и интеллигенция*. М., 1992. С. 175–197; *Драпала М.* Писатели на распутье. Вокруг первого съезда чешских писателей // *Власть и интеллигенция*. Вып.3. С. 99–120.

⁶ *Rupnik J. Intelektualové a moc v Československu // Soudobé dějiny*. Praha, 1994. N 4–5. S. 540, 542.

⁷ *Kostelan A.* Druhý sjezd československých historiků (5–11 října 1947) a jeho místo ve vývoji českého dějepiscství v letech 1935–1948. Praha, 1993; *Hanzal J.* Cesty české historiografie. 1945–1989. Praha, 1999. S. 58–76.

⁸ *Досталь М.Ю.* Внедрение марксистской идеологии в историческую науку (По материалам Архива Словацкой академии наук и искусств) // *Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы*. М., 1995.

⁹ *Československý časopis historický*. Praha, 1960. N 1. S. 6, 54.

¹⁰ *Belda J., Benčík A., Kural V.* Místo tzv. legend legendy? // *Soudobé dějiny*. Praha, 1994. N 2–3. S. 345.

¹¹ *Марьина В.В.* Чехословакия: движение Сопротивления в историографии // *Антифашистское движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (Вопросы национальной историографии)*. М., 1991. С. 81–82.

¹² *Príspevky k dejinám KSČ*. 1963. N 1. S. 42.

¹³ *Prečan V.* V kradeném čase. Výběr ze studií, článků a úvah z let 1973–1993. Brno, 1994. S. 356.

¹⁴ *Odboj a revoluce. Zprávy*. Praha, 1966. N 1. S. 74; N 4. S. 141–147.

¹⁵ *Slovenské národné povstanie. Dokumenty*. Bratislava, 1965.

¹⁶ *Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu*. Praha, 1965. Sv.I. Č. 1, 2; *Sborník dokumentů k dějinám KSČ v letech 1938–1945*. Praha, 1965; *Dokumenty z historie československé politiky. 1939–1943*. Praha, 1966.

¹⁷ *Марьина В.В.* Чехословакия: движение Сопротивления... С. 86–87.

¹⁸ *Odboj a revoluce. Nástin dějin československého odboje*. Praha, 1965.

¹⁹ Подробнее см.: *Марьина В.В.* Словацкое национальное восстание в послевоенной историографии. 1945–1998 // *Славяноведение*. 1999. № 6.

²⁰ *Husák G.* Svedectvo o Slovenskom národnom povstaní. Bratislava, 1964.

²¹ *Jablonický J.* Glossy o historiografii SNP: Zneužívania a falšovanie dejin SNP. Bratislava, 1994. S. 65–66.

- 22 Dejinná križovatka: Slovenské národné povstanie – predpoklady a výsledky. Bratislava, 1964.
- 23 Československá revoluce v letech 1944–1948. Praha, 1966.
- 24 Sborník historických prací o naší cestě k socialismu. Praha, 1966.
- 25 *Opat J.* O novou demokracii. 1945–1948. Praha, 1966.
- 26 Příspěvky k dějinám KSČ. 1964. N 3; 1965. N 5; 1966. N 1, N 2; Československý časopis historický. 1966. N 6; Slovanský přehled. 1966. N 6; Nová mysl. 1966. N 17–18.
- 27 См.: Чехословакия конца 60-х годов: социализм с человеческим лицом: Реф. сб. М., 1991.
- 28 *Kaplan K.* Vývoj názorů na revoluce v Československu // Sborník historických práce... S. 83.
- 29 *Opat J.* O novou demokracii... S. 140.
- 30 Českoslovenští a itaští historikové o lidové a národní frontě // Příspěvky k dějinám KSČ. 1966. N 2.
- 31 Ibid. S. 259, 261, 262.
- 32 *Belda J.* Československá cesta k socialismu // Příspěvky k dějinám KSČ. 1967. N 1. S. 79.
- 33 Протокол съезда в переводе Н.В. Коровицкой см.: Чехословакия конца 60-х годов... С. 62–79.
- 34 *Prečan V.* V kradeném čase... S. 322–324.
- 35 Odboj a revoluce: Zprávy. 1969. N 1. S. 94–96.
- 36 *Prečan V.* V kradeném čase... S. 251–252.
- 37 Книга переизд. в 1990 г.: Sedm pražských dnů. 21–27 srpen 1968. Dokumentace. Praha, 1990.
- 38 *Prečan V.* V kradeném čase... S. 260–262.
- 39 Ibid. S. 248–250, 262–265. Уголовное дело против Пречана было прекращено, но окончательно он реабилитирован лишь в ноябре 1990 г.
- 40 Подробнее см.: *Латыш М.В.* “Пражская весна” 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998. С. 292–381.
- 41 *Prečan V.* V kradeném čase... S. 247–343.
- 42 Ibid. S. 328; см. также: *Hanzal J.* Cesty české historiografie. S. 169–178.
- 43 *Jablonický J.* Glosy o historiografii SNP... S. 85, 89.
- 44 Úkoly československé historiografie. Soubor příspěvků z vědeckého semináře historiků-komunistů z 10–11.XI.1972. Praha, 1972.
- 45 *Král V.* Historická věda v socialistickém Československu // Československý časopis historický. 1972. N 5. S. 706–729.
- 46 *Král V.* Myšlenkový svět historie. Praha, 1974.
- 47 Historický časopis. 1974. N 1–2. S. 312.
- 48 *Jablonický J.* Glosy o historiografii SNP... S. 85.
- 49 Historiografie v Československu. 1970–1980. Výběrová bibliografie. Praha, 1980; Historiografie v Československu. 1980–1985. Výběrová bibliografie. Praha, 1985.
- 50 См. подробнее прим. 19.
- 51 Československý časopis historický. 1982. N 3. S. 323–346.
- 52 О “Хартии–77”, ее целях, истории, деятельности, значении подробнее см.: *Prečan V.* V kradeném čase... S. 175–247.
- 53 Ibid. S. 314–315.
- 54 *Kural V.* ÚVOD. Praha, 1985; *Vrabec V.* Zmařená naděje: K historii odbojového seskupení Pětičnický výbor Věrní zůstaneme. Praha, 1985.
- 55 *Prečan V.* V kradeném čase: S. 382–388.
- 56 Rudé právo. 1989. 6.III.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Начиная с ноября 1989 г., формирование новых политических сил ЧССР происходило в условиях коренной трансформации всех элементов чехословацкого общества и в первую очередь политической системы. Вопреки объективно складывавшейся в стране к концу десятилетия кризисной ситуации, на XV Пленуме ЦК компартии (октябрь 1989 г.), в докладе его тогдашнего Генерального секретаря Милоша Якеша прозвучало утверждение, что “политическая ситуация в стране в целом стабильна и народ поддерживает политику КПЧ”¹. Это весьма далекое от реальной жизни утверждение лидера правящей партии усилило негативное отношение к нему со стороны различных слоев чехословацкого общества, включая рядовых партийцев, которые на своих собраниях в низовых организациях остро критиковали политику верхов и прямо требовали самых решительных кадровых изменений. Следует заметить, что М. Якеш у чешской и словацкой общественности не пользовался ни авторитетом, ни уважением. В том числе и в самой компартии. Над его публичными выступлениями открыто издевались, ибо они выдавали человека недостаточно культурного и образованного, а это, в свою очередь, формировало впечатление о всей коммунистической номенклатуре как о людях, добившихся командных высот не большим умом и организационными талантами, а единственно бездумным послушанием, умением угождать своему и московскому начальству.

Тем не менее представители старой политической элиты не сидели, сложа руки, а предпринимали соответствующие усилия, чтобы сохранить свои позиции в руководстве страной. Если бы этого не было, не произошло бы молниеносной трансформации КПЧ осенью 1989 г. Ведь буквально через пять дней после создания в ЧССР “Гражданского форума” 24 ноября состоялся внеочередной Пленум ЦК КПЧ, на котором Якеша “ушли” с высшего партийного поста, а на это место был избран 47-летний Карел Урбанек. “У партии есть все возможности сохранить заметное место в обществе. Однако это достижимо лишь в том случае, если понять необходимость перемен”, – заявил новый генсек ЦК КПЧ².

Утратив с отменой специальных статей Конституции главенствующее положение в политической жизни страны, коммунисты – “кузница кадров” для прежней элиты – пытались удержаться в верхах посредством кардинального изменения руководящего состава. Состоявшийся по решению вышеупомянутого (ноябрьского) пленума Внеочередной съезд КПЧ исключил своим постановлением из партийных рядов не только В. Биляка, М. Штепана и М. Якеша как “проповедников брежневизма”, которые навязали партии жесткий “сектантско-догматический курс, исключавший проведение принципиальных реформ современной системы”. За грубые политические ошибки во время пребывания на высоких постах в списке исключенных оказались также П. Цолотка,

Я. Фойтик, Й. Гавлин, А. Индра, М. Кабрчелова, А. Капек, Й. Корчак, Б. Хнеупек, М. Бене, К. Гофман, М. Грушкович, Л. Пезмар, М. Завадила, Л. Луговой, Я. Пирча, В. Шалгович, Л. Штроугал, В. Вайнар, Я. Гайн, Й. Кемпный, Й. Ленарт, И. Янак, Г. Гусак, З. Солак, О. Чмолик, М. Миллер, Ф. Штаф, Ф. Тесарж, К. Коварж, И. Пурш, В. Марек, М. Зике. Произведя, так сказать, расчет практически со всеми высшими функционерами, составлявшими когорту бияковско-гусаковских “нормализаторов”, съезд в спешном порядке принял программу предполагаемых действий “нового типа”, провозгласив приверженность идеям и лозунгам “социализма с человеческим лицом”.

Однако столь запоздалые “демократические прозрения” никого уже не могли обмануть. Старая элита прибегала и к тактике “круглого стола”. Весьма активен в налаживании переговорного процесса с представителями “Гражданского форума” был председатель последнего правительства коммунистов Ладислав Адамец. Подготовка этих переговоров велась в рамках инициативы “МОСТ”³. Но частичные уступки в проведении политического курса и частичные замены в правительстве, т.е. тактика дозированного допуска представителей оппозиции к власти, не привели к желаемому результату, и Л. Адамец вынужден был подать в отставку.

Таким образом, коммунистическое единовластие в Чехословакии подошло к своему неутешительному финалу. Как политическая элита коммунисты были скомпрометированы не только неудачами в строительстве общества социальной справедливости, но и предательством их руководством национальных интересов страны в 1968 г. (сотрудничество с советскими оккупантами), последующей политикой репрессий в отношении собственных граждан – сторонников реформирования социализма.

Кончина социалистического государства повлекла за собой стремительное вхождение действительно новых лиц в состав политической элиты, тех, кто не занимал каких-либо административных должностей в предшествовавшем революционным изменениям 1988 году. В среде экономической элиты произошла так называемая “революция заместителей”, когда ведущие народнохозяйственные должности заняли бывшие вторые лица управленческой вертикали. Одним из основных источников формирования новой политической элиты в Чехословакии была “революционная улица”, а более точно – те рабочие, служащие, представители творческой интеллигенции, студенты, ученые, которых объединяло отрицание прежнего режима и неприятие прежних лидеров страны. В остальном новая элита исповедовала принципы политической терпимости. Отсутствие у нее опыта политической и государственной деятельности рассматривалось скорее как плюс, нежели минус. “Что же касается профессионализма, то, по моим наблюдениям, – заявлял новый президент Чехословакии В. Гавел, – в особые исторические моменты профессиональную политику лучше делают как раз полные непрофессионалы. Я не имею в виду себя, но разных своих сотрудников, новых людей, которые постепенно приходят на государственные должности. Опыт показывает, что тот, кто 20 или 30 лет назад уже занимал-

ся профессиональной политикой, сегодня выполняет обязанности хуже, чем те, которые раньше ничего общего с этим не имели. Это странно, но это так”⁴.

Ядро новой политической элиты составила диссидентская оппозиция, существовавшая в Чехословакии в 70–80-х годах. Лицом этой оппозиции были представители “Хартии–77” – движения правозащитников. Характер “Хартии–77” как неполитической организации обусловил в самом начале формирования новой политической элиты общедемократическую направленность, предпочтение нравственных идеалов, а не политических принципов. Этот начальный этап совпадает с периодом возникновения “Гражданского форума” – организации без организационных структур, но тесно спаянной принципом: этика выше политики. “Гражданский форум” шел на выборы 1990 г. и победил, провозгласив абсолютно неполитический лозунг “Правда и любовь победят ложь и насилие”.

Символом формирующейся в посленоябрьской Чехословакии новой политической элиты стал Вацлав Гавел, чешский писатель, избранный 29 октября 1989 г. девятым по счету президентом Чехословакии. Он родился 5 октября 1936 г. в семье известных пражских предпринимателей. Отслужил в армии, получил техническое образование (на гуманитарные факультеты его не приняли из-за происхождения). В двадцать лет начал публиковаться в литературных и театральных журналах. С 1960 г. работал в пражском драматическом театре “На забрадли”, где впервые сыграны его пьесы, в которых отразилось демократическое возрожденческое мировоззрение автора. В “Пражской весне” 1968 г. В. Гавел участвовал не только как зрелый драматург, но и как убежденный сторонник демократических изменений в обществе. Выступая на IV съезде Союза чехословацких писателей (Прага, 27–29 июня 1967 г.), он уделил основное внимание практической реализации тезисов о свободе, демократии, гуманизме и прогрессе. Примером самостоятельной позиции писателя, его моральной силы для Гавела была и остается по сей день непримиримая к советскому коммунизму литературная и общественная деятельность А.И. Солженицына.

После установления в 1969 г. в Чехословакии режима “нормализации” пьесы В. Гавела были запрещены. Проявив себя как последовательный сторонник демократии и защитник прав человека, он стал одним из основателей и руководителей гражданского движения “Хартия–77”. За свое инакомыслие трижды подвергался судебному преследованию и провел в общей сложности пять лет за тюремной решеткой.

Заняв в 1989 г. высший пост в управленческой иерархии ЧССР, В. Гавел рассматривал себя на этом посту как носителя государственности – важнейшего института, позволяющего ему в случае необходимости апеллировать ко всему обществу. По его собственным словам, он “всегда был против гипертрофированной роли политических партий, против того, чтобы государство принадлежало партиям”⁵. В. Гавел выступал за пестрое, неоднородное, переменчиво структурированное гражданское общество, в котором партии играют только “надлежа-

щую” роль. Кроме того, он склонен был отводить больше простора в политике для независимых личностей.

В. Гавел, так же как и известный чешский мыслитель, духовный отец “Хартии-77” Ян Паточка, в принципе предпочитал путь не политического, а морального противостояния “коммунистическому тоталитаризму”. Однако в тоталитарной системе моральный протест неизбежно перерастал в фактор политики; те же, кто исповедовал философию морального протеста, были обречены на политические шаги. Именно это В. Гавел и назвал “антиполитической” (или в другом месте “неполитической”) политикой. То есть для него политика – один из способов искать и находить в жизни смысл, хранить его и служить ему; политика – практикуемая моральность, служение правде, забота о ближнем⁶.

Понятие “неполитической” политики определило позиции большой группы интеллектуалов, составивших значительную и наиболее заметную часть новой политической элиты. За всю 1100-летнюю историю древние стены Пражского Града никогда не видели в канцелярии главы государства такого множества людей в джинсах и кроссовках. Четыре с половиной сотни активистов митинговой стихии Вацлавской и Староместской площадей стали ближайшими помощниками нового президента и сотрудниками его канцелярии. “Смелые, отчаянные борцы с коммунистическим режимом получили вотум доверия, но они не обладали опытом управления страной. Через некоторое время многие из них ушли из политики, поняв, что это не их стезя – и бывшие художники, социологи, ученые вернулись к прежним занятиям”, – так охарактеризовал позднее этот слой новой элиты В. Гавел⁷.

Было бы преувеличением считать, что новая политическая элита целиком состояла из людей, выдвинутых революционной улицей. На чехословацкой политической сцене вплоть до выборов в июне 1990 г. практически в неизменном составе и с прежними лидерами во главе действовали политические партии, существовавшие как “союзнические” и при власти коммунистов. До июня 1990 г. работало Федеральное собрание Чехословакии – основа законодательной власти в стране, примерно на 50% состоявшее из депутатов, которые вошли в него в результате избирательной кампании 1986 г. Из 200 депутатов Народной палаты к февралю 1990 г. из прежнего состава функционировали 105 человек. А из 150 депутатов Палаты национальностей – 83⁸. Дважды реформировавшееся с ноября 1989 г. правительство также сохранило в своем составе более половины прежних членов. Из всего вышесказанного следует, что институты политической власти в Чехословакии в период с ноября 1989 по июнь 1990 г. сохраняли определенные черты предшествующего периода. Очевидно, именно это обстоятельство и способствовало умалению значимости институтов и возрастанию роли отдельных личностей. Следствием этого и оказалась неоднократно отмечавшаяся в политологических трудах персонификация политики в рассматриваемый период.

После выборов в Федеральное собрание в июне 1990 г. его персональный состав претерпел значительные изменения. Во вновь избранной Народной палате было 78% новых депутатов, 20,6% – тех, кто ра-

ботали в период с декабря 1989 по июнь 1990 г., и лишь 1,4% получивших мандаты на выборах в 1986 г. В Палату национальностей от ЧР было избрано 72% новых депутатов, от СР – 76%; 22,6% депутатов, избранных от Словакии, работали в 1989–1990 гг. (26,6% от ЧР); 1,4% депутатов и от Чехии, и от Словакии были избраны и в 1986 г.⁹

Степень циркуляции политической элиты в результате перехода к демократии значительно возросла. Как и следовало ожидать, в ее среде, в том числе и в составе Федерального собрания, уменьшилось количество служащих и бывших функционеров КПЧ и увеличилось число представителей гуманитарной и технической интеллигенции¹⁰. Однако циркуляция политической элиты, по утверждениям чешских социологов, не сопровождалась социальной циркуляцией.

Структура формировавшейся новой политической элиты ЧСФР характеризовалась многослойностью, которая в большей степени определялась не социальным статусом (так как в подавляющем большинстве элита эта рекрутировалась из служащих и интеллигенции), а плюрализмом идейных взглядов и мировоззренческих установок. Эта многослойность, в свою очередь, была организована по иерархическому принципу. В зависимости от конкретных условий развития общества “сверху” оказывались различные слои новой политической элиты.

В процессе становления новой политической элиты как неотъемлемой составляющей революционных преобразований в странах Центральной и Восточной Европы можно обнаружить две тенденции. Ее оформление происходило, во-первых, внутри уже существовавших при прежнем политическом режиме элитных групп, стремившихся провести реформы “сверху” и легитимизировать себя в качестве новой элиты, а, во-вторых, – на базе контрэлиты социалистического общества в условиях его революционного преобразования 1990–1992 гг. То есть в указанные первые постсоциалистические годы новая элита формировалась под влиянием, с одной стороны, результатов демократических выборов в органы власти, а с другой – некоторых регулирующих кадровую политику законов. В первую очередь речь идет о законе от 4 октября 1991 г., устанавливавшего ограничения на занятие государственных должностей для определенных лиц, известном как чехословацкий закон о люстрации¹¹.

Этот закон был направлен против бывших сотрудников коммунистических силовых министерств – госбезопасности и внутренних дел и их осведомителей, против членов КПЧ, занимавших руководящие посты в районных комитетах партии и выше. Он относился и к членам комиссий, которые после коммунистического переворота в 1948 г. и ввода войск ОВД в 1968 г. отстраняли нежелательных граждан от работы и исключали из высших учебных заведений. Закон о люстрации распространялся также на всех тех в силовых ведомствах ЧССР, кто когда-либо в послевоенное время проходил стажировку в Москве. По данным Международной организации труда (МОТ), более миллиона человек могли быть затронуты этим законом¹². В соответствии с ним, всем перечисленным лицам запрещалось на пятилетний срок занимать руководящие должности в системе государственного управления, в армии, в

разведывательных органах, в полиции, на радио и телевидении, в агентствах новостей, в акционерных обществах с преимущественным государственным участием, включая внешнеторговые организации, железные дороги и банки. Закон о люстрации отстранял вышеперечисленных лиц от занятия ими выборных постов в системе образования, в Академии наук, от должностей судей, прокуроров, следователей и ряда других, связанных с судопроизводством.

В соответствии с этим законом бремя доказательства невиновности лежало на обвиняемых, т.е. каждый, кто стремился занять высокий пост, должен был предоставить документ Министерства внутренних дел, заверявший, что он (или она) не принадлежал ни к одной из перечисленных выше организаций.

В отношении агентов госбезопасности и осведомителей закон полагался на документы, обнаруженные в картотеке СТА – чехословацкой секретной полиции. Таким образом, закон не принимал во внимание возможность фальсификации документов со злым умыслом или корыстной целью и предполагал, что информация полиции правдива, если не доказано обратное. Столь жесткие, если не сказать жестокие, формы, которые принял процесс декоммунизации в Чехословакии, объясняются, с одной стороны, репрессивным характером прежнего режима, а с другой – политической апатией большинства членов бывшего социалистического общества.

У закона было две цели: отстранить от службы во властно-управленческих структурах людей, которые в прошлом занимали определенные номенклатурные посты или принадлежали к определенным привилегированным группам населения; разоблачить также тех, кто работал на секретную полицию, хотя и, быть может, не принадлежал к вышеперечисленным слоям, и тоже исключить возможность занятия этими людьми государственных должностей. Однако практическая его реализация дала не совсем ожидаемый результат. От активной политической деятельности оказались отстранеными большинство прежних диссидентов. Практически никто из них не был избран в 1992 г. в новый состав парламента. Умеренное социал-демократическое течение, возглавляемое известнейшим чешским диссидентом и первым некоммунистическим министром иностранных дел ЧСФР И. Динстбиром (кстати, сокамерником В. Гавела), не смогло набрать даже минимума в 5% голосов, необходимых по закону для прохождения в парламент. В последние дни избирательной кампании противники Динстбира весьма изобретательно рисовали на его плакатах кружок вокруг букв “стб”¹³.

В заключение отметим, что в этой небольшой статье дан, конечно, не обстоятельный анализ заявленной в заголовке темы, а скорее лишь ее очерковая зарисовка. Многое во всестороннем раскрытии подобной темы остается пока, так сказать, “за кадром”, документальная база только начинает систематизироваться, фундаментальных научных публикаций о революциях 1989 г. почти еще не было... Все это для исследователя проблем современной истории создает немалые трудности, не преодолев которые рано оценивать те или иные события в жизни стран Центральной и Восточной Европы со знаком только “плюс” или, на-

оборот, “минус”. Хотя кое-чему уже вполне можно дать однозначную оценку. Так, настоящая статья о политических силах в чехословацкой революции 1989 г. не случайно закончена характеристикой закона о люстрации, который, как представляется, оказал в целом негативное, деформирующее воздействие на становление новых элит и в сфере государственной, и в области культуры в широком ее понимании.

¹ *Proks P.* Ceskoslovensko na ceste k demokracii (listopad 1989 – červen 1990) // *Slovanski prehled.* (Praha), 1990. N 5. S.420.

² *Rude pravo.* 1989. 27 listop. S.1.

³ *Horacek M.* Jak pukaly ledu. Praha, 1990.

⁴ *Гавел В.* Путь без насилия // *Известия.* 1990. 2 февр.

⁵ Цит. по: *Павлова-Сильванская М.* Гавел против Гавела // *Новое время.* 1994. № 44. С.28.

⁶ Там же. См. также: *Задорожнюк Э.Г.* Вацлав Гавел – драматургия президентства // *Кентавр.* 1995. № 5. С.10–22.

⁷ *Гавел В.* Умение ждать – это мастерство, которому надо учиться, как и умению созидать // *Независимая газета.* 1994. 29 нояб.

⁸ *Rechova J.* Nova politika s novymi ludmi // *Sociol. casopis.* (Praha), 1992. N 2. S. 223.

⁹ *Ibid.* S. 225.

¹⁰ *Ibid.* S. 225–226.

¹¹ *Sbirka zakonu.* (Praha), 1991. N 86. S. 2106–2110.

¹² *Лаббер Дж.* “Охота на ведьм” в Праге // *Проблемы Восточной Европы.* Вашингтон, 1993. № 37/38. С.102.

¹³ *Вешлер Л.* Бархатная чистка: испытания Яна Кавана // Там же. С.85.

СОВЕТСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА СМЕНУ РЕЖИМА В ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1989 г.

Хотелось бы сразу подчеркнуть, что я предлагаю вниманию читателя статью не как историк, оценивающий те или иные общественные явления с учетом определенной временной дистанции, беспристрастно и непредвзято. Я – непосредственный участник событий, о которых пойдет речь, и этот опыт, наверное, не может не сказываться на моих оценках. Вместе с тем попытаюсь быть максимально объективным и надеюсь, что мне это удастся.

Сначала краткий экскурс: десять лет тому назад произошла смена режима в Чехословацкой Социалистической Республике. Начало этому событию положило жестокое подавление студенческой демонстрации в центре Праги, на Народной улице 17 ноября 1989 г. Но детонатором, так сказать, мирных антиправительственных выступлений стали распространившиеся днем позже слухи об убийстве одного из студентов (как оказалось впоследствии, это была дезинформация). 20 ноября студенты столицы объявили о своей забастовке, которую сразу же, в течение первого дня, поддержали практически все высшие учебные заведения страны. Одновременно в центре Праги и в других городах начались массовые демонстрации (в столице ежедневное количество их участников достигало четверти миллиона человек). На пятый день протеста ушло в отставку политбюро ЦК КПЧ, пало правительство коммунистов. Через неделю последние предложили оппозиции четвертую часть мест в новом правительстве, но это предложение не было принято. На следующей неделе все же сформировалось федеральное правительство, в котором коммунисты и оппозиция получили одинаковое количество мест. Через шесть недель после 17 ноября, 29 декабря 1989 г., президентом республики стал бывший “враг государства номер 1” – Вацлав Гавел.

Я не собираюсь заниматься обзором событий, о которых, конечно же, читающая публика слышала, а многие специалисты знают о них гораздо больше меня. Но не мешает периодически с определенной временной дистанции возвращаться к основной канве этих событий, поскольку порой на расстоянии можно увидеть те их особенности, которые вблизи просто неразличимы. Главная черта смены режима в ЧССР – скорость и относительная легкость переворота. Я знаю, что сейчас несколько похож на генерала после боя; студенты, которые 20 ноября начинали забастовку, не могли даже представить, что они одержат победу – а больше всего, что она будет столь молниеносной. Но уже тогда многим казалось странным такое быстрое падение режима, которого все мы боялись и прочностью которого считалась само собой разумеющейся. Если к этому добавить, что смена режима в Чехословакии явилась частью “эффекта домино” – первыми в течение 1989 г. отказались от социализма Польша и Венгрия, а затем в течение

буквально трех месяцев (октябрь–декабрь) пала власть коммунистов и в других четырех странах (ГДР, ЧССР, НРБ и СРР), – неудивительно появление ряда спекулятивных версий о подоплеке всего произошедшего.

Одна из наиболее часто упоминаемых – версия о “новой Ялте”. В соответствии с ней, американский и советский лидеры Джордж Буш и Михаил Горбачев просто-напросто поделили Европу: СССР отказался от своих восточноевропейских сателлитов в обмен на экономическую помощь, в которой отчаянно нуждался.

Вторую, такую же весьма распространенную версию можно назвать “неудачной горбачевизацией Варшавского Договора”. Суть ее в том, что новое советское руководство стремилось произвести замену в государствах-вассалах старых брежневских “вождей” новыми лидерами, которые могли бы поддержать перестройку и тем самым облегчить Горбачеву его борьбу с внутренней оппозицией в Москве. Однако тут Кремль просчитался в главном: он не принял во внимание того, что граждане Восточной Европы боролись не за демократизацию, а за демократию. Им не нужна была реформа социализма, они хотели его конца.

Эти две версии, которые со временем обрели многочисленных и убежденных сторонников, объединяет предположение, что в 1989 г. Советский Союз располагал в восточноевропейских странах достаточной властью, чтобы добиться либо “новой Ялты”, либо устранить старых вождей и заменить их новыми.

Попытаться ответить на вопрос, насколько обоснованным является подобное предположение, – цель данной статьи.

Конечно, я не могу судить о тогдашней ситуации во всех шести упомянутых мною странах, поскольку не знаю ее достаточно хорошо. Сосредоточу внимание на Чехословакии, ибо мне пришлось заниматься поисками ответов на указанный выше вопрос в течение нескольких месяцев непосредственно после смены режима. В период с ноября 1989 по май 1990 г. я входил в состав парламентской комиссии, которая занималась расследованием пражских событий 17 ноября.

О возможностях советского влияния в Чехословакии в 1989 г. можно говорить, имея в виду, во-первых, официальные отношения между партийным руководством, органами государственного управления или военными представителями; во-вторых, личные связи между ведущими представителями и рядовыми сотрудниками партийных и государственных органов, включая силовые структуры; в-третьих, секретные контакты между советскими разведывательными службами и их агентами в ЧССР.

Официальные отношения между партийным руководством в Москве и Праге в ходе перестройки позитивного развития не имели, напротив, в значительной степени охладели, причем различия в риторике газет “Правда” и “Руде право” были столь очевидными, что их не могла не заметить общественность. Для осведомленных функционеров чехословацких властных структур кульминационным сигналом этого отчуждения стал отказ Горбачева от телефонной беседы с Милошем Якешем летом 1989 г., когда генеральный секретарь ЦК КПЧ отдыхал

в Ялте. Рядовые граждане ничего не знали об этой, казалось бы, мелкой детали; но если судить по тому, сколько раз мне об этом эпизоде после ноября 1989 г. говорили представители партийного аппарата и органов внутренних дел, то ясно, что они воспринимали эту протокольную деталь как показатель однозначного дистанцирования Кремля от чехословацких брежневцев.

Однако в системе контроля со стороны советских силовых структур за положением в ЧССР во второй половине 80-х годов не произошло никаких существенных изменений. СССР продолжал оставаться “ведущей силой мирового пролетариата”. В чехословацком министерстве внутренних дел по-прежнему продолжали работу советские “офицеры связи”, а армия подчинялась единому руководству Варшавского Договора. Было бы поэтому неправдоподобно делать из факта охлаждения отношений партийной верхушки КПСС и КПЧ какие-то далеко идущие выводы.

О личных связях между партийными функционерами и представителями силовых структур ЧССР и СССР известно относительно мало. За исключением уже упомянутого горбачевско-якешевского охлаждения отношений или дружбы советского генсека со Зденекком Млынаржем, о котором речь пойдет ниже, мы в ходе расследования выявляли какие-либо личные связи очень редко. Это не может не обескураживать, поскольку именно такого рода связи, личные знакомства, симпатии и антипатии составляют, как правило, наиболее прочную, хотя и неформальную, ткань международного, межгосударственного взаимодействия, т.е. играют в политике, как и в любой другой сфере, немалую роль.

Секретные контакты между советскими разведорганами и их агентами внутри властных структур социалистической Чехословакии время от времени упоминаются некоторыми журналистами и политиками в Чешской Республике. Подобного рода информацию можно и опровергнуть, и подтвердить. Мы, например, в ходе расследования никаких данных о советских шпионах во властных структурах Чехословакии не нашли. Но вместе с тем следует сразу же признать, что ни КГБ, ни ГРУ уже не нуждались в чем-либо подобном. В период после 1948 г., а также с начала “нормализации” действовало правило: все, что нужно было Советам, они могли получить. Для них не представляли интереса всего лишь примитивные информаторы или стукачи, поскольку в руководстве партии, армии и органов безопасности всегда было достаточно людей, готовых рассказать советским друзьям все, что происходило у них в стране. Квалифицировать на этом основании чехословацкое коммунистическое руководство лишь в качестве агентуры влияния Советского Союза было бы слишком упрощенным подходом. Вместе с тем послушание чехословацкой верхушки по отношению к Москве оставалось и в годы перестройки столь высоким, что можно отбросить версию о наличии тайных агентов, получавших инструкции от офицеров КГБ где-нибудь в укромном месте главного вокзала или на скамейке в парке.

Теперь несколько слов о советском влиянии на события накануне

17 ноября 1989 г. Весьма кратким здесь приходится быть из-за скудости найденного материала. Официальное советское влияние в ноябре 1989 г. проявилось совершенно очевидно в одном: в пассивности. Еще до прихода к власти Горбачева Советский Союз уже не мог предложить своим вассалам чего-либо другого, кроме силы. Когда Горбачев порвал с доктриной Брежнева, он тем самым де-факто лишился большей части своего влияния.

Для ЦК КПЧ, стремившегося удержаться у власти, так же как и для “Гражданского форума”, под руководством которого осуществлялись демократические преобразования в ЧССР, жизненно важным был вопрос: останутся ли советские войска нейтральными и в своих казармах. Как только стало ясно, что это именно так и произойдет, к советскому посольству в Праге утратили интерес. Разумеется, сюда приезжали некоторые “верные друзья”, умолявшие оказать “братскую помощь” (согласно повторяющимся сообщениям, которые, однако, не было возможности подтвердить, таким посетителем стал, например, Васил Биляк, бывший главный идеолог КПЧ, одна из ключевых фигур нормализаторов). Но год был уже не 1968-й.

До сегодняшнего дня остается неподтвержденным и то, что советские представители как-то “повинны” в нерешительном поведении чехословацких коммунистов, не использовавших даже те силы, которые имелись в их распоряжении, т.е. армию и внутренние войска. На заседании ЦК КПЧ 24 ноября 1989 г. министр обороны Милан Вацлавик выступил с предложением применить для подавления демонстрации в Праге силовые методы. Дословно он сказал: “Было бы достаточно, чтобы над Летенской площадью, где через день будет проходить самый крупный митинг, пролетели низко над землей два истребителя и включили форсаж”. Как считал Вацлавик, у находящихся на земле людей из-за сильного рева должна была политься кровь из носа и ушей, начаться сильные головные боли, после чего у них тут же пропало бы желание участвовать в каких-либо демонстрациях. К этому же периоду относятся планы, разработанные сотрудниками органов чехословацкой госбезопасности. Они предлагали разместить пулеметные гнезда на крыше министерства внутренних дел, находящегося в непосредственной близости с Летенской площадью.

И сегодня по-прежнему остается неясным вопрос – почему партийное руководство все же не использовало в ноябре 1989 г. силу. Согласно преобладающему взгляду, большая часть коммунистов понимала, что настал конец режима и была готова смириться с этим. Сторонники же взгляда на массовые демонстрации студентов как на антиправительственный мятеж, напротив, усматривают в пассивности властных структур самое большое доказательство закулисной игры. Общепринятым, однако, считается факт, что Кремль не хотел допустить какого-либо кровопролития на улицах Праги. Горбачевское руководство не делало абсолютно никакой тайны из упомянутой позиции. А другие позиции этого руководства, повторюсь, уже никого не интересовали.

К проблеме официального влияния Москвы относится и присутствие двух высших советников из органов безопасности СССР в эти но-

ябрьские дни 1989 г. в Праге. Нам удалось установить факт присутствия советского советника 17 ноября в штабе операции по разгону студенческой демонстрации. Генерал-лейтенант Геннадий Тесленко, офицер связи в чехословацком министерстве внутренних дел, провел в стенах федеральной госбезопасности пять часов. Во время беседы с ним в Москве весной 1990 г. он категорически отрицал какое-либо участие в руководстве акцией устрашения, в результате которой 143 человека получили ранения, свыше 100 были арестованы. Нам не удалось найти доказательств, уличающих его во лжи.

Более интересной фигурой является генерал-полковник Виктор Грушко, заместитель председателя КГБ СССР, находившийся 14–18 ноября 1989 г. с визитом в Праге. Те из моих соотечественников, кто склонен во всем усматривать конспиративные действия Москвы, разумеется, сделают вывод, что целью приезда этого высокопоставленного чекиста был контроль над процессом устранения Якеша. Видимо, Грушко вел переговоры в Праге с высшими чинами чехословацкой госбезопасности, но это объясняется родом его деятельности. Ничего сверх этого мы не обнаружили.

О личных контактах между советскими и чехословацкими представителями хотел бы упомянуть еще раз, имея в виду уже время после ноября 1989 г., когда стали появляться объяснения и интерпретации произошедших событий, попытки со стороны отдельных лиц использовать их в своих целях. Опять приходит на ум горбачевско-якешевская антипатия. Неизвестно, существовала ли она на самом деле и была ли столь уж сильной, чтобы оказывать принципиальное влияние на принятие решений органами власти. Однако очевидно то, что эта антипатия как стопроцентный факт воспринималась чехословацкой общественностью. С десятилетней дистанции мне кажется, что фактор личной неприязни между Москвой и пражским руководством играл значительно меньшую роль, чем нам казалось. Существенным было то, что Кремль не выражал желания защищать Якеша, прибегая при этом к силе. Однако причины принятия подобного решения имели отнюдь не личностный характер. Нам не удалось найти ни одного доказательства, свидетельствующего о том, что какую-то роль в политике “невмешательства” Москвы в ход событий ноября–декабря 1989 г. в ЧССР сыграли взаимоотношения ведущих лидеров.

В период после смены режима много говорили о дружбе Михаила Горбачева и Зденка Млынаржа, участника “пражской весны” 1968 г., впоследствии эмигрировавшего в Австрию (безвременно скончавшегося после тяжелой болезни осенью 1999 г.). Давно, еще в 50-е годы, Горбачев и Млынарж были сокурсниками в Московском университете и добрыми знакомыми. По версии сторонников влияния “московского закулисья”, Млынарж должен был стать чешским Горбачевым, назначенным из Москвы. Подобную версию в 1990 г. поддержало и Би-Би-Си. Но и в пользу этой версии нет ни одного доказательства. Опыт ГДР, НРБ и СРП, где старые вожди брежневской эпохи были заменены отечественными лидерами в стиле перестройки, подвергает сомнению соображения о Млынарже: проще найти отечественного Эгона

Кренца или Илие Илиеску, нежели имплантировать в руководство государства эмигранта.

Таким образом, можно говорить о двойственности советского влияния на Чехословакию в ноябре 1989 г.: с одной стороны, оно совершенно определенно проявилось в том, что развитие событий внутри СССР положило конец “доктрине Брежнева” и тем самым, собственно говоря, позволило восточноевропейским странам отказаться от социализма советского типа. С другой – кремлевское влияние непосредственно на события было поразительно ограниченным. Нам не удалось доказать наличие какого-либо вмешательства СССР – явного или неявного – в чехословацкие дела в ноябре и декабре 1989 г. Данная констатация открывает простор для последующих вопросов, на которые мы ни в 1990 г., ни до сегодняшнего дня не нашли ответов. Главный из них следующий: если бы Советский Союз хотел осенью 1989 г. вмешаться и удержать восточноевропейские страны в своей орбите, удалось бы ему это сделать? С десятилетней дистанции этот вопрос кажется по меньшей мере дискуссионным. Действительно, как бы удалось стране, неумолимо клонившейся к упадку, запутавшейся во внутренних противоречиях, прекратившей под их тяжестью свое существование буквально через два года, диктовать в 1989 г. свою волю шести государствам? Но аргументированный ответ на этот вопрос – тема уже другой статьи.

БОЛГАРСКИЙ ВАРИАНТ “НЕЖНОЙ РЕВОЛЮЦИИ”*

Начавшиеся в конце 80-х годов перемены в общественной жизни Болгарии отличались, по крайней мере на первой стадии, довольно своеобразным сценарием. В нем отразились особенности исторического прошлого страны, ее развития в период “реального социализма”, определенные специфические черты массового сознания, умонастроений различных слоев населения.

Известно, что среди других европейских стран “социалистического содружества” Болгария и политически, и экономически, и идеологически, и психологически была наиболее тесно связана с СССР. В течение многих лет это приносило ей определенные преимущества, выгоды. Вместе с тем такая связь постепенно становилась (и чем дальше, тем очевиднее) для Болгарии источником различных трудностей и коллизий. Как отмечала болгарский историк И. Баева, руководство страны, прежде всего Т. Живков, прагматично и небезуспешно стремилось трансформировать дружеские чувства болгар к СССР “в привилегированное положение Болгарии в борьбе за советские поставки сырья, особенно нефти, электроэнергии, при периодическом советском субсидировании часто болящей болгарской экономики”¹. Так, в 1973–1985 гг. Болгария ежегодно получала от СССР помощь в размере 400 млн руб. для поддержания своего сельского хозяйства, занималась весьма выгодным реэкспортом советского сырья и пр.²

Аналогичные констатации высказывали и представители властных структур. Так, К. Чакрыов, проработавший около 15 лет на высоких должностях в государственном и партийном аппарате, в том числе и в качестве политического помощника Т. Живкова, отмечал, что советские поставки сырья и энергоносителей в Болгарию далеко превышали ее потребности и нередко, даже без разгрузки вагонов, переправлялись на Запад. В свою очередь, некачественные болгарские товары находили надежный сбыт на советском рынке. Поэтому, считает он, говоря о перенесении в Болгарию “сталинской модели” социализма, не следует также забывать, что без СССР страна с ее непродуктивной экономической системой никогда бы не создала национального богатства и жизненного стандарта 70-х годов. Под мощным сырьевым покровом советской экономики Т. Живков нашел “уютное местечко”, которое долгое время оставалось “золотым дном”³. В ответ Болгария неизменно демонстрировала свою лояльность, поддержку СССР, что для последнего было особенно важно в период возникновения кризисных ситуаций в Центральной и Юго-Восточной Европе – будь-то конфликт с Югославией в 1948 г., известные события в ГДР, Венгрии, Чехословакии и

* Статья является частью исследования, поддержанного грантом РГНФ (проект № 99-01-00220).

Польше. Вместе с тем Т. Живков в своих мемуарах категорически отвергает приписываемое ему намерение присоединить Болгарию к СССР, называя эти утверждения инсинуациями “шарлатанов от политики и журналистики”, ложью, за которой проглядывают грязные цели некоторых болгарских “перестройщиков”, стремящихся возвысить себя, принижая многолетнего руководителя страны, спекулируя священным чувством патриотизма, присущего болгарскому народу⁴.

Изменившиеся во второй половине 80-х годов условия показали пагубность тесной привязки болгарского хозяйственного комплекса к советскому. Развал традиционных связей, переход на рыночный, эквивалентный товарообмен при резком сокращении его объема обострили социально-экономические проблемы Болгарии, что явилось одним из важных катализаторов общественно-политических процессов, приведших к падению живковского режима, последующему продвижению от тоталитаризма к демократии. Их конкретные промежуточные результаты, некоторые формы проявления в ряде случаев выделяют (иногда весьма заметно) Болгарию среди других бывших социалистических стран Европы при всей общности декларируемых ими целей.

Стало уже общим местом отмечать отсутствие в Болгарии в годы “реального социализма” массовой, влиятельной и организованной антикоммунистической оппозиции. Вряд ли Т. Живков так уж и лукавил, заявив в 1982 г., что в стране нет политических конфликтов и столкновений, нет “организованных политических сил, которые были бы против социалистического развития... Враги социализма в Болгарии не имеют классовой базы, не имеют социальных позиций. Они составляют единицы, они изолированы и в одиночестве дождутся своего конца”⁵. В этом утверждении применительно к существовавшей в указанное время в стране ситуации содержится большая доля истины. Болгария не пережила событий, подобных венгерским, чехословацким или польским. Болгарское общество не выдвинуло из своей среды организаторов борьбы с “коммунистическим” режимом, соответствующих духовных лидеров. Оно, как отметил президент Болгарии П. Стоянов, не знало своего В. Гавела или Л. Валенсу, не говоря о таких масштабных фигурах, как А. Сахаров или А. Солженицын⁶.

В стране не получили сколько-нибудь заметного распространения русофобия, антисоветизм, нередко, как это видно на примере некоторых других стран, срачивавшихся с антикоммунизмом. Не пользовалась влиянием и церковь, которая не могла претендовать на роль кристаллизующего ядра альтернативной политической субкультуры, как в Польше.

В целом можно утверждать, что акцептация обществом социалистических ценностей продолжалась в Болгарии дольше, чем во многих других восточноевропейских государствах. Причиной тому были иные исходные условия и социальные ожидания. По сравнению с отсталостью довоенного времени период социалистического строительства выглядел достаточно динамичным и результативным. Власти удалось на определенное время создать сравнительно прочный интеграционный

механизм, оформить своего рода “общественный договор”, в соответствии с которым за относительно благополучное развитие общество платило отказом от политических требований.

Однако с течением времени указанный механизм все труднее было поддерживать в нормальном функциональном состоянии, он все чаще давал сбой. Растущая открытость мира расширяла возможности для сравнения, убеждала в неэффективности административно-централизованной экономики. В различных слоях общества, включая правящие круги, все более ощущалась необходимость перемен. Массовым становилось недоверие, даже враждебное и часто персонифицированное отношение к власти.

Среди значительной части болгарского общества весьма благоприятную почву нашли идеи и лозунги советской (“горбачевской”) перестройки, хотя вряд ли кто предвидел ее практические результаты. В 1988–1989 гг. в Болгарии возникают различные неформальные организации, которые далеко не во всем вписывались в официальную идеологию и политику, в той или иной мере выражали оппозиционные настроения. К таким организациям относились Независимое общество защиты прав человека, Комитет по защите религиозных прав, свободы и духовных ценностей, Клуб репрессированных после 1945 г., Независимое общество “Экогласность”, независимый профсоюз “Подкрепа” (был создан в качестве альтернативы “государственным” профсоюзам) и др.

Многие из этих объединений не ставили перед собой антисоциалистических целей и были скорее “антиживковскими”. Однако уже первый опыт их функционирования показал, что решать свои задачи они могут лишь при условии демократизации политической системы. Власть пыталась “приручить” неформалов путем включения их в официальные организационные рамки (комитеты общественных и политических сил при Отечественном фронте), или же пресекать их деятельность, квалифицируя ее как антисоциалистическую. Было также принято решение о создании “отрядов защиты социализма”, которые должны были разъяснять политику партии, разоблачать “враждебные элементы”. И все же, думается, что названные неформальные организации не могут быть безоговорочно отнесены к политической оппозиции. Ни одна из них не выдвинула в то время альтернативной программы общественного развития, во имя реализации которой данная организация готова бороться за власть. В этом смысле появлением действительно влиятельной антикоммунистической оппозиции в Болгарии можно считать создание в конце 1989 г. Союза демократических сил (СДС), что произошло уже после отстранения Т. Живкова от власти.

Необходимость реальных перемен осознала и часть представителей высшего эшелона партийно-государственного руководства Болгарии, которые, очевидно, понимали, что очерненной косметический ремонт режима, декларации о намерении совершенствовать систему управления путем ее демократизации, эффективно решать социально-экономические проблемы и т.п. могут не предотвратить возможного об-

щественного взрыва. По существу, нужно было решать вопрос о власти, освобождении ее от наиболее одиозных фигур. Важно, что к концу 80-х годов Т. Живков практически лишился поддержки Москвы; напротив, демонстрировалось расположение к тем деятелям (А. Луканов, П. Младенов, А. Лилов, С. Михайлов, Ч. Александров), которые в той или иной мере не разделяли взглядов Т. Живкова, методов его работы⁷.

По мнению К. Чакырова, Т. Живков не заблуждался относительно чувств М. Горбачева к нему. Он понимал, что они принадлежат к разным эпохам и ничего нельзя сделать для их сближения. При этом, замечает К. Чакыров, по всем советским каналам – дипломатическим, разведывательным, через прямые связи между представителями интеллигенции двух стран – текла негативная информация как об обстановке в Болгарии, так и о самом Живкове⁸. Последний отмечал в своих мемуарах, что в 1988–1989 гг. в Болгарии «группировались люди, непосредственно руководимые советской дипломатической миссией. Известные болгарские деятели были “обработаны” и во время своих посещений Советского Союза»⁹. Живков утверждал также, что если бы Горбачев не совершил предательства, социализм можно было бы не только спасти, но и всесторонне реформировать, от чего выиграл бы весь мир¹⁰.

Как известно, Т. Живков был отправлен в отставку на основании решения пленума ЦК БКП 10 ноября 1989 г. Серьезным сигналом об ослаблении его позиций было письмо, направленное в Политбюро ЦК БКП председателем парламента (Народного собрания) С. Тодоровым. В этом документе указывалось на принижение роли и формализацию деятельности высшего законодательного органа страны. Действительно, решение основных проблем общества регулировалось преимущественно указами, а не законами.

Сильнейшим ударом по Живкову явилось письмо министра иностранных дел П. Младенова, адресованное членам Политбюро и членам ЦК БКП. В письме, датированном 24 октября 1989 г., говорилось о порочности стиля работы Живкова, его негативных личных качествах. Указывалось, что Т. Живков довел страну до глубокого экономического, финансового и политического кризиса; он стремится как можно дольше удержаться у власти и ради этого не остановится ни перед чем; он сумел изолировать Болгарию от всего мира, даже от СССР, и страна оказалась в одном стойле с прогнившим диктаторским семейным режимом Чаушеску. П. Младенов не исключал возможности физической расправы лично с ним или с членами его семьи.

Т. Живков считал, что письмо П. Младенова было задумано по заранее составленному сценарию, в разработке которого участвовали люди как внутри страны, так и вне ее. Не являлись, в частности, тайной связи Младенова с Горбачевым и Шеварднадзе¹¹.

Существуют различные версии относительно подготовки и оформления отставки Т. Живкова. Сам он утверждает, что избрал ее добровольно, в силу преклонного возраста, неудовлетворительного состояния здоровья, что препятствовало активной работе. Таким образом, широко

распространенная версия о какой-то “бескровной революции”, осуществленной благодаря “дворцовому перевороту”, является ложной.

Т. Живков признал, что в то время он не видел ни в Политбюро, ни в ЦК БКП достойного кандидата на пост генерального секретаря. Он склонялся к кандидатуре А. Лилова (хотя тот и был выведен из состава ЦК еще в 1983 г.), однако Москва остановила свой выбор на П. Младеневе. Этот вариант, по мнению Живкова, был отнюдь не самым удачным, однако в сложившейся ситуации он не смог ему воспротивиться, а советское посольство усиленно обрабатывало тех, от чьих голосов зависело избрание нового партийного и государственного лидера¹².

Несколько иначе освещает этот сюжет К. Чакыров. Он пишет, что до 8–9 ноября не существовало никакой “группы переворота”. Были, правда, недовольные, но они выжидали, и риск противостояния Т. Живкову взял на себя только П. Младенов. Однако в указанный период в партийных верхах поняли, что в сложившейся международной обстановке, при отсутствии советской поддержки Живков стал “не так страшен”. Автор отмечает, что до последнего момента, уже в ходе работы пленума, Живков сохранял надежду, что решение об его отставке будет отложено. Этого, однако, не случилось¹³.

Но версия об имевшем место антиживковском заговоре также получила распространение. Ее, в частности, изложил (в серии из шести публикаций под общим заглавием “Переворот”) 12–17 ноября 1998 г. в болгарской газете “Труд” известный журналист Т. Томов, который опирался на воспоминания работавшего в Софии советского дипломата В. Терехова. По свидетельству последнего, в заговоре против Живкова участвовали, помимо автора воспоминаний, посол СССР в Болгарии В. Шаратов, полковник КГБ А. Одинцов, а с болгарской стороны – кандидат в члены Политбюро А. Луканов и П. Младенов. Главной задачей указанной группы было расширение среди болгарского партийного руководства сторонников отставки Живкова, преодоления среди них нерешительности, колебаний. Через В. Шаратова с текстом письма П. Младенова был ознакомлен М. Горбачев, который “благословил” посла действовать в соответствии с обстановкой. Москва одобрительно отнеслась к кандидатурам А. Луканова и П. Младенова в качестве преемников Т. Живкова, но конкретный выбор был оставлен за болгарской стороной. Кроме того, до Т. Живкова была твердо доведена точка зрения советского руководства, положительно отнесшегося к идее отставки болгарского лидера.

Весьма вероятно, что такая недвусмысленная позиция Москвы во многом побудила Т. Живкова не “цепляться” за власть, не прибегать к решительным, силовым действиям против своих оппонентов. Нельзя здесь, конечно, не отметить, что история с отставкой Живкова подвергает серьезному сомнению искренность тезиса о советском невмешательстве во второй половины 80-х годов в какие-либо внутренние дела восточноевропейских государств.

Сравнительно спокойное, цивилизованное отстранение Т. Живкова от власти, осуществленное “сверху”, помогло Болгарской компартии сохранить существенный авторитет среди населения, немалый лимит

общественного доверия, избежав судьбы других братских партий бывших социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В этом, представляется, состоит одна из главных особенностей болгарского варианта перехода от тоталитаризма к демократии. Более того, БКП, переименованная вскоре в Болгарскую социалистическую партию (БСП), смогла в июне 1990 г. выиграть парламентские выборы, проведенные на многопартийной основе. Она сохраняла парламентское большинство до октября 1991 г., т.е. выступала в качестве одного из главных субъектов государственной власти (надо учесть, что по Конституции 1991 г. Болгария является парламентской республикой). Нужно, однако, добавить, что не сумев взять власть “с первого захода”, антикоммунистическая оппозиция небезуспешно прибегла к тактике постепенного “выдавливания” коммунистов (социалистов) из различных управленческих структур и институтов.

Следует отметить, что на XXXIX съезде БСП (сентябрь 1990 г.) было выражено негативное отношение к попыткам перенесения в Болгарию сценариев “бархатной” или “нежной революции”. Отмечалось, что в некоторых странах Восточной Европы “нежная революция” действительно положила начало демократическим процессам. Но в этих странах существовали иные, чем в Болгарии, условия – более богатые демократические традиции, более высокая политическая культура, лучшее состояние экономики и рынка. В болгарском же (“балканском”) варианте “нежная революция” вызвала бы хаос, насилие, могла бы привести к гражданской войне¹⁴. Со своей стороны, оппоненты социалистов именно в “нежной революции” видели надежный, эффективный инструмент отстранения последних от власти, обеспечения полного разрыва с тоталитарным прошлым, необратимости демократических преобразований и т.д. Было высказано, в частности, мнение, что в начале 1997 г. “нежная революция” в Болгарии завершилась¹⁵. Точку в этом процессе поставили парламентские выборы (апрель 1997 г.), на которых внушительную победу одержал правоцентристский блок “Объединенные демократические силы” (ОДС), ядром которого был СДС. Кроме того, кандидат от ОДС П. Стоянов в 1996 г. был избран президентом Болгарии.

Каковы некоторые основные итоги развития Болгарии после ноября 1989 г.?

Бесспорно, наиболее крупные сдвиги произошли в политической сфере. В стране утвердилась плюралистическая демократия, многопартийность. Однако не преодолена двухполюсная конфигурация на политической арене и главную роль на ней продолжают играть непримиримые Союз демократических сил (СДС) и БСП. Правда, рейтинг социалистов сегодня сравнительно низок (их электорат составляет 15–18% избирателей), но они объявили о намерении сформировать широкую коалицию, направленную против нынешнего правительства. Лидер БСП Г. Пырванов выразил уверенность, что “время работает не на СДС”¹⁶. Проба сил состоялась уже осенью 1999 г., во время выборов в местные органы власти. Голоса избирателей распределились между ОДС и БСП практически поровну.

Для посткоммунистической Болгарии характерна частота избирательных кампаний. После 1989 г. четырежды проходили парламентские выборы (все – досрочные), столько же – президентские (два последних раза президент избирался путем всенародного голосования, до этого – парламентом). Весной 1997 г. было сформировано восьмое по счету за указанный период правительство (на этот раз – правоцентристское). Предшествующие кабинеты имели различную партийно-политическую окраску. Их возглавляли представители и БСП, и СДС; были правительства и коалиционное, и надпартийное, и “служебные”.

Столь “динамичная” смена партийного и персонального состава органов законодательной и исполнительной власти отрицательно сказывалась на темпах и содержании экономических реформ, тормозила решение весьма острых социальных проблем, что порождает и рост политической апатии. Так, во время выборов 1990 г. от голосования воздержалось 25% избирателей, в 1994 и 1997 гг. – около 32%. Если бы выборы проводились в конце 1998 г., то на избирательные участки не явилось бы, согласно социологическим исследованиям, около 44% избирателей. Причем этот показатель в отношении лиц старше 60-ти лет составляет всего 15%, а среди молодых – 54%. Последняя цифра вызывает озабоченность, ибо речь идет не о благополучной стране, где население мало интересуется политикой¹⁷. В данном же конкретном случае можно говорить о разочаровании, об отсутствии чувства сопричастности к происходящим в стране процессам (невольно вспоминается знаменитое российское “голосуй или проиграешь!”).

Отставание Болгарии в осуществлении, в степени эффективности экономических реформ объясняется многими причинами. Как уже отмечалось, эти реформы становились заложниками конъюнктурной политики, борьбы за власть, которая не оставляла места для диалога, совместного поиска решений актуальных задач.

Следует также отметить, что у Болгарии отсутствовал опыт трансформации экономики в направлении ее либерализации, внедрения рыночных элементов еще в условиях строительства “развитого социализма”, как это было, например, в Венгрии.

Напрашиваются и некоторые аналогии с Россией. Так, по мнению академика Д. Львова, причины “плачевного состояния” российских экономических реформ следует, в частности, искать “в профессиональной неподготовленности тех, кто взялся осуществлять реформы, в отсутствии у них необходимых морально-нравственных качеств”¹⁸. Обратимся теперь к высказываниям болгарских авторов. Старейший социал-демократ А. Москов так характеризовал правительство СДС: на первый план выдвинулись “личности, жадные к власти и обогащению. К управлению пришли неподготовленные, некомпетентные люди, проявившие себя лишь в ожесточенных антикоммунистических криках, но быстро усвоившие искусство и менталитет коммунистической бюрократии”¹⁹. Профессор М. Семов по поводу правления БСП (в 1995–1996 гг.) заметил, что “30–35-летние бывшие напористые комсомольцы, за плечами у которых ничего, кроме комсомольского напора, не было, оказались и достаточно агрессивными, и достаточно алчными...”²⁰. Нетрудно

заметить, что в приведенных цитатах немало смысловых совпадений, хотя относятся они к разным странам и к разным людям.

Нынешнему болгарскому правительству удалось добиться финансовой стабилизации. Национальная валюта (болгарский лев) привязан к германской марке. Однако в целом положение в экономике остается нелегким, причем нередко оно характеризуется разными цифрами. Так, аналитики опровергают официальное сообщение об увеличении в 1998 г. ВВП на 4,5%. По их мнению, болгарская экономика стагнировала на уровне неблагополучного 1997 г., она как бы застыла в тисках несостоявшихся, неуспешных или половинчатых реформ²¹. Лондонский журнал “Экономист” опубликовал данные, согласно которым реальный экономический рост в Болгарии составил в 1998 г. 1% (в 1999 г. этот показатель может возрасти до 3%, а в 2000 г. – до 4%)²². Одной из основных болезненных и сложных задач болгарской экономики является ее структурная перестройка. В этом, однако, не преуспело ни нынешнее, ни предыдущее (социалистическое) правительство²³.

Болгария остро нуждается в финансовой поддержке. Но, как отметил премьер-министр И. Костов, Европа не сделала для страны почти ничего или сделала ничтожно мало. Сильная поддержка оказывается отдельной группе государств (Болгария к ним не принадлежит), в которых и наблюдается экономический прогресс. Что касается финансовой помощи Болгарии, то ее хватает только на платежи по внешнему долгу, который составляет в настоящее время около 10 млрд долларов²⁴.

Серьезные проблемы существуют в социальной сфере. По данным Национального центра по изучению общественного мнения, только 20% населения Болгарии живет нормально. В стране насчитывается около 500 тыс. безработных²⁵.

Социально-экономические трудности являются для Болгарии одним из главных препятствий в деле реализации приоритетной цели своего внешнеполитического курса – достижения полноправного членства в европейских и евроатлантических структурах, прежде всего в ЕС и НАТО. Со стороны Евросоюза слышны и обещания, и похвалы в адрес Болгарии, и предупреждения относительно необходимости выполнения различных условий, строгости приема в данную организацию. По оценке Комиссии ЕС, Болгария уже достигла политических критериев членства в Союзе, однако еще требуется много времени, чтобы выполнить другие важные условия²⁶. Вполне очевидно, что Европа не горит желанием принимать в свои ряды государства с относительно низким уровнем социально-экономического развития. В настоящее время в расчете на душу населения размер ВВП в Болгарии составляет 23% от среднего в ЕС. Болгария находится на последнем месте по уровню душевого дохода среди стран-кандидатов в Евросоюз²⁷.

Естественно, болгарское руководство, общественность раздражает явно дискриминационное отношение к своей стране со стороны “систой”, “благополучной” Европы. В свое время недовольство болгарских лидеров вызвал факт отказа от применения принципа равных стартовых возможностей уже на начальной стадии процедуры приема новых членов в ЕС и НАТО. Сегодня это недовольство выражается в том, что

государства “второй волны” могут заставить долго ждать, когда подойдет их очередь. Как заявил И. Костов, если переговоры о членстве Болгарии в ЕС не начнутся до 2001 г., правительство может отодвинуть этот вопрос на задний план, т.е. потеряет к нему интерес. Никакое общество, считает болгарский премьер, не может быть воодушевлено целями, реализация которых отодвигается на 15–20 лет²⁸.

Стремясь к вступлению страны в НАТО, руководители Болгарии демонстрируют лояльность альянсу, в частности, к его действиям по отношению к СРЮ. Между тем против этих действий выступает большинство болгарских граждан, в том числе 66,7% лиц в возрасте до 30 лет; 72,3% – в возрасте до 50 лет и 85,5% – старше 50 лет. Таким образом, почти 80% населения страны выражают (по крайней мере по данному конкретному поводу) антинаатовские и антиамериканские настроения²⁹.

В целом итоги первого десятилетия постсоциалистического развития Болгарии не поддаются однозначной оценке. Несомненно немалые плюсы, прежде всего в области демократизации общественной жизни, большей открытости к внешнему миру, создания определенных условий для самоутверждения личности и др. С другой стороны, не оправдались надежды на быстрое экономическое чудо, на обильную помощь Запада, на беспрепятственное “возвращение в Европу”. Растет понимание того, что при расставании с прошлым были понесены и нежелательные потери, заплачена и платится не всегда оправданная высокая социальная цена. Усилилось имущественное расслоение, возросло число бедных. Актуальной является проблема социальной справедливости, без решения которой любая социальная революция (пусть даже “нежно-антитоталитарная”) теряет свой главный смысл.

¹ Баева И. Българо-съветските отношения в годините на “перестройка”// България в сферата на съветските интереси. София, 1998. С. 118.

² Там же. С. 119–120.

³ Чакъров К. Втория етаж. София, 1990. С. 124–125.

⁴ Живков Т. Мемоари. София, 1997. С. 487.

⁵ Живков Т. Избранные статьи и речи: Март 1981 – июль 1987. М., 1987. С. 176.

⁶ Независимая газета. 1998.27. 08.

⁷ Баева И. Указ. соч. С. 121.

⁸ Чакъров К. Указ. соч. С. 200.

⁹ Живков Т. Мемоари... С. 388.

¹⁰ Там же. С. 9.

¹¹ Там же. С. 622.

¹² Там же. С. 623.

¹³ Чакъров К. Указ. соч. С. 207, 213.

¹⁴ XXXIX конгрес на БСП. Платформа за по-нататъшното обновление и преобразуване на Българската социалистическа партия в съвременна лява партия на демократичния социализъм. София, 1990. С. 12; Дума. 1990.23.09.

¹⁵ Демокрация. 1997.24.04.

¹⁶ Дума. 1999.06.01.

¹⁷ 168 часа. 1999. № 1. С. 9.

¹⁸ Слово. 1999. № 28. С. 2.

- 19 Свободен народ. 1994. № 48. С. 2.
- 20 Новое време. 1997. № 3. С. 29.
- 21 168 часа. 1999. № 4. С. 13.
- 22 Цит. по: Демокрация. 1999.31.01.
- 23 Там же; Дума. 1999.05.04.
- 24 Демокрация. 1999.02.03.
- 25 Дума. 1999.04.01; 1999.05.04.
- 26 Дума. 1999.04.01.
- 27 Дума. 1999.05.04.
- 28 Демокрация. 1999.02.03.
- 29 Дума. 1999.05.04.

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМАТИКЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Трансформации, развернувшиеся в Центральной и Юго-Восточной Европе в конце 80-х годов XX в. и в значительной мере не завершившиеся по сей день, – предмет изучения политологии. В России политическая наука вошла в сферу научного знания в 80-е годы, особенно во второй их половине, в связи с бурными общественными процессами и оформившейся потребностью в научном объяснении обретающей новое качество политической жизни, в том числе политических преобразований в упомянутом регионе, получивших наименование “нежных”, “бархатных” революций. Российские ученые встали на путь преодоления марксистско-ленинских догм и обогащения анализа различных сторон менявшейся действительности на рубеже XXI в.¹ Наука освободилась от теориеподобных ухищрений типа “запаздывающей модернизации”, “рецидивирующей модернизации”, “модернизации вдогонку”, “зависимой модернизации” и т.п.²

Обновление идей и концепций предполагало конструирование новых подходов и моделей в области политических процессов, предвидение и диагностику неизбежных кризисов и путей выхода из них с наименьшими потерями, определение политических причин и признаков потрясений, бифуркаций, которыми столь богато общество переходного периода.

Политологические подходы к исследованию трансформаций общественного устройства ценны использованием новаторских общенаучных методов – синергетики, компаративистики, конфликтологии и др. Не менее важно то, что политология – это общая интеграционная наука о политике как целостном объекте, в которую входят различные научные дисциплины, претендующие на изучение политики, политических связей, существующих в обществе. К настоящему времени оформился целый комплекс наук (политическая наука в широком смысле слова), изучающих политику на стыке собственно политологического и иного обществоведческого знания. Он включает политическую историю, политическую философию, политическую социологию, политическую психологию и др.

Без специального политологического инструментария и тщательной разработки понятийного аппарата политологии, в чем особенно преуспела западная политология, многие стороны современной политической жизни, в том числе общественно-политическая трансформация региона Центральной и Юго-Восточной Европы, оказываются труднодоступны для глубокого, обстоятельного научного анализа³. Изучая процессы трансформации на разных континентах, в различных странах

и регионах, политические науки создали соответствующую особую дисциплину – транзитологию⁴. В эту сферу исследований включились и отечественные специалисты.

Первоначальный политологический анализ событий 1989 г. не был свободен от идеологических акцентов двухполюсного мира. Часть специалистов оценила коренную ломку политического строя и глубокие изменения в других сферах общественной жизни – в экономике, в области духовных отношений и др. – как выход на путь развития по образцу западных демократий, самоорганизации общества методом создания демократической партийно-политической системы, институтов гражданского общества и т.д. Другие предпочли увидеть в развале “реального социализма” не объективно назревшие преобразования, расчищающие путь к прогрессу, а перспективу отставания, обреченности на недоразвитие вне рамок “социалистического содружества” и “мировой социалистической системы” на фоне дальнейших успехов западной цивилизации⁵. Первое направление возобладало.

Политологический подход был нацелен на уяснение логики и закономерностей процессов трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, на выявление динамики этих процессов и определение характера проблем и путей их решения, на уточнение перспектив “транзита”. В советской и российской историографии быстро распространилось определение указанных процессов как “демократической, анти тоталитарной революции”. Оно содержит прежде всего их политическую характеристику, отражая содержание первого этапа – демонтаж политического строя, а также в рамках курса на “демократию и рынок” ликвидацию режима “партии–государства” вместе с его административно-командной системой управления экономикой.

Западная политология, констатируя первоочередность быстрой и, как правило, ненасильственной ломки авторитарного политического строя и отметив революционную глубину трансформаций, не сводит их к региональному масштабу. Прочно закрепилось представление, что исходной точкой и решающим толчком для них явилась перестройка в СССР. Более того, весьма широко распространилась концепция, предписывающая рассмотрение трансформаций в общем контексте процессов ликвидации военно-политического и экономического подчинения, связанных с высвобождением восточноевропейских стран от внешних скреп ОВД, СЭВа и других ячеек аппарата “мировой системы социализма” и “социалистического содружества”, а также от внутримперских механизмов многонациональных государств. Именно в условиях утверждения своего суверенитета встали на путь трансформаций 22 из 27 государств, существующих сейчас на территории бывшего СССР и региона Центральной и Юго-Восточной Европы⁶.

Такой подход объясняет практическую одномоментность внезапной смены политического режима в тех странах, где не было длительной подготовки к ней и устойчивой мобильности масс: коллапса в Чехословакии и ГДР, в которых произошла смена политической элиты, и коллапса иного варианта в Болгарии и Румынии, в которых инициати-

ву перехватили бывшие коммунисты. Однако нет оснований выводить из почти одновременного старта процессов трансформации в регионе единый поток революционных преобразований. Сразу же в начале 90-х годов определилась существенная специфика двух этапов – демонтажа авторитарного режима и оформления новых политических структур, создания новых режимов.

Уже на первом этапе трансформации отнюдь не были тождественны, одинаковы по объему изменений, равноценны по масштабам и аналогичны по темпам, методам... Быстро обозначилось их различное протекание в зависимости от целого ряда факторов. Ликвидация прежних структур отнюдь не означала одновременных институциональных изменений – формирования демократических политических систем с парламентами, партиями, открытыми выборами, самостоятельными ветвями власти и независимыми судебными процедурами, полной гласностью и т.д.⁷ Потребовалось немалое время, чтобы в том или ином объеме стал укореняться “джентльменский набор” отработанных в странах с демократической политической культурой атрибутов демократии.

“Транзит”, т.е. более или менее длительный переходный период, многие политологи идентифицируют с процессом демократизации, другие – нет. Но и первые из них обозначают его весьма специфическими терминами – от схематичных, поверхностных “новых демократий” и “молодых демократий” до отражающих сложное развитие процесса и его неоднозначное существо “возникающих демократий”, “становящихся демократий”, “неутвердившихся демократий”, “опережающихся демократий”, “протодемократий” и “полудемократий”, “подражательных демократий”, “инфантильных демократий”, “навязанных демократий”, “элитистских демократий” и т.д.⁸

Сложилось мнение, что эйфория первых месяцев была необоснованной, надежды на быстрое развертывание и завершение преобразований – иллюзорными: форсированная демократизация в опоре на достижения западных демократий, попытки одним скачком преодолеть огромные дистанции их длительного развития нереальны. Выстроить здание современной демократии на пустом месте, отринув собственные политические устои и традиции, невозможно. Эта демократия не может ни с того, ни с сего произрасти на неподготовленной почве в развитых государственно-организованных формах. Возможно лишь возникновение в определенных точках революционного процесса элементов простейшей непосредственной демократии, решающей, как правило, конкретные локальные вопросы⁹.

Многоликость и разнокалиберность процессов трансформации потребовали привлечения возможностей нескольких политических наук. Ввиду разнообразия сфер их интересов стали широко применяться различные особые подходы, отражающие как национально-региональную специфику объекта исследования, так и своеобразие методик и инструментов ряда заангажированных в изучение политик отраслей знания: историко-культурный, социоструктурный, политико-системный, элитистский, неоинституционалистский, так называемый интернациональный

(полагающий международный фактор главной организующей и ведущей силой). Многомерность подходов позволяет обобщать характеристики многофакторного процесса, проводить исследования как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне.

Историко-культурный подход в сочетании с методиками теории традиций позволил поставить исследования на реальную почву верификации и актуализации политической культуры и политических режимов как региона, так и каждой страны. Как только был снят в значительной степени навязанный извне налет унификации, в более чем двух десятках стран обнаружился широкий разброс сходств и различий политических традиций, глубоко укоренившихся традиционных политических форм шедшего века¹⁰, включая рудименты политических систем “монархий трех черных орлов”, военно-авторитарных режимов межвоенного периода, а также автократические формы и методы правления, обычаи и нравы сорокалетия пребывания в орбите “мировой социалистической системы”, отлившиеся в модель “партии–государства”.

В результате, как показывают социоструктурный и политико-системный подходы, политические системы трансформируются в различные сочетания демократических и автократических, авторитарных элементов и форм. Это весьма хрупкие и часто недолговечные структуры, отличные от последовательно сформированных и четко выраженных автократических или определенно демократических структур. В одних из этих моделей преобладают демократические элементы – в эту группу посткоммунистических политических систем входят системы центральноевропейских стран; во вторую группу – авторитарно-сориентированные системы большинства балканских стран; переходная группа с разными пропорциями элементов обоих типов охватывает балтийские страны¹¹. В другом варианте типологии, с большим учетом территории бывшего СССР, страны группируются несколько иначе: авангардом демократизации считаются Чехия, Польша, Венгрия, Словакия, Эстония, Латвия и Литва, к странам с полуавторитарным режимом относятся Словакия, Румыния, на Балканах – Албания, Болгария, Хорватия, Сербия, Босния–Герцеговина и Македония, а также Россия, Молдавия, Украина и Белоруссия. Третья группа – страны, перешедшие в ходе трансформации из разряда тоталитарных в авторитарные в Средней Азии и Закавказье¹².

В одних из этих стран – центральноевропейских – быстрая смена охватила все существенные элементы общественного строя. В других странах динамично были заменены только ключевые элементы старого порядка, что открывало путь постепенному изменению второстепенных элементов. Имела место и иная конфигурация процесса: началась постепенная замена элементов старого устройства новыми с полной непредсказуемостью длительности и итогов этого процесса. Более того, создание отдельных структурных элементов демократии отнюдь не обязательно является признаком общего процесса демократизации: автократические режимы нередко сознательно включают их в политические системы для введения в заблуждение общественного мнения относительно продвижения страны по пути прогресса, а на деле препятствуя процес-

су установления и функционирования реальной демократии. Примером подобного явления могла служить Сербия до свержения Милошевича.

Верификация процессов “транзита” на базе опыта глобальной демократизации требует большого времени и значительных усилий. Политологические подходы позволяют ее ускорить, развернув обстоятельный анализ сложной реальности становления посткоммунистических политических систем на новом уровне научного знания, выявлять эффективность их деятельности, способность контролировать и решать демократическими методами внутренние противоречия и конфликты, обеспечивать мирное и стабильное продвижение по пути партийно-политической перестройки.

Процессы трансформации в высшей мере обременены различными противоречиями: генетическими, исторически свойственными данному обществу; неизбежно возникающими в период перехода противоречиями между старым и новым; противоречиями, рожденными новым порядком. Трансформация политических отношений развивается на фоне противоречия между отстаиваемым правовым государством и демократическими институтами, с одной стороны, и сильной, прочно закрепленной в общественном сознании стран региона и систематически воспроизводимой традицией автократической персонифицированной власти – с другой.

Противоречивы тяга к радикальным изменениям и необходимость обеспечить порядок в обществе, стремление обновить политические нормы и императив соблюдения традиций, намерение достичь максимальной репрезентативности и одновременно стабильности и эффективности политической системы, отстаивание элитой собственных интересов и решений и запросы значительного большинства населения. Очевидны противоречия между ожидаемым повышением стандартов в реформируемом обществе и малыми социально-экономическими и культурными предпосылками реформ, в том числе низким уровнем политической культуры, политического самосознания, значительным социальным неравенством и пр. В числе других можно назвать противоречие между ростом гражданских и политических прав и ущемлением экономических и социальных прав, которыми граждане свободно и легитимно пользовались при прежнем режиме. Наконец, в условиях трансформаций вступают в противоречие, например, права молодежи на образование и потребности старшего поколения в социальной поддержке, получении льгот на здравоохранение и др.

В условиях “транзита” спрос на новые научные подходы в сфере конфликтологии необыкновенно возрос, поскольку большинство процессов трансформации находится в стадии отсутствия равновесия, в перестройке и становлении, развивается с помощью самых разнообразных способов и методов, кристаллизуется и обретает разные формы с различной скоростью, приводит часто к совершенно непохожим результатам. Все это выражает неоднозначный, противоречивый, альтернативный характер общественно-политического развития и очевидную неопределенность его перспектив.

Каково фактическое направление изменений, их сущность, интен-

сивность и глубина? Насколько последовательно реализуются наметившиеся тенденции и от чего это зависит? Что происходит с прежними политическими институтами, когда и как рождаются новые институциональные структуры? Политологические подходы к изучению политических систем и процессов позволяют как выявить их суть и черты, так и определить факторы и причины их появления, темпы и методы становления и развития, возможные перспективы.

При наличии либерально-демократического конституционного каркаса и широковещательных демократических деклараций практика демонстрирует существенные отклонения как в области соблюдения принципов, так и монтируемых институтов. Государства нового типа еще недостаточно выкристаллизовались, поскольку их правовая форма, демократические политические институты, реальные политические права и свободы, как правило, формируются заново. В большинстве стран региона на старте новейшей истории первые годы демократизации не создали прочных демократических политических традиций: она сменилась утверждением военно-авторитарных режимов, а едва установившиеся на исходе второй мировой войны народные демократии были быстро трансформированы в авторитарно-тоталитарные режимы.

В переходный период оказывается весьма живучей традиция воспроизведения автократической, президентской или полупрезидентской системы власти. Авторитет государства в этих условиях не только не растет, но нередко существенно снижается, и так традиционно низкий со времен прежнего режима. Значительные массы населения, особенно в бедных балканских странах, безуспешно домогаются привычного со времен патерналистского "реального социализма" учета своих социальных нужд, ставя под угрозу политическую власть элиты, и сугубо негативно относятся к ввязыванию государственных структур в сомнительный бизнес и беспардонное обогащение.

Новые политические системы и их элиты, как правило, недостаточно управляемы. И элиты, и контроэлиты декларируют весьма охотно новые принципы и ценности, но на деле ввиду отсутствия ясности в отношении курса и плана развития, недостаточной компетентности и отсутствия опыта эффективного демократического функционирования продолжают действовать в стиле прежней автократической модели, клана (клики) и т.п. Они не владеют демократическими методами контроля за ситуацией, разрешения противоречий. В результате давние трения нередко продолжают и даже усиливаются из-за различных трудностей, происходит обострение этнонациональных отношений, на чем часть элит сознательно стремится спекулировать ради укрепления собственных властных позиций.

Парламенты как важнейшие институты и инструменты демократизации, знаменующие политические изменения, на практике функционируют далеко не так, как это записано в конституции. На пути оформления подлинного парламентаризма, демократического исхода выборов встают трудно преодолимые препятствия. Президентская власть, которая компенсирует слабость молодой партийно-парламентской системы, концентрирует значительную часть властных полномочий в своих

руках, снижает вес парламента, ущемляет права депутатов. Закон и правосудие все еще сохраняют подчиненное положение. Принципы верховенства закона и аутентичное своему статусу положение ветвей власти еще не утвердились достаточно. Развитие парламентской демократии тормозится, а президентское правление имеет реальные шансы трансформироваться в разные формы автократии.

Отдельные субрегионы и страны сохраняют свою специфику политических процессов. В Центральной Европе общественная активность концентрируется на борьбе между парламентскими партиями, а другие субъекты политической системы ущемляются или практически исключаются из политической жизни. В результате, по определению югославского политолога В. Васовича, имеет место “чрезмерная парламентаризация” и “сверхпартизация”.

В балканских странах парламентаризация политической жизни резко снижена: парламенты ослаблены, недостаточно авторитетны и весьма мало эффективны. Партии предпочитают действовать вне парламента, поскольку недостаточно адаптированы к требованиям парламентской демократии. При этом доминирующую роль в многопартийной системе играет одна господствующая партия, а режим правления – полупрезидентский. Правящие партии не хотят делить власть с другими политическими силами, а оппозиционные партии – смириться с результатами выборов и действовать в строгом соответствии с парламентской процедурой. Нормальное функционирование парламента затрудняется, оппозиция часто демонстративно мешает ему, затягивает работу и т.д. Примером такой ситуации являются Сербия и Хорватия, где сильные президентская власть и партийная система – причины слабости положения и роли парламента¹³.

Сильный парламент как квинтэссенция демократии – большая редкость во всем регионе. Такой парламент существует в Венгрии, в других странах региона его роль весьма пассивна, а нередко и маргинальна.

В целом политическое самоопределение общества в постсоциалистических странах остается весьма мало продвинутым. Преобладают объединения движений и партий, недостаточно укорененных в социальном отношении и ясно очерченных в идейно-политическом; они меняют позиции, распадаются, объединяются, создают различные коалиции. На подобной базе парламенты не в состоянии работать эффективно, принимать и реализовывать решения. Их будущее, как и перспектива укрепления демократии, может гарантироваться эволюцией в сторону парламентской республики (по образцу центральноевропейских стран), усиления законодательной ветви власти, повышения роли и авторитета закона и судов, а также консолидированием политической системы на основе более радикальной трансформации и демократизации политических партий, уравниванием партийных систем (когда главной правящей партии противостоит не менее авторитетная коалиция оппозиционных партий или сильных движений).

Наконец, специфически остро стоит проблема формирования гражданского общества: если его элементы и возникают, то развиваются

крайне медленно, не обеспечивая достаточных условий для самоорганизации населения и динамичного развития демократии.

Анализируя основные изменения в процессах революционных преобразований в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, крупные политологические школы постепенно составили подтвержденное большим фактическим материалом представление о наличии различных фаз и стадий этих преобразований: за демонтажем системы авторитарного правления следует фаза перехода к демократической политической системе, за конструированием структурных элементов новых форм правления идет стадия налаживания “эффективного функционирования демократического режима”¹⁴, “отстранение оптимальной деятельности демократического политического порядка”¹⁵. Эту стадию крупные западные компаративисты Х. Линц и А. Штепан именуют “незавершенным демократическим переходом”¹⁶.

Развертывание этого процесса, как правило, нелинейно, идет сложными путями, с многочисленными остановками и откатами, далеко не всегда логически завершается.

Глубинные, революционные по своему характеру преобразования сочетаются в разных пропорциях с реформаторскими действиями. Их продвижение происходит отнюдь не по единой модели, оно разноуровневое и разноскоростное. Это вызвало появление нового промежуточного понятия “революция”.

Понятийный аппарат политологии, как и всякой другой бурно развивающейся новой отрасли знания, находится сейчас в процессе своего становления и энергично вовлекает в него наработки лингвистики, придавая своей терминологии строгую корректность. Это особенно заметно в области описания и осмысления современного этапа посткоммунистических трансформаций, постепенного упорядочения демократической политической системы, зарождения и упрочения институтов гражданского общества и т.д. Специфическое содержание этой стадии развития позволило выделить новую теоретическую субдисциплину – “консолидалогию”, которая уже получила права гражданства и сейчас играет существенную роль в типологизации моделей трансформации и определении закономерностей ее этапов и фаз¹⁷.

Одна из сложнейших проблем консолидации – определение политических критериев очередности трансформаций в политической и экономической областях: что раньше – демократия или рынок? Оказавшись перед задачей развести демократизацию политической системы и переход к рынку, а также соотнести их друг с другом, политические науки признали недостаточность своего инструментария для ее однозначного решения. Специалисты по политической трансформации, компаративисты, констатировали чрезвычайную сложность и глубокую внутреннюю противоречивость “двойного перехода”, в котором экономические реформы играют отрицательную роль в судьбе новых демократий, разрушают доверие населения к ним своими болезненными последствиями и стимулируют выступления масс против обновленной политической системы. Само продвижение экономической трансформации, если оно не осуществляется достаточно быстро, в рамках

“шоковой терапии”, оказывается под ударом. В итоге ряд крупных ученых пришли к выводу, что попытки реформировать экономику без изменения политической сферы не удались, что первопричина – политическая трансформация, без которой невозможно успешное развитие рыночной экономики¹⁸.

Наиболее разносторонний подход к проблемам различных аспектов трансформаций обнаружил еще в 1993 г. З. Бжезинский, который прогнозировал протяженность этих процессов как весьма длительную (минимум на 10 лет в Центрально-Восточной Европе и на 15–20 лет в других постсоциалистических странах) и выявил динамику политических и экономических преобразований на протяжении нескольких этапов. Так, по его мнению, вступительный этап ликвидации прежних политических режимов предполагает первоначальную стабилизацию экономики и будет длиться от года до пяти лет, подготавливая второй этап, создавая условия для достижения большей стабильности в политической области, институционального обеспечения функционирования демократии.

На новом этапе протяженностью от трех до десяти лет устанавливается новый правопорядок, включая принятие конституций. Утверждается новая парламентская система, в различные сферы общественной жизни внедряются демократические процедуры. Одновременно развертывается широкая трансформация в области экономики: создается банковский сектор, проходит демонополизация, малая и средняя приватизация на условиях обеспечения прав собственности.

Только и именно на этой основе общество входит в третий этап, когда достигается политическая консолидация, начинают устойчиво функционировать политические демократические институты, а частная инициатива обеспечивает устойчивый экономический рост. Эта фаза, по предположению З. Бжезинского, потребует 5–15 или более лет¹⁹.

Предложенная Бжезинским схема более логична и жизненна, чем попытки предложить выбор из двух стратегий – или сосредоточиться на проведении экономической реформы, отставив в сторону политические преобразования, или вначале развивать и укреплять демократию и лишь после завершения таких мер заняться экономикой. Политическая трансформация бесспорно стартует первой, но ни в коей мере не может развиваться вне других сфер общественной жизни. Ни один из процессов общественного развития не проходит в изоляции. В поливариантном обществе каждого региона, с множеством альтернативных возможностей, жесткие схемы не работают.

Практика показала, что даже противостояние авторитарного и демократического начал в формирующихся вариантах строя и режима не является единственной плоскостью борьбы. В настоящее время, по обобщению Ф. Шмиттера, речь идет не “о простом выборе между регрессом к авторитарии и прогрессом к демократии”, но есть еще по крайней мере две альтернативы – возникают “гибридные режимы”, сочетающие элементы авторитарии и демократии, и “неутвердившиеся демократии”²⁰. В ряде стран соблюдается лишь “процедурный мини-

мум” демократической системы, общество самоорганизуется не лучшим образом на разнонаправленных процессах и отсутствует базовый консенсус, определяющий отношения между партиями, организованными интересами, а также этническими и религиозными группами населения”²¹. При этом существует угроза, как вполне обоснованно считает бывший болгарский президент Ж. Желев, окостенения посткоммунизма с постепенной заменой слабой демократии “многопартийной, авторитарной всеобщей дракой”, заменой честных выборов и рынка “квази-капиталистическим гибридом экономики, в котором процветают преступность, рэкет, коррупция, политическое манипулирование и мафия”. Он призывает не дать агогизирующему труп автократии “утащить с собой на кладбище слабую демократию”²².

На ту же опасность незавершенности преобразований, имевших на начальной стадии черты революционности, указывает и С.П. Хангтингтон. Ее несут с собой политические лидеры и группы, которые после прихода к власти начинают манипулировать демократическими механизмами, урезая или разрушая демократию. Хангтингтон не относит к их числу возвращение к власти тех “посткоммунистов”, которые играют по демократическим правилам, но видит угрозу в возрождении исполнительной власти в форме концентрации полномочий в руках ее главы, подчиняющего и даже распускающего представительные органы²³. Подобная “авторитарная демократия” свидетельствует о своеобразной мутации демократии, о разнородности не только процессов ее становления и развития, но и явной незавершенности подававшей вначале большие надежды политической революции.

Преодолевая зигзаг общественного развития, связанный с попыткой единым махом перескочить необходимые его фазы и построить “реальный социализм”, невзирая на отсутствие необходимых к тому предпосылок, “постсоциалистические страны” решают не менее сложную, многоплановую, поливариантную и требующую длительного времени задачу мирного, но не исключającego новых резких скачков, развития; его теоретическое осмысление только еще начинается.

¹ См.: Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития. М., 1992; Политические партии и движения: проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994; Становление многопартийности в Восточной Европе в 1990-е годы (на материалах Болгарии, Венгрии, Восточной Германии, Польши, России, Словакии и Чехии). М., 1996; Трансформационные процессы в России и Восточной Европе и их отражение в массовом сознании. Материалы международного симпозиума 24–25 мая 1996 г. М., 1996; Политическая трансформация стран Центральной и Восточной Европы. М., 1997; Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов. М., 1997; Политические элиты в Центральной и Восточной Европе (проблемы переходного периода). М., 1998; Левый поворот и левые партии в странах Центральной и Восточной Европы. М., 1998 и др.

² Россия. Модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 28–30.

³ См.: *Вайнштейн Г.* Посткоммунистическое развитие глазами западной политологии // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 8, 9.

- 4 *Фон Бойме К.* Теория трансформации – новая междисциплинарная отрасль знания? // Государство и право. 1994. № 7. С. 151.
- 5 *Васович В.* Переход к демократии в посткоммунистических странах (парадоксы перехода-демократизации) // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1998. № 2. С. 24.
- 6 См.: *Bunce V.* Should Transitologists Be Grounded? // *Slavic Review*. Spring 1995. Vol. 54. N 1. *Idem.* Comparing East and South // *Journal of Democracy*. July 1995. Vol. 6. N 3. *Offe Cl.* Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // *Social Research*. Winter 1991. Vol. 58.
- 7 *Przeworski A.* Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge, 1991. P. 67. См. также: *Bova R.* The Political Dynamics of the Post-Communist Transition. A Comparative Perspective // *World Politics*, October 1991. Vol. 44. N 1; *Przeworski A., Limongi F.* // *Political Regimes and Economic Growth* // *Journal of Economic Perspectives*. Summer 1993. Vol. 7. N 3.
- 8 *Васович В.* Указ. соч. С. 19. См. также: *Шестопал Е.Б.* Трансформация российской и восточноевропейской политики // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1998. № 2. С. 18.
- 9 *Journal of Democracy*. July 1995. Vol. 6. N 3. P. 96; *Ульченко Н.В., Ерошкина Т.П., Захарченко Г.В., Борисов С.В.* Политическая система общества: Институты, режимы, функционирование, способы изменения. Самара, 1997. С. 55.
- 10 *Gati Ch.* The Mirage of Democracy // *Transition*. 1996. 22. III. P. 6, 9.
- 11 *Васович В.* Указ. соч. С. 32–33.
- 12 *Gati Ch.* Op. cit. P. 12.
- 13 *Васович В.* Указ. соч. С. 40–42.
- 14 *O'Donnell G.* Transitions, Continuities and Paradoxes // *Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective*. Notre Dame, 1992.
- 15 *Shin Chull Don.* On the Third Wave of Democratization. A Synthesis and Evaluation of Recent Theory and Research // *World Politics*. October 1994. Vol. 47. P. 143.
- 16 *Linz J.J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore, 1996. P.3.
- 17 *Schmitter Ph. C.* Interest Systems and the Consolidation of Democracies // *Reexamining Democracy*. Newbury Park, 1992; *Schmitter Ph. C., Terry Lynn K.* The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East Should They Attempt to Go? // *Slavic Review*. Spring 1994. Vol. 53. N 1.
- 18 См. подробнее: *Вайнштейн Г.* Посткоммунистическое развитие глазами западной политологии // *Мировая экономика и международные отношения*. 1997. № 9. С. 144–149.
- 19 *Brzezinski Zb.* The Great Transformation // *The National Interest*. Fall, 1993. N 33. P. 3–13.
- 20 *Schmitter Ph. C.* Dangers and Dilemmas of Democracy // *Journal of Democracy*. April 1994. Vol. 5. N 2. P. 59.
- 21 *Ibid.* P. 61.
- 22 *Zhelev Zh.* Is Communism Returning? // *Journal of Democracy*. July 1996. Vol. 6. N 3. P. 5.
- 23 *Huntington S.P.* Democracy for the Long Haul // *Journal of Democracy*. April 1996. Vol. 7. N 2. P. 3–13.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Роман Бакер* – доцент университета им. Н. Коперника, г. Торунь, Польша.
- Бартушка Вацлав* – журналист, сотрудник газеты “Млада Фронта Днес” (г. Прага, Чешская Республика).
- Бухарин Николай Иванович* – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт международных экономических и политических исследований РАН.
- Валева Елена Любомировна* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
- Желички Бела Йозефович* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
- Задорожник Элла Григорьевна* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
- Зудин Юрий Федорович* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
- Коровицына Наталья Васильевна* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
- Лыкошина Лариса Семеновна* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт информации по общественным наукам РАН.
- Майорова Ольга Николаевна* – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
- Марьина Валентина Владимировна* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
- Милякова Лидия Борисовна* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
- Новопащин Юрий Степанович* – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
- Парадовский Рьшиард* – доктор философских наук, профессор университета им. Н.Коперника (г. Торунь, Республика Польша).
- Пречан Вилем* – председатель Национального комитета историков Чешской республики, директор Чехословацкого документального центра, главный редактор журнала “Современная история”, Прага, Чехия.
- Субботин Андрей Александрович* – аспирант-историк Института славяноведения РАН.
- Фельдман Дмитрий Михайлович* – доктор политологических наук, профессор МГУ им. Ломоносова.
- Щербакова Юлия Александровна* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН.
- Яжборовская Инесса Сергеевна* – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт сравнительной политологии РАН.

The collection of articles includes the materials of the international conference that took place in Moscow and was devoted to the 10-th anniversary of the events in the countries of Central (Eastern) Europe which resulted in the downfall of the totalitarian regimes here in 1989–1990. For the first time in native and foreign historiography an attempt has been made to analyse a complex of historical internal and foreign causes of downfall of “real socialism” in the region. The authors consider the history of “velvet” revolutions, the models of transition to democracy in Czechoslovakia, Bulgaria, Hungary, Poland on the base of rich sources, including archives, documents of main oppositional forces and the press of central european countries, the latest foreign literature.

Научное издание

**РЕВОЛЮЦИИ 1989 ГОДА
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
(ВОСТОЧНОЙ) ЕВРОПЫ:**

Взгляд через десятилетие

*Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *В.Н. Токмаков*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Болотина*

Технический редактор *В.В. Лебедева*

Корректоры

А.Б. Васильев, Г.В. Дубовицкая, Н.П. Круглова,

Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова

Верстка выполнена в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 15.06.2001
Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 13,0. Усл.кр.-отг. 13,0. Уч.-изд.л. 15,5
Тираж 500 экз. Тип. зак. 4079

Издательство “Наука”
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"**

Магазины "Книга–почтой"

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 75 (код 812) 235-05-67

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга–почтой"

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 ("Книга–почтой"); (код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга–почтой"); (код 3432)
55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 ("Книга–почтой"); (код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 ("Книга–почтой"); (код 3832) 35-09-22
142292 Пушкино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга–почтой"); (13) 3-38-60
443022 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга–почтой"); (код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга–почтой"); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49 (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон 241-03-09

E-mail: АКАДЕМ. КНИГА @ g. 23 relcom.ru

Склад, телефон 291-58-87

Факс 291-87-68

*По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: [initsiat @ naukaran.ru](mailto:initsiat@naukaran.ru)*

ISBN 5-02-008748-3

9 785020 087484

